

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 1 (29). 2006

Содержание

К ПЯТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА	3	НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ И. В. Зимин «Дело врачей» и кампания против «безродных космополитов» времен императрицы Елизаветы Петровны	56
АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА В. А. Кореневит Лабиринт «Фабульная роща в Летнем саду»	4	В. Б. Зернов Финские избы в Петербурге	58
ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЕМЬЯ Р. Ф. Либих Либихи – династия петербургских врачей Фотографы Карл Булла и его сыновья. <i>Интервью М. Фоменок с В. Е. Эльбеком</i>	10 16	МУЗЕИ ПЕТЕРБУРГА Е. Я. Кальницкая Postfaktum: размышления о связи времен Г. П. Закревская По залам Центрального музея железнодорожного транспорта России	60 66
СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА А. М. Редаэлли, П. Тодорович Тессинские строители в Петербурге в первой половине XIX века. <i>Пер. с итальянского М. Г. Талалая</i> В. А. Курляндский, В. Ф. Пятинин Спас на Крови, послание на стенах Д. А. Орлов Генеральный план развития Ленинграда 1941 года	20 25 28	МЕМУАРЫ Дж.-П. Вьёссё Петербург в 1816 году. Отрывок из путевого дневника. <i>Публикация М. Г. Талалая</i> В. Я. Ионас Немецкая школа <i>Подготовка текста, комментарии</i> Н. В. Скворцовой А. И. Картус Ленинград 1925–1932 годов. Воспоминания	70 75 80
ДУША ПЕТЕРБУРГА А. В. Помарнацкий Фрагменты из цикла «Русские и семейные хроники»	30	ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОЛЬКЛОР Н. А. Синдаловский Временные – в Смольном	86
ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ Е. Е. Боброва «Города великого гонцы» в Прикамье. Из истории эвакуации. 1941–1945 годы	34	СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ Командующие войсками Ленинградского военного округа В. М. Лурье, П. А. Калёнов Виктор Федорович Ермаков	93
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ Е. Л. Александрова, В. М. Федоров Каменный Нос – Старая и Новая Деревни у Черной речки А. А. Бурькин Семья Сигизмунда Леваневского в Санкт-Петербурге	37 43	РЕЦЕНЗИИ В. Е. Павлов Большая Морская улица	95
ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА Л. П. Беляков Девушка из батальона морской пехоты	46	ЮБИЛЕИ С. Н. Полтораки К юбилею Наталии Васильевны Юхнёвой	97
ПРИГОРОДЫ Е. В. Абарова, Н. П. Матвеев, Т. С. Саркисова Недавнее прошлое Павловского шоссе Царского Села	52	В. П. Третьяков Рецензия на книгу Э. А. Анненковой и Ю. П. Голикова «Принцы Ольденбургские в Петербурге» Заседание редколлегии журнала «История Петербурга» Сведения об авторах	98 99 100

Главный редактор

С. Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор

Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН

Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор

Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Е. Я. Кальницкая, кандидат искусствоведения

А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, доцент

Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор

В. Л. Пянкевич, доктор исторических наук, доцент

А. А. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент

Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор

В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор

И. М. Триодина, кандидат культурологии

С. Б. Ульянова, кандидат исторических наук, доцент

А. Н. Чистиков, кандидат исторических наук

В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полтораки

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

<http://www.spbhistory.ru>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2006

© Авторы публикаций, 2006

© Издательство «Нестор», 2006

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — «Невский проспект у Казанского собора». Автор неизвестен. 1860-е гг. (?)

На 4-й странице обложки — «Эрмитажный мостик». Из серии «Старый Петербург». Худ. В. Н. Кучумов (1888—1959)

Дорогие читатели!

Журналу «История Петербурга» в феврале 2006 года исполняется 5 лет. Для редколлегии и для многих друзей издания это большая дата. Мы не стремимся писать о наших достижениях в эти юбилейные дни. О них гораздо лучше расскажет сам журнал.

С праздником нас поздравили десятки читателей.

Некоторые из поздравлений с удовольствием публикуем.

Спасибо всем тем, для кого журнал «История Петербурга» стал близким и родным.

Главный редактор журнала
С. Н. Полторака

Уважаемый Сергей Николаевич!

От всей души поздравляю Вас и редколлегию журнала с первым юбилеем. Ваш журнал занял особое и достойное место среди изданий, пишущих о Петербурге. Интересный, а порой и совершенно уникальный материал, который Вы публикуете, замечательное оформление привлекает все большее количество читателей. Вы даете возможность узнать много нового об истории нашего города, встретиться на его страницах с интересными людьми – живыми свидетелями многих интересных и важных событий прошлого.

Желаю Вам и Вашим коллегам творческих успехов, новых интересных статей, новых поклонников. Продолжайте радовать нас своими замечательными выпусками.

Художественный руководитель и главный дирижер Академического симфонического оркестра Филармонии, народный артист СССР, лауреат Государственной премии России, академик Российской академии гуманитарных наук, профессор

Александр Сергеевич Дмитриев

Дорогая редакция!

С большим удовольствием поздравляю весь коллектив вашего замечательного журнала с пятилетним юбилеем.

Мне очень нравится ваш журнал как по содержанию, так и по оформлению. Он выделяется из множества современных изданий своей интеллигентностью, глубиной, широкой тематикой: каждый читатель может найти в нем материалы, созвучные своим профессиональным и общим интересам. Я всегда с нетерпением жду каждого следующего номера. Хочется отметить, что, несмотря на тематическое разнообразие и индивидуальность авторов, журнал выдержан в едином стиле с точки зрения хорошего русского языка и удачного подбора иллюстраций.

Одним словом – это прекрасный, истинно петербургский журнал, и я горжусь тем, что и моим воспоминаниям нашлось место на его страницах.

Желаю журналу «История Петербурга» дальнейшего развития и творческого долголетия. Особую симпатию и благодарность хочу выразить главному редактору Сергею Николаевичу Полтораку – замечательному человеку, талантливому организатору, беспрдельно преданному своему делу.

С уважением,

профессор Санкт-Петербургской консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова

Груня Исааковна Ганкина

Уважаемый Сергей Николаевич!

Поздравляем любимый журнал с юбилеем! Мы рады, что Вы нашли свою нишу и своего читателя. Ценим Вас за высокий уровень публикаций и компетентность авторов.

Всегда Ваши читатели и почитатели из библиотеки «Старая Коломна»:

зав. библиотекой

Е. А. Афанасьева

зав. сектором краеведения

Г. И. Беляева

Лабиринт «Фабульная рожа» в Летнем саду

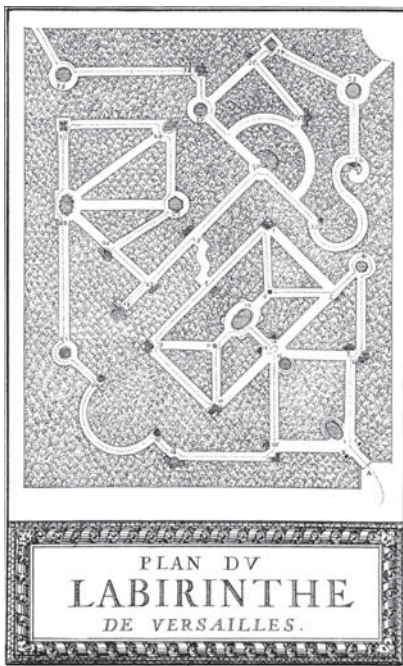
В. А. Коренцвит

Будучи во Франции, Петр I среди многочисленных диковинок Версаля не обошел вниманием садовый лабиринт с фонтанами, при входе в который стояла статуя уродливого раба – философа Эзопа. В фонтанах находились свинцовые позолоченные фигуры зверушек – героинь басен древнегреческого мудреца. Легко представить, с каким любопытством Петр I осмотрел, не пропустив ни одного, все 39 фонтанов, с радостью узнавая с детства любимые басни. В России их знали не только ученые люди, но и простой народ. Еще до того, как появился лубок, сюжеты популярных басен воспроизводились в росписях печных изразцов.

Созданный в 1664 году лабиринт считался одной из главных достопримечательностей Версальского парка. Шарль Перро посвятил ему книгу, иллюстрированную изображениями всех фонтанов¹. Его книга «Лабиринта Версальского» была в библиотеке Петра I.

Версаль. Лабиринт.
Статуи Эзопа и Амура.
Гравюра С. Леклера. 1677 г.

Версаль. План лабиринта

В ней царь заложил закладки, отобрав наиболее понравившиеся водометы, которые захотел повторить в своих резиденциях в Летнем саду и Петергофе. Кроме того, он указал на иллюстрации в нравоучительной книжке «Зрелища жития человеческого, различных животных и старожиточных людей примерами всяких добрых нравов в научение представлено».

С лабиринтом в Летнем саду связан исторический анекдот, записанный академиком Якобом фон Штелиным. Личность российского императора чрезвычайно интересовала Штелина. Он собирал воспоминания людей, знавших Петра I или слышавших о нем что-либо интересное.

«Летний сад разбит садовником Шредером, он же устроил лабиринт», – писал Штелин. Автор писал по горячим следам; многих выдающихся людей он знал лично. Но садовника Корнелиуса Шредера в живых не застал: тот умер в 1733 году, за два года до приезда ученого в Петербург. Но Штелин был зна-

ком с его племянником, Конрадом Шредером, ставшим преемником дяди в должности главного садовника императорских садов. От него Штелин мог услышать рассказ, о том, как в лабиринте появились многочисленные фонтаны с фигурами зверей и птиц, персонажей басен Эзопа. Будто бы царь обсуждал со своим садовником, что бы такое придумать для просвещения малообразованных посетителей. К. Шредер посоветовал разложить полезные и занимательные книжки на садовых скамейках, на что Петр I возразил, что гораздо лучше поставить в лабиринте фонтаны и в них фигурки из «эзоповских басен», как он видел в Версале, а рядом у каждого бассейна укрепить на столбике табличку с текстом басни и ее толкованием. Петр I знал, что версальский лабиринт носил название «педагогического боскета», в котором воспитатель дофина, Боссюэ, просвещал будущего короля Франции Людовика XV.

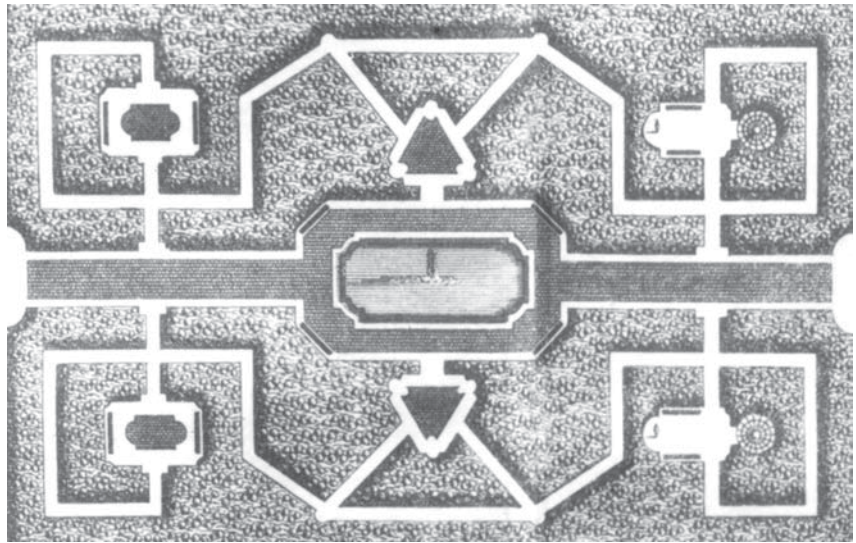

Печной изразец
с росписью на сюжет басни
«Волк и журавль»

Как не вспомнить, что в годы перестройки появилось остроумное толкование басни «Ворона и лисица»: «Лишь избавившись от сыра, ворона обрела свободу слова». Но это в скобках.

Считается, что лабиринт в Летнем саду создан одновременно с фонтанами в 1720-х годах по проекту архитектора М. Г. Земцова. Это не точно. М. Г. Земцов приступил к строительству водометов лишь спустя несколько лет после того, как К. Шредер устроил лабиринт. В архиве сохранился замечательный документ: прошение, поданное К. Шредером в 1728 году, о прибавке жалованья. Из него узнаем любопытные сведения: «Работал я, ваше императорское величество, с 1711 года при Санкт-Петербургском Летнем доме при огороженных делах садовником и был в науке у садовых мастеров у Яна Розена и Яна Шульца, а в прошлом [1]718 году по данному мне чертежу от блаженной и вечнодостойной памяти его императорского величества Петра Великого, который чертеж прислан был из Франции, сделал я, нижайший, без указания мастеров сад при Летнем доме, что называется Второй, который и ныне видим»².

Установлено, что К. Шредер не мог быть создателем Летнего сада. Академик Я. фон Штелин заблуждался на этот счет или не совсем точно понял своего информатора. Сам К. Шредер говорит о Втором Летнем саде. Напомним, территория резиденции была примерно поперечным каналом на два сада, из которых северный, тяготеющий к Неве, назывался Первым, а южный, прилегающий к Мойке, – Вторым Летним садом. На самом деле К. Шредер не сделал, а переделал Второй Летний сад; точнее говоря, разбил в нем садовый лабиринт, который был столь обширен, что можно простить допущенную неточность. Проект лабиринта взят из иллюстраций Ж.-Б. Леблон к книге Д. Аржанвиля «Искусство садов»³. Эта очень популярная в Европе книга появилась в библиотеке российского царя еще в 1715 году, до его личного знакомства с Ж. Леблоном. В 1718 году, когда создавался лабиринт, Ж. Леблон был еще жив; он скоропостижно скончался в феврале 1719

Ж.-Б. Леблон.

Образцовый проект плантажа – прототип лабиринта Летнего сада

года. Естественно предположить, что идею лабиринта подсказал Петру I сам автор, т. е. Ж. Леблон, и работы велись под его надзором.

Возвращаясь к вопросу, когда состоялся памятный разговор об устройстве в Летнем саду фабульных фонтанов, заметим, что впервые такие водометы Петр I задумал поставить в Петергофе. «В нынешнем [1]723 году, – читаем в документе, – его императорское величество в бытности в Москве указал делать в Петергофе: ...фантаны во всех нишелях решетчатых по обеим сторонам того канала (Морского канала. – В. К.)... и чтоб были в каждой нишели фигуры из Есоповых фабул, також около цветников в нишелях решетчатых [и] против Большой глаткой Марлинской кашкады, что подле пруда»⁴.

Не дожидаясь, когда в Петергофе будут закончены фонтаны, Петр I отдал в сентябре 1724 года распоряжение о строительстве 36 таких же водометов в лабиринте Второго Летнего сада. В протоколе Канцелярии от строений 19 сентября 1724 года было записано: «...книжки, которые были у гезеля* Земцова: 1. Езоповы фабул, 2. Зрелище жития человеческого, 3. Лабиринта Версальского сего числа от него Земцова изъяты и отданы его императорскому величеству. Так же изволил его величество требовать чертежей, которые рисовал

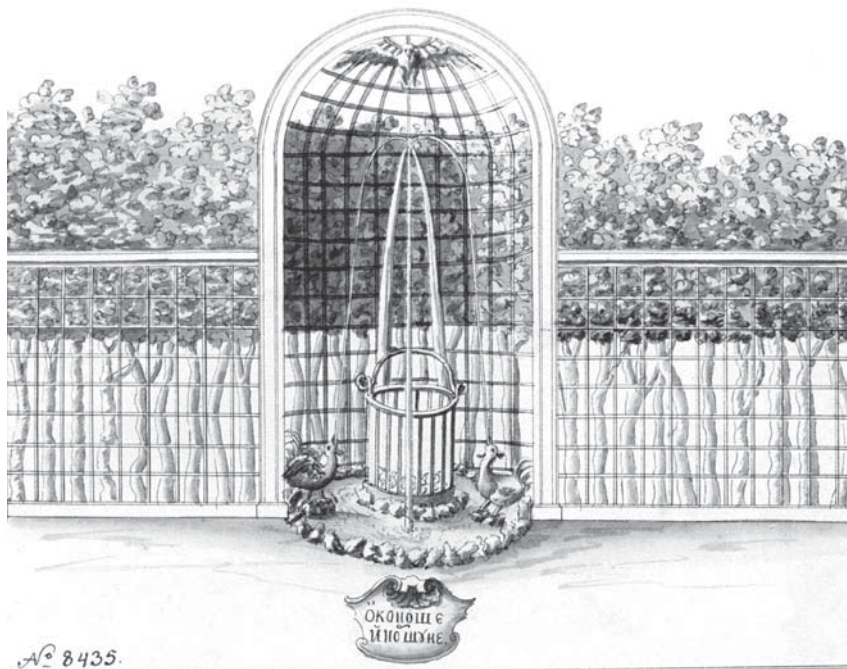
Земцов, и из оных книжек фигуры, на что его величество указал послать по те чертежи нарочного»⁵.

До нас дошли рисунки М. Г. Земцова четырех петергофских фонтанов: «Два змия», «О кошке и курице», «О горе, хотящей родите», «О Змии».

Через месяц, 16 октября, М. Г. Земцов подал донесение, в котором писал: «Прошедшего сентября 13 дня его императорское величество изволил указать в саду Летнего дома зделать... 36 фантанов из фабул и лабиринта Версальского и Зрелища жития человеческого, из эзоповых притчей, которым чертежи сочиняютца у меня... К вышепомянутым делам надобно два человека резных мастеров для дела моделей, а именно: Кондрата Оснера, Крауля Егеля Кразоля... а для выливания из свинцу и вычищения оных фабул француза Вассу с товарищи, кого приберет, також Петра Луковникова и приезжего из Англии Озерова, для дела ключей медных и трубок Корнелиуса Гарлина со всеми русскими, которые ныне при нем»⁶.

Петр I скончался 28 января 1725 года; к концу того года половина фонтанов в лабиринте Летнего сада была готова; точнее, «из 36 эзоповых фабул... 17 фабул в готовности и достальные делаются»⁷. На всех фонтанах стояла еще деревянная скульптура, которая вскоре должна

* от нем. *Gesel* – подмастерье, подручный. – *Ред.*

№ 8435.
 «Фонтан в парке Певческого канала отболевых Палат направо 2. Асиман»

Фонтан «О кокоше и коршуне». ГЭ, инв. № 8435

была уступить место свинцовой. Однако со смертью императора работа остановилась. В 1728 году по распоряжению Верховного тайного совета была проведена ревизия, что сделано по указам Петра I и Екатерины I. Напротив распоряжения – «в Летнем доме разных фаволов с фигурами свинцовыми из Эзопа, из Зрелищ доделать» – стоит пометка: «из 19 фавол на 3 формы зделаны и будут вылиты скоро, а достальные не делаються, понеже резного дела мастер обязан работою в Петербургской фортификации у дела статуй».

В том же 1728 году на Литейном дворе в Петербурге по проекту архитектурного гезеля И. Филиппова был построен «литейный амбар», в котором производилась отливка свинцовых фигур. К концу 1728 года, судя по описи, в лабиринте насчитывалось 60 решетчатых деревянных ниш, в 18 из которых стояли «малые фигуры». Следующая по времени опись Летнего сада появилась в 1736 году. В ней отмечено, каких и сколько «в ведомстве фантанного мастера Поля Свалема, а в смотреии за подмастерья фантанного Филиппа Крылова имеется в фаволах по фантанам свинцовых фигур»⁸. По описи можно опознать сюжеты эзоповских басен: «...в 1-м птицелов, при нем соловей, в 2-м лев с лисою, в

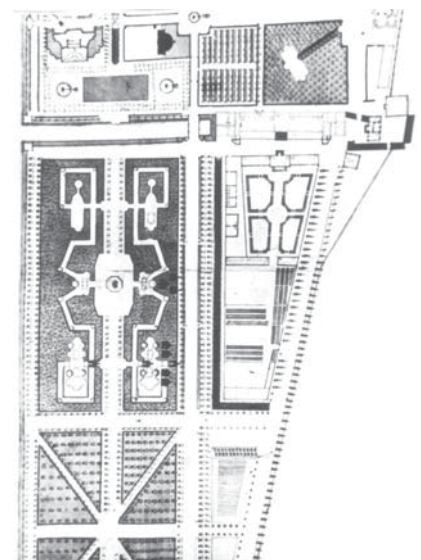
3-м Меркурий» и т. д. Особняком стоит последний водомет: «...в 31-м болшом фантане ключей медных – 2, труба и яблос с винтом медный». Известно, что этот фонтан назывался «Яблосный». Сопоставив списки фавульных фонтанов Летнего сада, Петергофа и Версаля, можно определить, что в Летнем саду и в Петергофе предполагалось 20 одинаковых по сюжету фонтанов, из которых 13 повторяли фонтаны версальского лабиринта.

Писатель Б. Башуцкий в очерке, посвященном истории Летнего сада, привел исторический анекдот об императрице Елизавете Петровне, которая очень боялась мышей и повелела убрать их фигурки из всех бассейнов⁹. По данным описи 1736 года, таких фонтанов было 7: «...в 5-м мышей тринадцать», «...в 14-м лев в клетке железной, при нем мышь», «...в 20-м петух, две мыши, да кот» и т. д.

Заметим, что академик Я. фон Штелин видел лабиринт своими глазами и, наверное, мог бы рассказать о нем гораздо подробнее. Однако он до обидного скуп и вскользь отметил только, что лабиринт состоял из двух куртин и в нем было якобы 60 фонтанов, а при входе стояла свинцовая статуя Эзопа. Сколько же было на самом деле фонтанов? Точный ответ дадут

только раскопки. Все же, кажется, Я. фон Штелин ошибался. Как уже отмечалось, в лабиринте было 60 «нишелей». Вероятно, Я. фон Штелин решил, что и фонтанов было столько же. Напомним, Петр I приказал поставить 36 фонтанов. Есть сведения, что в 1744 году их было в лабиринте 34. В том же году поступило распоряжение: «...во Втором саду переделать дно у 30-и фавол и 4-х фонтанов между фаволами»¹⁰. Стало быть, по сравнению с описью 1736 года к 30-и фавульным фонтанам и центральному Яблосному добавилось еще три водомета, в бассейнах которых не было скульптуры. На одном из планов Летнего сада 1740-х годов можно различить, что фонтаны в лабиринте были двух типов: маленькие круглые и большие фигурные. На этом же плане показаны фасады решетчатых ниш и беседок, очень похожих на те, что на дошедшем до нас рисунке «шпичного дела мастера» фон Болеса.

Лабиринт занимал обширную часть Второго Летнего сада, почти половину его территории. Он состоял из двух частей с зеркальной планировкой по сторонам главной аллеи (куртин, как сказано у Я. фон Штелина). Дорожки лабиринта, обнесенные высоким липовым шпалерником и трельяжными решетками с нишами, пролегали среди зарослей смешанных деревьев: лесных и плодовых. Этим была примечательна «Фавульная роща»,

План Летнего сада.
 Около 1745 г. РГВИА, ВУА. Ф. 413.
 Оп. 1. Д. 126

ставшая образцом для устройства подобных боскетов в Петергофе. Так, в донесении петергофского комиссара С. Кишкина 22 октября 1722 года отмечалось: «Зделан новый сад к Темпелю, посажены шпалеры липовые и между тех шпалер посажено разных деревьев, а именно: клен, орешник, яблоня, вишни, так как в Питербурхе в Летнем доме, в саду»¹¹.

Лабиринт в Версале просуществовал 111 лет, а в Летнем саду – вдвое меньше, но оба они были уничтожены почти в одно время. Первый – в 1775 году, уступив место новому «саду королевы», а второй – через два года. 10 (21) сентября 1777 года случилось сильнейшее наводнение. Нева поднялась до отметки 310 см, так что вода стояла вровень с окнами дворца Петра I, а вся территория Летнего сада была затоплена примерно на метр. Наводнение сопровождалось ураганным ветром; он-то и натворил больше всего бед; упавшие деревья поломали множество свинцовых фигур. Садовый лабиринт был разрушен. В конце концов было принято решение его не восстанавливать. Свинцовая скульптура пошла в переплавку, фонтанные бассейны засыпаны, а место лабиринта заняла возрожденная Фабульная роща. Тот же Б. Башуцкий писал, что Екатерина II, распорядившись разобрать поврежденные наводнением фонтаны, якобы подарила свинец А. И. Остерману и И. И. Бецкому. Сам Б. Башуцкий этому не очень верил, так как своими глазами видел свинцовую фигуру лисы от какого-то фонтана. (Таких фонтанов с лисичкой, заметим, было по описи семь: «...в 4-м лисица с петухом», «...в 16-м лисица с козлом», «...в 21-м журавль с лисицей» и т. д.).

Злополучной Фабульной рощи все время не везло: она жестоко пострадала в катастрофических наводнениях 1824 и 1924 годов. Впоследствии сильным ветром и наводнениями было повалено немало молодых, слабо укоренившихся деревьев. Не случайно здесь нет ни одного столетнего дерева. Историческое название рощи давно позабыто, и сейчас бывшая Фабульная роща ничем не выделяется в композиции сада, разве что отсутствием дорожек и обилием сравнительно молодых деревьев.

Проведенная нами в 1976 году археологическая разведка дала обнадеживающие результаты: на глубине 0,5–0,7 м обнаружены два относительно хорошо сохранившихся кирпичных фонтана. Один угловой фигурный, площадью 10 кв. м, второй круглый, диаметром 1,88 м. Кирпичная кладка бассейнов сохранилась неплохо, уцелели даже плиты известняка – облицовка дна. В угловом фонтане видны следы ремонта – два ряда облицовочных плит. Найден также «фонтанный камень» – куски окаменевшего ракушечника и створки раковин. По сведениям, устричные раковины были привезены из Англии, а «жемчужницы» доставлены «с Ильмень-озера». Есть надежда, что и остальные

водометы сохранились не хуже, и их раскопки дадут возможность уточнить планировку лабиринта. Добавим, что в 1981 году в ходе раскопок в Петергофе были обнаружены пять петровских «нишельных» фонтанов на западной аллее вдоль Морского канала¹².

Сейчас реставраторы располагают сведениями для воссоздания садового лабиринта: известно его точное местонахождение и планировка, состав плодовых и лесных деревьев, есть изображения фонтанов, трельяжных ниш и беседок. Наконец, получены данные археологических раскопок. Важно отметить, что реставрация не повлечет за собой массовый снос деревьев, так как лабиринт был устроен по

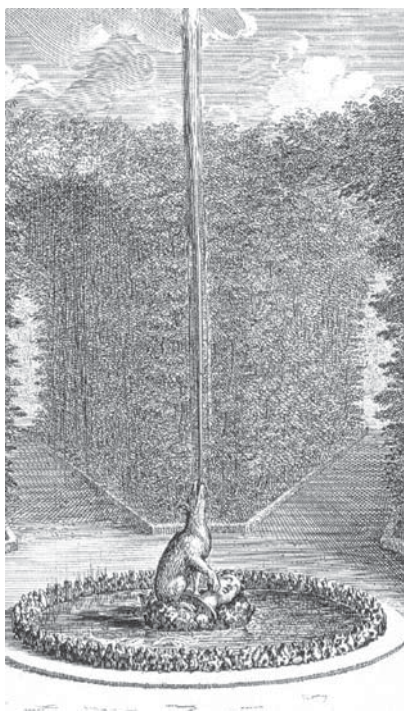
Угловой фонтан в лабиринте Летнего сада. Раскопки 1976 г.

Петергоф. Нишельный фонтан на западном берегу Морского канала. Раскопки 1981 г.

распоряжению Петра I словно в естественной дикой роще. Большинство нынешних деревьев будет сохранено; к ним добавятся новые: клены, орешник, яблони, вишни, упоминаемые в исторических документах. Так как лабиринт занимал обширную территорию, с его воссозданием сеть прогулочных дорожек в саду увеличится почти вдвое. Появятся площадки для детей, места для отдыха. Можно восстановить на радость детворе некоторые, если не все, фонтаны, воспользовавшись для изготовления скульптуры теми же иллюстрациями, что приглянулись Петру I. Кстати сказать, в музее Версаля сохранились некоторые свинцовые фигуры, одна из которых, скульптурная композиция «Волк и маска», демонстрировалась в 2005 году на выставке «Версаль» в ГМЗ «Петергоф». Аналогичный фонтан был в лабиринте Летнего сада, только вместо фигуры волка была лиса, как и сказано у Эзопа¹³.

В одном из уже публиковавшихся в журнале очерков о раскопках в Летнем саду говорилось, что есть предложение переместить памятник И. А. Крылову с тесной для

Версаль. Лабиринт. Волк и голова. Гравюра С. Леклера. 1677 г.

него площадки бывшего Французского партера на территорию лабиринта. Как не вспомнить, что при входе в версальский и летнесадов-

ский лабиринты стояла скульптура Эзопа, а на барельефах памятника И. А. Крылову воспроизведены сюжеты басен этого древнегреческого мудреца, гениально пересказанных великим русским баснописцем.

Музей Версаля. Свинцовая фонтанная скульптура «Волк и голова»

Приложение

ИЗ ОПИСИ ЛЕТНЕГО САДА 1736 ГОДА

«В ведомости фантанного мастера Поль Свалема, а в смотреии заподмастерья фантанного Филиппа Крылова имеется в фаболах по фентенам свинцовых фигур, а именно: в 1-й птицелов, при нем соловей. Ключ медной – 1, в 2-м лев с лисою, в 3-м Меркурий, в 4-м лисица с петухом, в 5-м мышей тринадцать, в 6-м ястреб, куриц – две, в том числе деревянная – одна, цыплят – четыре, клетка железная – одна, в 7-м волков – четыре, еж – один, чаша свинцовая, на которой еж, в 8-м драконы, в том числе один осмиглавый, в 9-м мышь в раковине, при ней полчаши свинцовой, в 10-м черепаха с орлом, при ней полчаши свинцовой, в 11-м статуя с топором деревянным, при нем змея, в 12-м волк с овцой, в 13-м муравейник с сверчком, в 14-м лев в клетке железной, при нем мышь, в 15-м два волка, две овцы, две собаки, в 16-м лисица с козлом, да у тех же по карнизу положено свинцу длиною три, шириною дву четвертей аршина, в 17-м заяц с черепахою, в 18-м Пифик с машкой (т. е. с маской. – В. К.), при них чаша свинцовая, в 19-м орел, лягушка, да мышь, в 20-м петух, две мыши, да кот, в 21-м журавль с лисицей, в 22-м журавль с лисицей, при них чаша свинцовая малая с тумбою, да большой полчаши, в 23-м журавль с волком, в 24 лисица с машкурою, в 25-м при павлине два соловья, в 26-м павлин, при нем барс, лисица, волк, мартышка, заяц, мышь летучая, белка, мышь, кот, кукушка, дятел, пигалица, голубь, сова, в 27-м змей наковальню грызет, в 28-м собачка с поноской, в 29-м мышь под каменной горой, в 30-м лев и лисица... сковорода свинцовая, в 31-м в большом фантане ключей медных – 2, труба и яблок с винтом медный.

Во оных фаболах клюк железных для отпириания фантаных ключей – три. В фаболах беседок решетчатых столярных круглых – 2, четверугольных – 4, полуциркульных – 32, весьма ветхи».

Сравнительная таблица «фабульных» фонтанов Версаля, Летнего сада, Петергофа и басен Эзопа

ВЕРСАЛЬ (по книге «Лабиринт в Версале». 1677)	ЛЕТНИЙ САД (Из описи 1736 г.)	ПЕТЕРГОФ (Из списка К. Растрелли, 1724 г.)	ЭЗОП («Эзоп. Басни». Калининград, 2005)
3. Петух и лиса	4. Лисица с петухом	«-----»	Собака, лисица и петух (?)

9. Павлин и дятел	26. Павлин, при нем барс, лисица, волк, мартышка, заяц, мышь летучая, белка, кот, кукушка, дятел, пугалица, голубь, сова	«-----»	Кукушка и птицы
10. Змей и наковальня	27. Змей наковальню грызет	2. Дракон	«-----»
13. Лиса журавль	28. Журавль с лисицею	«-----»	Лиса и журавль
14. Журавль и лиса	21. Журавль с лисицею, при нем чаша свинцовая малая с тумбою, да большой полчаши	«-----»	Лиса и журавль
15. Курица и цыплята	6. Ястреб, курицы две, цыплят четыре, клетка железная одна	6. Две наседки-курицы со своими цыплятами	«-----»
16. Павлин и соловей	25. При павлине два соловья	7. Павлин настапыр с четырьмя соловьями	«-----»
20. Кролик и черепаха	17. Заяц с черепахою	9. Черепаха с зайцем	Черепаха и заяц
21. Волк и журавль	23. Журавль с волком	10. Журавль с волком	Волк и цапля
25. Совет крыс	5. Мышей тринадцать	12. Одиннадцать мышей с крысой	«-----»
27. Обезьяна и кот	—	13. Обезьяна с кошкой	«-----»
35. Лиса и ворон	—	17. Ворон с лисицею	Ворон и лисица
37. Волк и маска	24. Лисица с машкорою	18. Волк с головою под своим ногами	Лисица и маска
«-----»	7. Волков четыре, еж один, чаша	14. Четыре волка с ежом	Волк и еж
«-----»	8. Два дракона, в том числе один осьмиглавый	15. Дракон с семью хвостами, с семью змеями	«-----»
«-----»	20. Петух, две мыши, да кот	16. Кот с петухом и мышью	Мышь, ее дочь, петух и кот
«-----»	15. Два волка, две овцы, две собаки	20. Два волка с тремя овцами	Волки и собаки
«-----»	14. Лев в клетке железной, при нем мышь	21. Лев и мыши	Лев и мышь
«-----»	13. Муравейник с сверчком	22. Сверчок с кучею муравьев	Муравей и жук
«-----»	12. Волк с овцой	23. Со агнем волк, одетый в овечьей шкуре	Волк и овца
«-----»	9. Мышь в раковине, при ней полчаши свинцовой	24. Мышь с раковиною	«-----»
«-----»	10. Черепаха с орлом, при ней полчаши свинцовой	28. Орел и черепаха или же лев	Черепаха и орел
«-----»	30. Лев и лисица, сковорода свинцовая	29. Лев, осел и лисица	Лев, осел и лисица
«-----»	2. Лев с лисой	30. Лев и лисица	Лев и лисица
«-----»	3. Меркурий	31. Дровосек и Меркурий	Дровосек и Гермес
«-----»	29. Мышь под каменною горою	32. Гора и мышь	«-----»

¹ Perrault Charles. Le Labyrinthe de versailles. Paris, 1677.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 467. Д. 3. Кн. 69.

³ Дубяго Т. Б. Кто был строителем Летнего сада? // Архитектура Ленинграда. Л., 1941. С. 60.

⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37. Л. 748; Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. М.; Л., 1961.

⁵ Земцов М. Г. Проекты нишельных фонтанов на правой (восточной) стороне Морского канала: «О горе, хотящей родите», «О змие», «О кокоше и коршуне», «Два змия». ГЭ. Инв. № 8434, 8434 об., 8435, 8435 об.

⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 44. Л. 1357; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. От. 1. Кн. 57. Л. 39.

⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37. Л. 741; РГАДА. Ф. 9. От. 2. Кн. 33. Л. 38.

⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 81. Л. 60.

⁹ Б. [Башуцкий]. Рассказы о Летнем саде и его достопримечательностях // Иллюстрация. Т. 1. № 22. С. 350.

¹⁰ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 246.

¹¹ РГАДА. Ф. 9. От. 2. Д. 59. Л. 407. Упомянутый петергофский «новый сад» носил название «Сад Фортуны». Он был разбит в 1723 г. у самой восточной границы Нижнего парка архитектором Я. Браунштейном и садовником Гернихфельтом по образцовому чертежу Ж. Леблона, взятому из той же книги Д. Аржанвиля, что и лабиринт для Летнего сада. В 1978 г. на месте бывшего «Сада Фортуны» под моим руководством были проведены археологические раскопки, в ходе которых обнаружен засыпанный землей центральный овальный бассейн с фонтаном.

¹² Коренцвит В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Нижнем саду Петродворца в 1981–1982 гг. (Ч. 9–12). Л., 1984. Ч. 9: Нишельные фонтаны // Институт «Ленпроектреставрация». № 918.

¹³ В списке К. Растрелли аналогичный фонтан в Петергофе значится под № 18 – «Волк с головою под своим ногами». В описи Летнего сада 1736 г. под № 24 указан фонтан «Лисица с машкорою». Басня Эзопа так и называется «Лисица и маска».

Либихи — династия петербургских врачей*

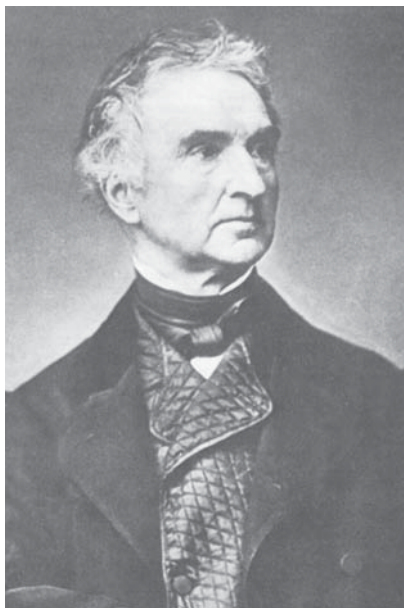
Р. Ф. Либих

Во времена Петра I в России начали бурно развиваться наука и экономика. В молодую столицу устремлялись разные специалисты из Голландии, Англии, Германии и других стран. Некоторые из них остались здесь на всю жизнь, образовывая династии военных, врачей, инженеров, ремесленников. Об одной династии петербургских врачей – семье Либихов, приехавшей из Германии, – рассказывает в этой статье.

Чтобы узнать, откуда произошли русские Либихи, нужно обратиться к прошлому Либихов в Германии. Первое упоминание о них встречается в церковных книгах: в 1575 году в герцогстве Гессенском в местечке Рейнгам-Юберау крещен своим отцом Иоган (Ганс) Либих. Его сын, тоже Иоган (Ганс), при разрушении Рейнгайма в 1635 году во время Тридцатилетней войны уцелел вместе с семьей, спрятавшись в погребе, благодаря чему род Либихов не прервался. До 1770 года Либихи были богатыми крестьянами (бауэрами). Иоганн-Людвиг Либих (1747–1818) с семьей переехал в Дармштадт, и члены ее стали горожанами и торговцами. Сын Иоганна-Людвига Иоганн-Георг Либих (1775–1850) имел москательную лавку (аптекарские товары и бытовая химия) в старом Дармштадте. Он был отцом знаменитого химика Юстуса Либиха (1803–1873), имя которого хорошо известно в России. Оно упоминается в романах И. А. Тургенева («Отцы и дети»), Д. И. Писарева, А. В. Сухова-Кобылина; в «Капитале» К. Маркса и «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса. Юстус учился в университетах Бонна и Эрлангена. С 1824 по 1852 год – профессор химии в городе Гиссене, где создал знаменитую лабораторию и научную школу химиков¹. Он – основатель органической химии, его открытия приблизили химию к жизни рядового человека: внедрил в повседневную жизнь ми-

неральные удобрения («Агрокультурохимия», 1840), простоквашу, описал процессы дыхания и обмена веществ в организм животных («Химия животных», 1842). Хорошие хозяйки до сих пор кладут в тесто погашенную уксусом соду при выпечке оладий, пирогов, кексов. А ведь это еще одно достижение знаменитого химика. За ученые заслуги великий герцог Людвиг II возвел Юстуса Либиха в потомственное дворянство и жаловал титул барона (1845). Он был награжден 28 орденами, из них четырьмя российскими. В 1830 году он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1859 году – президентом Баварской академии наук.

Имя ученого хорошо известно и в современной Германии. Ему поставлены памятники в Дармштадте, Гиссене, Мюнхене, его именем названы улицы в Берлине, Дрездене, Гиссене. В Мюнхене существует Либиховский фонд, всегда готовый прийти на помощь всем нуждающимся. К 200-летию со дня рождения (в 2003 году)

Юстус фон Либих

была выпущена памятная монета в 10 евро с его портретом.

В городе Гиссене существует музей Ю. Либиха, который находится на улице, носящей его имя². Музей невелик, но очень интересен. Помимо сведений о жизни, деятельности, заслугах великого ученого, в нем представлены его посмертная маска, родословное древо, герб, древо научной школы его учеников (достаточно разветвленное, так как учеников и последователей у него было немало, многие до сих пор считают себя его «научными потомками» и продолжают его дело практически во всех уголках земного шара). В музее находится голографическая восковая фигура Ю. Либиха, с учебником в руках... и кажется, что присутствуешь при чтении лекции. Иллюзия полная: слышен голос, произносящий немецкие слова, глаза моргают, рот открывается, мимика довольно богата. Не хватает только студентов, замороженно слушающих своего профессора, хотя в недостатке аудитории отказать ему нельзя: посетители музея в восхищении взирают на это чудо.

Русскую ветвь рода Либихов заложил переселившийся в начале XIX века из герцогства Брауншвейгского «кузнечных дел мастер» Георг Фридрих Либих. Его «патенты» (старинные цеховые документы с висячими печатями, удостоверяющие его квалификацию) хранились в семье до 1942 года. Он стал работать кузнечным мастером на Литейном дворе, занимался также художественным чугунным литьем. В 1822 году он женился на Анне-Доротее Гейде. У них было трое детей: старшая дочь (имя неизвестно), сын Георг-Фридрих младший (1825–1878) и сын Александр-Иосиф (1827–1903). Семья была

* В статье использованы фотографии из семейного архива Либихов. Публикуются впервые.

Доротея Гейде – жена
Георга-Фридриха Либиха

обеспеченной, что видно как по одежде его жены, так и по тому, что двое его сыновей одновременно посещали Медико-хирургическую академию вольнослушателями, т. е. учились за свой счет.

В 1847 году Александр-Иосиф поступил на фармацевтический факультет Медико-хирургической академии, открыв таким образом династию петербургских Либихов-медиков, и, окончив его, учился на медицинском факультете Дерптского университета, где в 1857 году защитил диссертацию на тему «Некоторые фармакологические исследования эфирного экстракта мужского папоротника» (на латинском языке). С 1857 года он начал службу в Обуховской больнице Петербурга, в которой проработал 34 года (вообще с Обуховской больницей, основанной Екатериной II в 1784 году для бедных, связаны судьбы многих членов семьи Либих). К 1869 году он уже был старшим доктором больницы по терапии, а через год получил чин статского советника, дававший его семье потомственное дворянство. После смерти первой жены Александр-Иосиф был женат на Ольге-Марии (Ольге Ивановне) Брейтигам, дочери владельца придворного экипажного заведения на Захарьевской улице, 8, куда молодые переехали после свадьбы. Его жена после смерти отца владела каменным доходным домом на Моховой улице, 14, перестроен-

ным в 1905–1906 годах архитектором Лидвалем (сохранился до настоящего времени)³. Ей также принадлежала дача в Куоккале (Репине) на берегу моря, существующая до сих пор. Там летом устраивались пикники, гулянья, часто принимали гостей, катались на паровом катере по заливу.

Его старший брат Георг Фридрих Либих-младший (1825–1878) начал карьеру с ученика аптекаря, а после окончания Медико-хирургической академии поступил на государственную службу: был заведующим аптечным складом в Кронштадте, помощником управляющего аптекой госпиталя при Медико-хирургической академии, лаборантом кафедры фармации и фармакогнозии академии. После защиты в 1862 году магистерской диссертации на тему «О салициловых соединениях» он стал магистром фармации, был избран адъюнкт-лаборантом кафедры фармации. На кафедре он был помощником знаменитого химика Н. Н. Зинина, место которого должен был занять, но этому помешало слабое знание русского языка; также сотрудничал с профессором А. П. Бородиным, известным химиком и композитором. В 1866 году Г. Ф. Либих ушел из академии, купил аптеку на Знаменской улице, 26 (теперь улица Восстания, 30), и владел ею до самой смерти в 1878 году. Аптека была большая (например, в 1874 году за год было принято 37 тысяч рецептов). Был женат

Георг-Фридрих Либих,
магистр фармации

на Шарлотте Бурвиц, с которой прожил 7 лет и имел сыновей Фридриха-Александра (Федора) и Александра-Бернгарда (Бориса). Семья снимала квартиру около Александринского театра (Александринская пл., ныне – пл. Островского, д. 9, кв. 40).

Немецкая община, к которой принадлежали все Либихи, жившие в Санкт-Петербурге, была весьма консервативна, жила замкнуто, браки заключались между своими семьями, разговорный язык был немецкий, вероисповедание лютеранское. Консервативность проявлялась даже в выборе квартир (так, после смерти жены Георг Либих с сыновьями переехал в дом, где находилась его аптека, а в его квартиру на Александринской площади въехал его племянник Э. Э. Дрейпельхер (сын старшей сестры). После же смерти самого Георга его несовершеннолетние сыновья были взяты на воспитание семьей Дрейпельхер и вновь вернулись в квартиру у Александринского театра, в которой родились. Все родственники поддерживали тесные отношения, помогали друг другу, свято сохраняли семейные традиции. Такой традицией стало получение медицинского образования или выбор специальности врача и места работы. Так, почти все петербургские Либихи окончили Военно-медицинскую академию, где преподавание велось на русском и немецком языках, и работали в Обуховской больнице.

Эрнст Дрейпельхер, окончив Военно-медицинскую академию в 1872 году, начал работать в Обуховской больнице терапевтом, затем старшим доктором больницы, дослужился до статского советника. Имел ордена Св. Анны III и II степеней (1899) и Св. Станислава III и II степеней (1906).

Его воспитанник – Фридрих-Александр (Федор Федорович) Либих – окончил гимназию Петершуле при лютеранской церкви Св. Петра (Невский пр., 22), затем поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1891 году. На средства, полученные от продажи аптеки отца, он продолжал образование за границей (в Швейцарии у профессора Т. Кохера и в Париже у А. Вернейля). В 1896 году он начал работать хирургом в Обуховской больнице вместе со своим

Доктор медицины
Э. Э. Дрейпельхер,
внук Г.-Ф. Либиха

опекуном Э. Э. Дрейпельхером. Там он встретился с урологом Борисом Николаевичем Хольцовым, ставшим его ближайшим другом, а потом и родственником (сын Ф. Ф. Либиха женился на дочери Б. Н. Хольцова). В 1898 году Федор Федорович заразился от дифтерийного больного, высасывая у него пленки из горла через трубку. В газете, издававшейся Обуховской больницей, появилась заметка «Героический поступок доктора Либиха». Во время болезни за ним ухаживала работавшая там же сестра милосердия Анна Нафанаиловна Гудима, на которой он через год женился. Немецкие родственники отнеслись к той женитьбе неодобрительно, надеясь, видимо, что он женится на лютеранке.

Ф. Ф. Либих был основательным хирургом, отдававшим много сил и времени своей профессии. В 1904 году он защитил докторскую диссертацию на тему «К вопросу об оперативном лечении ограниченных и разлитых перитонитов в зависимости от заболеваний червеобразного отростка».

Будучи прекрасно образованным человеком, много читал, в совершенстве знал немецкие диалекты (любил читать Фрица Рейтера на Платт-Дойч). Он был человеком малообщительным, меланхолическим, склонным к уединению. В

жизни семьи участия принимал мало, целиком доверив ведение хозяйства и воспитание детей своей жене Анне Нафанаиловне, которая обладала характером твердым, хозяйство вела экономно и детей держала в строгости.

Призванный во время Русско-японской войны на военную службу, работал в качестве уполномоченного Красного Креста и старшего врача госпитального отряда общины сестер милосердия Кауфмана. Там он заболел тифом и под влиянием жены дал обет: если выздоровеет – перейдет в православную веру. 30 мая 1905 года был крещен в г. Николаевске-Уссурийском, став первым Либихом, принявшим православие. В ноябре 1905 года Федор Федорович вернулся на работу в Обуховскую больницу. К тому времени в семье было уже четверо детей: Федор (1900), Сергей (1902), Елизавета (1903) и Николай (1905). Жизнь в столице стала дорога для большой семьи, и в 1906 году они переехали в Тамбов, где Ф. Ф. Либих служил старшим врачом губернской земской больницы. Семье врача полагалась казенная квартира с отоплением и другие «льготы». В 1911 году ему предложили место старшего врача городской больницы Севастополя, в которой он прослужил до своей смерти в 1940 году. Будучи ведущим хирургом города, он в 1936 году был награжден орде-

Ф. Ф. Либих – ведущий хирург
Севастополя

ном Ленина в связи с 45-летием врачебной деятельности.

После смерти мужа Анна Нафанаиловна жила замкнуто с внучкой Лилей и больной домработницей. Во время войны осталась в осажденном Севастополе, где скончалась 1 июля 1942 года от водянки. Гроб достать было невозможно, и его сделали из платяного шкафа. Во время похорон, когда провожавшие еще были на кладбище, в свежую могилу попал снаряд, и она была уничтожена взрывом.

Из всех детей Федора Федоровича лишь один Сергей пошел по стопам своего отца, став врачом. Он помнил себя с 2,5-летнего возраста, например, как гуляя с няней и старшим братом Федей, стал

Профессор
Борис Николаевич Хольцов

свидетелем разгона казаками демонстрации у Технологического института в 1905 году. В Севастополе он поступил в классическую гимназию, которую окончил в 1920 году. По характеру был похож на своего отца (также не любил большое шумное общество, любил уединиться с книгой и куском хлеба с маслом). Читал много, везде, даже в ванной. После окончания гимназии приехал в Ленинград и жил со старшим братом Федором, учившимся в Институте гражданских инженеров. Сергей поступил в Государственный институт медицинских знаний (ныне Санкт-Петербургская государственная меди-

цинская академия им. И. И. Мечникова). Там возобновилось знакомство семей Либихов и Хольцовых. К тому времени Б. Н. Хольцов был профессором урологии и руководил кафедрой в Государственном институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ)⁴. Дом был поставлен на широкую ногу, имелись горничные, кухарка, няня, лакей Данила, который впускать и раздевал пациентов, являвшихся на прием к профессору Хольцову. Несмотря на крутой нрав хозяйки, Татьяна Петровна, горничные служили подолгу, а одна из них – Антонина Ивановна Иванова, взятая в дом девятнадцатилетней девушкой, прослужила в семье до 1985 года.

Мальчики ходили в гости к Борису Николаевичу и его семье (Захарьевская ул., д. 3, кв. 15)⁵, где по воскресеньям обедали. Оба брата увлекались дочерью Бориса Николаевича Тамарой Борисовной, студенткой романо-германского отделения Петроградского университета, водили ее в театры, на концерты, много времени проводили вместе. Летом 1924 года семья Хольцовых приехала в Севастополь, где младший брат сделал Тамаре предложение, опередив, таким образом, старшего. Предложение было принято, и 9 ноября 1924 года Сергей и Тамара обвенчались в Сергиевском соборе на Литейном проспекте. Молодые поселились в квартире Бориса Николаевича Хольцова, в которой прожили до смерти Тамары Борисовны в 1968 году.

После окончания института (в институте увлекался патологической анатомией и работал у профессора В. Г. Гаршина – племянника писателя Гаршина) Сергей Федорович долго не мог найти работу, стоял на бирже труда как безработный. Наконец в 1930 году он устроился научным сотрудником в Институт охраны труда, и карьера его началась.

Первенец молодой семьи – Борис (названный в честь деда) был высокоодаренным художником. Еще будучи совсем юным, он прекрасно рисовал и учился рисованию во Дворце пионеров. Его работы до сих пор хранятся в семье.

В 1929 году родилась дочь Татьяна, названная в честь бабушки –

Татьяны Петровны Хольцовой (вообще в семье Либихов детей часто называли в честь бабушек, дедушек, новые имена не приветствовались, и дети всегда знали, в честь кого они названы). Девочка прожила недолго, в 2-летнем возрасте скончалась от менингита. Потеря ребенка стала огромным горем. В семье дети всегда были любимы, оберегаемы, их очень баловали, процветал «культ детей». Воспитывали детей мягко, практически не наказывая, лишь нежно журили за провинности. Родители были скорее друзьями своих детей, чем наставниками. Не удивительно, что они были безутешны, и через год в семье появился сын Сергей.

Тамара Борисовна никогда не работала (за исключением военных лет) и целиком посвятила себя воспитанию сыновей, занимаясь с ними языками (которых, как окончившая немецкую школу Аннenschуле на Кировной, 8, в совершенстве знала три), чтением, музыкой. В доме часто бывали друзья, знакомые, их любили, приглашали, и люди чувствовали себя очень хорошо в этом гостеприимном доме.

Сергей Федорович, будучи по натуре человеком довольно замкнутым и скромным, часто не выходил к гостям, отсиживаясь в своей комнате.

К 1935 году у него уже было опубликовано несколько статей по гигиене труда и готовилась к защите кандидатская диссертация, но неожиданно его мобилизовали во флот и назначили начальником лаборатории Кронштадтского военно-морского госпиталя. В Ленинград он приезжал лишь на выходные дни, всю неделю живя в Кронштадте один. В июле 1938 года он был арестован и провел в заключении 83 дня.

Пока отец находился в тюрьме, в результате несчастного случая в возрасте тринадцати лет погиб Боря. Получивший свободу по указу наркома Л. П. Берии, отец с ужасом узнал о смерти старшего сына.

Недавний заключенный с трудом устроился на скромное место лаборанта Обуховской больницы по протекции своего тестя Б. Н. Хольцова. Поистине эта больница помогает Либихам в трудные минуты жизни на протяжении многих поколений!⁶

Перед войной его вновь призвали во флот и назначили начальником лаборатории Ижорского военно-морского госпиталя, который располагался в поселках Дубки и Ольгино (в 5 км от Ораниенбаума). Там, на Ораниенбаумском плацдарме, не занятом фашистами никогда, в тяжелейших условиях вместе с женой и сыном, которые приехали к нему предвоенным летом «на дачу», С. Ф. Либих прослужил 4 холодные и голодные зимы; несмотря на немецкую фамилию, он в 1942 году был принят в большевистскую партию. После снятия блокады С. Ф. Либих привез 14-летнего племянника жены Лешу Хольцова, родители которого умерли от голода в осажденном городе. Он прожил в семье до своей женитьбы.

В 1944 году С. Ф. Либих был награжден двумя орденами Красной Звезды, а также медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда» и др. В январе 1945 года семья переехала в Таллин, где Сергей Федорович получил звание подполковника. Осенью 1946 года, поступив в адъюнктуру Военно-медицинской академии, он смог вернуться с семьей в свою квартиру на улице Каляева, которую не видел около пяти лет. В 1950 году он стал ассистентом кафедры военно-морской гигиены Военно-медицинской академии, в 1952 году – полковником. Много выезжал на флоты, участвовал в разработке «закрытых тем», имел много изобретений. С 1958 года, демобилизовавшись, С. Ф. продолжал работать и ушел на пенсию в 1965 году.

Он выглядел молодожаво, медленно старел, почти ничем не болел. Смерть жены пережил очень тяжело, но никогда не подавал виду и вообще всегда всячески избегал бурных проявлений чувств. Любил сидеть в своей комнате с французской или русской книгой и бокалом «Каберне». Был человеком минимальных запросов для себя и максимальных – для детей. Посвятив себя внукам, особенно любил и хорошо понимал младшую – Наташу, с которой оставался дома, пока родители были на работе, позже помогал в учебе. У деда и внучки была большая дружба, свои собственные секреты. Он дожил до правнуков, и первая правнучка

Сергей Федорович Либих

Анюта стала его последней любовью. Он помогал ухаживать за ней, покупал ей фрукты, приезжал на дачу в Комарово, где она жила летом, и подолгу гулял с коляской, в которой сидел полугодовалый ребенок с мороженым в руке. И все же при всей любви к детям, при том, что он их очень баловал, всегда говорил: «Нет слова “не могу”, есть слово “не хочу”». Это запомнили все дети и слушались его беспрекословно. Был пунктуален (сказывалась немецкая кровь), спокоен, говорил негромко, никогда не кричал (тем более на детей), никому ничего не навязывал, просто делал «как надо», и глядя на него, окружающие старались держаться соответственно. Продолжая семейные традиции, всегда праздновал Рождество (причем лютеранское Рождество – 25 декабря, как было принято в семье его отца), собирая в своей комнате всю семью. Наряжал маленькую елочку, угощал шампанским, мандаринами, шоколадными конфетами, для каждого члена семьи готовил небольшой подарок. Этот праздник любил, пожалуй, больше всех остальных, скептически относясь к празднованию Нового года и даже своего дня рождения (этот праздник вообще не любил). Он умер в марте 1979 года, немного не дожив до своего 77-летия.

Его единственный сын Сергей пошел по стопам отца, не нарушив семейную традицию, а возможно,

вписав одну из самых ярких и блестящих страниц в анналы своей семьи.

Уже в самом факте его рождения просматривается некоторая предопределенность. Родившись вскоре после трагической смерти своей маленькой сестры, он, конечно же, был желанным ребенком. Родители души в нем не чаяли, всячески баловали и потакали малейшим прихотям (возможно, это явилось причиной того, что, став взрослым, Сергей всегда был уверен в себе, в своих силах, возможностях, к цели шел прямо и, как следствие названных качеств, жизненный путь его был успешен).

Ребенок рос необыкновенно активным, любознательным, но капризным и своевольным. Мать вложила много времени и сил в его воспитание – водила в театры, устраивала для него детские праздники, отец много гулял с ним по городу, рассказывая обо всем. Сам мальчик научился читать довольно рано и, обладая феноменальной памятью, прекрасно знал и любил историю, литературу, рисовал (не так хорошо, как его старший брат Боря, но сохранившиеся в семье детские рисунки показывают явные способности маленького Сережи к рисованию).

Когда ему было 6 лет, в семье произошла трагедия, воспоминание о которой осталось на всю жизнь: практически на глазах погиб старший брат (мальчики играли в спальне).

Семья продолжала жить в квартире Б. Н. Хольцова, и общение с ним очень повлияло на становление характера Сергея. Он многое перенял от своего деда: поразительную работоспособность, ответственность перед семьей за ее материальный и нравственный уровень жизни, помощь всем членам семьи.

Часть школьных лет мальчик провел в условиях блокады – на Ораниенбаумском пятачке. Жили очень трудно, голодали, отказывая себе во всем, отдавая сыну последний кусок хлеба (Сергей Федорович даже падал в обморок от голода). Сдавали кровь, чтобы получить дополнительный паек. Тамара Борисовна начала работать кастеляншей, затем в медицинской канцелярии. Но в семье считали, что мальчик должен получать об-

разование, и первую самую тяжелую блокадную зиму мать занималась с ним дома (была пройдена программа второго и третьего классов). С 1942 по 1944 год он самостоятельно ходил в школу в деревни Дубки и Бронки, в которой шли занятия, хотя в классе было 3–4 ученика. Тогда же, по мальчишескому любопытству, Сережа, колеся по округе, зашел в соседнюю деревню, занятую немцами. Он видел солдат, которые брали воду из колодца, слышал немецкую речь и, сообразив, что он ненароком перешел линию фронта, поспешил вернуться домой.

Но и в тех условиях семья сохраняла свои традиции. На Новый год и день рождения сына всегда приглашались гости (в госпитале жило 4 гражданские семьи: Либихи, Сквирские, Шапиро и Левитес), подавалось угощение (это мог быть овсяный кисель), дарились подарки (на десятилетие Сережа получил в подарок почтовые марки).

После снятия блокады отец повез мальчика в Ленинград, и его страшно поразил вид города: мрачный, обшарпанный, грязный. Квартира была заставлена вещами, и им пришлось ночевать у друзей. Вместо дров печку топили книгами, что также поразило воображение.

В Таллине, куда семья переехала на два года, Сережа заново открыл для себя театр. Он пересмотрел все постановки в Русском театре – от В. Шекспира до Д.-Б. Пристли. Он буквально «заболел» театром и, когда семья вернулась в Ленинград, практически не пропускал ни одной премьеры, убегая из школы в театр, и это, конечно, не замедлило сказаться на его успеваемости. Он остался на второй год в восьмом классе, но следующим летом, сдав экстерном экзамены за девятый класс, практически наверстал упущенное время. А школу окончил с серебряной медалью.

Любовь к театру вылилась в увлечение любительскими домашними спектаклями, которые ставились и игрались Сережей и его друзьями. Он был и Арбениным из «Маскарада», и Незнамовым («Без вины виноваты»). Ставили также «Юбилей» А. П. Чехова, «Белый ужин» Э. Ростана.

Несмотря на любовь к театру, проблемы выбора специальности у

него не было. Первый медицинский институт был окончен с отличием. Во время учебы Сергей увлекся психиатрией, посещал студенческое научное общество.

На первом курсе в физкультурном зале он впервые увидел студентку Римму Белову, которая поразила его воображение, выполняя на кольцах сложные упражнения. Эта встреча предопределила его дальнейшую судьбу. Со свойственным ему упорством он стал ухаживать за ней и добился того, что она стала его женой. Молодожены поселились у родителей, продолжая учиться в институте.

На 5-м курсе в молодой семье родилась первая дочь, названная Татьяной в честь умершей сестры Сережи. Его мама приняла большое участие в воспитании внучки, оставив ее у себя, так как молодые родители были распределены в г. Петрозаводск, где работали два года в республиканских больницах: муж – психиатром, а жена – акушером-гинекологом.

Приехав в Ленинград, С. С. Либих поступил на работу в Психоневрологический институт имени Бехтерева, где написал и защитил сначала кандидатскую диссертацию по вопросам алкоголизма, а затем и докторскую – по коллективной психотерапии. К этому времени это уже серьезный ученый, имеющий большое количество печатных трудов, переведенных на многие языки.

Около тридцати лет он проработал в ГИДУВе сначала вторым профессором на кафедре психотерапии, а затем возглавляя в течение 10 лет им же созданную кафедру сексологии, единственную в стране⁷. На кафедру приезжали слушатели со всего Советского Союза, которые потом становились участниками «Либиховских сред», более 20 лет проводившихся на базе клиники неврозов им. акад. И. П. Павлова. Ему принадлежит 164 научных труда, из них 11 монографий, он является академиком Академии акмеологических наук, блестящим лектором, создателем нового научного направления.

При таком объеме работы (написание статей и монографий, чтение лекций в Ленинграде и других городах, консультирование больных, командировки и выездные

циклы) Сергей Сергеевич большое внимание уделял воспитанию своих дочерей (в 1965 году родилась младшая дочь – Наташа), отдавая им все то, что в свое время получил от родителей. Благодаря огромной эрудиции и энциклопедическим знаниям общение с ним всегда высоко ценилось и взрослыми, и детьми. А его артистическая натура, исполнение им неаполитанских песен, юмористических зарисовок доставляло истинное наслаждение. Искусством беседы он владел в совершенстве, умел так увлечь слушателя, что время летело незаметно. Придавая огромное значение правильности русского языка, не уставал поправлять, объяснять, учить. В семье было принято чтение детям вслух классических произведений (один только роман «Войну и мир» он прочитал вслух 4 раза: сначала двум дочерям, потом двум внукам), походы в театр, филармонию, поездки по стране с целью познакомить детей с архитектурой и достопримечательностями Киева, Таллина, Москвы. Почти каждый месяц в доме бывали гости: интересные разговоры о политике, литературе, музыке собирали всю семью, и дети всегда с интересом присутствовали на этих вечерах, слушая рассказы и воспоминания старших. Каждое лето семья обязательно проводила на даче (сначала в Репине, потом в Комарове). В 1977 году семей была куплена дача в Усть-Нарве, старинном курорте Эстонии, и с тех пор ежегодно дети получили возможность проводить лето на берегу Нарвского залива. А зимние каникулы практически превращались в волшебную сказку: семейные посиделки у печки, катания на лыжах и финских санях, обязательные празднования Рождества с елкой, свечами, подарками, гостями (в Усть-Нарве

собиралось небольшое общество знакомых врачей и просто добрых друзей). Дом семья сохранила и по сей день, несмотря на немалые трудности, связанные с получением виз и поездками «к себе на дачу», практически за границу.

Хотя, перенеся в 2000 году обширный инсульт, Сергей Сергеевич отошел от дел, династия Либихов-медиков не прервалась. Его жена – Римма Филипповна Либих, врач-гинеколог – сначала работала в Институте акушерства и гинекологии АМН СССР, а затем оперирующим хирургом-гинекологом, доцентом кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии.

Младшая дочь Наташа пошла по стопам своих родителей. Окончив Первый медицинский институт, стала ассистентом кафедры психотерапии ГИДУВа. В настоящее время работает в г. Штутгарте (Германия).

Сейчас в Санкт-Петербурге трудятся 4 врача из семьи Либихов: Евгения Федоровна (двоюродная сестра С. С. Либиха) – врач-гинеколог Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова, ее дочь – Лариса Семеновна – терапевт поликлиники г. Пушкина; племянник – Алексей Федорович – генеральный директор и главный врач медико-санитарной части № 4 (нефтегазового комплекса); его жена – Галина Ивановна – 10 лет проработала стоматологом в Обуховской больнице (в настоящее время работает вместе с мужем). И, наконец, самый молодой Либих – их сын Дмитрий – поступил в Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, продолжая таким образом почти двухсотлетнюю историю этой петербургской врачебной семьи.

¹ Красногоров В. М. Юстус Либих. М., 1980. С. 6–7.

² Heilenz S. Das Liebig-Museum in Giessen. Giessen, 1996. S. 2–8.

³ Бройтман Л. И., Дубин А. С. Моховая улица. СПб., 2001. С. 99–100.

⁴ Весь Петроград. Пг., 1917. Стб. 682.

⁵ Там же. Стб. 729.

⁶ Там же. Стб. 687.

⁷ Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2000. С. 289.

Фотографы Карл Булла и его сыновья.

Интервью М. Фоменок с В. Е. Эльбеком

К — Какие качества позволили К. Булле из простого подмастерья стать мастером первой величины в области фотографии?

— Трудолюбие и врожденный талант. Никаких других причин не усматривается. Простой удачей это не назовешь, везением тоже. Также трудно себе представить, чтобы у простого подмастерья в фотолаборатории были какие-то связи. Приехав в Петербург из Германии десятилетним мальчиком, Булла был определен на службу в небольшую фирму «Дюнант», где производили фотографические принадлежности. Сначала ему приходилось бегать по различным поручениям, и лишь позже его назначили лаборантом в мастерской, изготавливавшей светочувствительные пластинки для фотографий. При фирме было небольшое фотоателье, где выполнялись частные заказы. Именно там Булла и проводил все свое свободное время. Он проявлял такой интерес к фотографии, что хозяин фирмы постепенно разрешил приучать Карла к новой профессии. Паренек быстро освоил премудрости светописного мастерства, и ему разрешили работать в фотографии. Снимали в фотосалоне в основном портреты. Карла Булла отличало от других фотографов то, что он быстро входил в контакт с портретируемым, умел разговаривать с ним. Фотографии благодаря этому получались живыми, естественными и непринужденными, что привлекало клиентов.

Не обошлось и без огромного таланта. Это доказывает даже тот факт, что в условиях жесткой конкуренции (фотосалонов на Невском проспекте в то время было множество, они располагались практически в каждом доме) Карл Булла был одним из самых популярных и востребованных фотографов, а его работы были творчески интереснее, содержательнее и печатались не только во всех сто-

Люди любят ворошить былое, вспоминать даже самые незначительные события своей жизни. Фотографии в этом отношении незаменимые помощники. Держишь в руках снимок, и словно, удается подержать прошлое в ладони. Не менее любопытно, глядя на чужие фотографии, попытаться представить себе события, произошедшие с другими людьми, ощутить чужое прошлое. 150 лет исполняется фотографу Карлу Булле, который своими фотографиями дает возможность пережить то, что происходило в начале двадцатого столетия с нашими, может быть, прабабушками или прадедушками. Портреты, изображения групп людей, демонстрации, просто народ на улице, предметы интерьера, дома и дворцы — все оживает на снимках мастера. А его знаменитый на весь Петербург фотосалон работает до сих пор. С владельцем фотосалона и музея исторической фотографии имени Карла Карловича Буллы Валентином Евгеньевичем Эльбеком о знаменитом фотографе беседует журналист Марина Фоменок.

личных журналах, но и в зарубежных изданиях.

До сих пор фамилия Булла на слуху у жителей Петербурга. Фотограф известен всем, кто хоть немного связан с фотографией или занимается историей города. А в начале двадцатого столетия эту фамилию знал практически каждый петербуржец.

— А в наше время смог бы Карл Карлович добиться таких же высот?

Трудно сказать, что смог бы Карл Булла в наше время. Чем-то он, несомненно, отличался бы, работал бы более творчески. Я думаю, что как тогда, так и сейчас в искусстве невозможно чего-то добиться, не имея таланта и трудолюбия, а эти качества у него, несомненно, были.

— Можно ли считать Карла Булла одним из родоначальников репортажной фотографии в России?

— Карл Булла действительно был одним из первых профессионалов раннего репортажа в Петербурге. Он всегда стремился быть везде, где что-то происходило, и фотографировал. Несмотря даже на то, что техника была еще далеко не совершенна. Именно по снимкам К. К. Буллы жители как России, так и Европы узнавали о событиях, происходивших в столице Российской империи. Свою тягу к событийной фотографии Карл Кар-

лович передал и своим сыновьям, которые по праву считались блестящими фоторепортерами.

— Значит, сыновья Карла Карловича продолжили дело отца?

— Да, два сына Буллы, Александр и Виктор, пошли по его стопам. Если сложить все негативы, сделанные Карлом Карловичем и его сыновьями, то их наберется более сотни тысяч. В общественной жизни России не было практически ни одного заметного события, которые не зафиксировала бы эта трудолюбивая троица.

Можно сказать, что сыновья Карла родились фотографами. Ведь с самого раннего детства их окружала фотография. Старший сын Александр получил фотографическое образование в Германии. По возвращении в Россию в 1909 году он стал помощником отца и специализировался по павильонной съемке. Уже в 1912 году в журнале «Солнце России» появилась его первая фотография — группа деятелей искусства. Александр был талантливым портретистом, его работы появлялись в том же журнале наравне с произведениями модных тогда М. Шерлинга и М. Наппельбаума. Но молодой фотограф не ограничивался постановочными кадрами, занимаясь также и фоторепортажем. Когда в 1918 году стал выходить советский

иллюстрированный журнал «Пламя», там регулярно печатались репортажные снимки обоих братьев. Под многими фотографиями тех лет можно было встретить подпись «бр. Буллы».

Виктор же начал свою фотографическую деятельность, снимая Русско-японскую войну для журнала «Нива». Он снимал все, что ему довелось увидеть. Начал он с дорожных впечатлений, портретов местных жителей, бытовых сцен, но с приближением к месту боевых действий сюжеты его менялись. Хроникальные фотографии Виктора рисовали безрадостную картину позорной войны. Его фронтовые репортажи помещались во всех газетах и журналах, издававшихся в

России, и часто попадали на страницы зарубежных изданий. Ему было тогда всего 19 лет, но он, не зная на опасность, всегда был в самом центре событий, принимая на себя обязанности «брата милосердия». Он даже был награжден серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте. С войны он вернулся уже опытным фотокорреспондентом. Но съемка чопорных церемоний, смотров и парадов не могла захватить его после полных жизни боевых сцен и исторических событий 1905 года.

– **Чем же тогда Виктор занимался в тот период?**

– В одном из номеров журнала «Кинемо» появилось рекламное объявление: «Новая фабрика Буллы готовится к выпуску новинок». Этими новинками и занимался

тогда Виктор. Он открыл общество «Аполлон» для производства хроникальных и видовых фильмов. До 1911 года Виктор и его брат Александр сами сняли около сорока картин. Потом «Аполлон» сменило новое кинопредприятие «Продафильм», которое занималось экранизацией произведений классической литературы. Только за год Виктор отснял более 20 короткометражек. Тогда были экранизированы драма А. Островского «На бойком месте», «Синяя птица» М. Метерлинка и даже сказка «Царевна-лягушка».

Но исторические события вновь заставили Виктора взять в руки фотоаппарат. События, происходившие в России, разворачи-

вались с невероятной быстротой, и нужно было успевать повсюду. С громоздкой киноаппаратурой это было практически невозможно, а фотоаппарат давал большую свободу действий.

Фоторепортажи братьев Булла ценились очень высоко. Уже тогда их считали фотографами-профессионалами. В 1928 году состоялась выставка «Советская фотография за 10 лет». Александр и Виктор Булла представили на ней 30 фоторепортажей. И числом, и разнообразием сюжетов они превзошли остальных участников. Тогда жюри выставки присудило им почетный диплом, что считалось очень высокой наградой.

– Вы рассказали о трех Буллах, но ведь был еще и четвертый...

– Сын Виктора – Юрий тоже был фотографом. Он работал фотокорреспондентом ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры». Но в 1941 году он погиб на ленинградском фронте. К сожалению, на нем династия Булла оборвалась.

– Существовала ли конкуренция между Карлом Карловичем и его сыновьями?

– Я думаю, что конкуренция, несомненно, имела место. Ведь Карл Булла долго не желал выпускать сыновей из-под своей опеки, ему навсегда хотелось остаться главой «фотографического дома». Может быть, именно поэтому на многих снимках значилась просто фамилия «Булла» без указания инициалов.

– Карл Булла называл себя старейшим «фотографом-иллюстратором», а в рекламе его фотосалона значилось, что он снимает практически все...

– Диапазон творчества Буллы действительно был огромен. Он снимал все: дворцы и больницы, простонародье и князей, пожары и ярмарки, гулянья и библиотеки. Среди его снимков есть даже фотографии Куприна в бане с друзьями. Во-первых, это вызывалось тем, что тогда все было ново. Сейчас увидеть тушение пожара можно в каждом телевизионном сюжете, на фотографиях в любой газете. А в царской России выехать на съемку пожара или на съемку в морг – было целой проблемой и целым событием. На все нужно было получать разрешение, но это вызывало безумный интерес. В одном из архивов

сохранился документ – просьба Карла Буллы о разрешении производить съемку вне ателье:

«Его превосходительству господину С-Петербуржскому градоначальнику от С-Петербуржского мещанина, фотографа Карла Булла

Прошение

Почтительно прошу ваше превосходительство разрешить мне выдачу свидетельства на право производства всякого рода фотографических работ вне дома, как-то: на улицах, квартирах и в местах ближайших окрестностей Петербурга. Карл Булла.

Жительство имею: Литейной части 2 участка по Невскому проспекту, дом 110, кв. 16».

Эта бумага прошла множество инстанций, прежде чем Булле 29 марта 1886 года было выдано свидетельство о том, что он беспрепятственно может снимать на улицах, где он захочет, если это не будет создавать никому неудобств.

Во-вторых, думаю, что трудолюбие и любознательность не давали Карлу Карловичу сидеть дома. Например, к столетию первого министра путей сообщения России К. К. Булла проехал по Николаевской железной дороге от Петербурга до Москвы, фотографируя все вокзальные помещения. Не каждый бы взялся за такую кропотливую и тяжелую работу.

– Что обычно снимал Карл Булла в своих репортажах?

– Чего только не приходилось тогда снимать Карлу Карловичу: спуск на воду крейсера «Аврора» и церемонии, посвященные юбилею А. В. Суворова, испытания грузовика с бензиновым двигателем и прибытие путешествующей иностранной четы. Правда, темы репортажей не выходили тогда за рамки интересов буржуазного читателя. Революции Карл Булла воспринял лишь как смену сюжетов, он был далек от политики. В тот период он снимал, например, сожжение царских гербов у Аничкова дворца и солдат Петроградского гарнизона, перешедших на сторону восставших. Завершилась же деятельность К. К. Буллы как фоторепортера снимками похорон корниловских казаков.

– Что заставило фотографа покинуть Россию, где он достиг огромного успеха?

– Здесь все дело в той исторической ситуации, которая сложилась в России. Карлу Булле пришлось покинуть Россию из-за преследования со стороны властей. Он вынужден был уехать в Эстонию. Булла умер на острове Эзель (ныне Сааремаа) в 1929 году.

– Известно ли, чем занимался Карл Булла в Эстонии?

– Долгое время о судьбе Карла Буллы не было известно ничего. Семья фотографа имела лишь смутное представление о его местопребывании. Сыновья изредка получали от отца письма, извещавшие, что он еще жив. Лишь в конце 1990-х годов стало известно, что в Эстонии 60-летний Булла не только работал, но организовал собственную фотостудию. Находилась она в здании бывшей начальной школы и библиотеки.

– Почему незаслуженно было забыто имя К. К. Буллы и его сыновей?

– Объяснение очень простое – забвению эта семья была предана в период сталинских репрессий. Для спецорганов Карл Булла был «подходящей» фигурой. По происхождению он был немец, с незвучной нерусской фамилией, никогда не скрывавший своего происхождения, к тому же официальный фотограф царской семьи. Его сын, Виктор Карлович Булла, был арестован 15 июля 1938 года, что наложало запрет на упоминание фамилии Булла, где бы то ни было. Но снимки их печатались как анонимные или под другими фамилиями. Только в период перестройки вернулись к творчеству династии Булла, как и к творчеству многих других забытых людей.

– За что был арестован Виктор?

– Арестован он был по доносу одного из сотрудников фотосалона Буллы. Допрашивали Виктора всего два раза. После первого никаких обвинений предъявить не удалось, а на втором допросе он был вынужден «сознаться» в шпионской деятельности. В 1938 году родственником арестованного сообщили, что Виктор Булла – «Враг народа. Сослан в ДВК. Десять лет без права переписки». Правда, в 1958 году он был посмертно реабилитирован. В официальных бумагах было сказано, что Виктор умер 19 апреля 1944 года от рака желудка.

ка. Но существует документ с грифом «Совершенно секретно», где говорится о том, что Виктор Карлович Булла был расстрелян.

– **Что подтолкнуло вас к идее возрождения имени К. К. Буллы, к финансовым вложениям в создание музея в условиях неоплаваемости?**

– Идею приобрести фотосалон, именно здесь, на Невском, в 90-е годы предложил мне мой сын Алексей. Правда, когда я увидел, в каком состоянии находилось помещение, я немного растерялся. Фотосалон более походил на курятник, содержавшийся в жутком состоянии, с текущими крышами, обваливающимися лестницами. Дышать в помещениях, где проявлялись и печатались фотографии, было невозможно. Все было в таком запустении, что трудно было даже представить, что когда-то здесь можно будет сделать хороший фотосалон, создать музей имени Карла Буллы.

Лет пять-шесть мы просуществовали, почти ничего не меняя. Но в те годы мы были прибыльным предприятием. Мы одними из первых начали печатать цветные фотографии с помощью японского принтера, а другие фотографические работы выполняли лучше многих в городе. К тому же выгодное местоположение салона делало его посещаемым и популярным.

Лишь к концу 1990-х годов у нас начало складываться представление о тех людях, которые работали в этом фотосалоне раньше. Нам удалось кое-что почерпнуть из литературы, посмотреть снятые к тому времени фильмы о жизни семьи Карла Буллы. Тогда и родилось убеждение, что реставрация салона, создание знакового, памятного места в центре Санкт-Петербурга необходимы. Постепенно мы начали приобретать подлинные фотографии Карла Буллы и его сыновей. К сожалению, в силу своей неосведомленности о масштабах ценности фотографических работ династии одних из самых блистательных фотографов России, мы упустили момент, и лучшее время для их поиска и приобретения было нами упущено. Уже после того, как началась популяризация имени Буллы, появился интерес и со стороны других фотографов, других мастеров, коллекционеров. Фотографии резко воз-

росли в стоимости, а многие были вывезены за границу. Ведь изображались на них люди, великие для России: Федор Шаляпин, Илья Репин, Лев Толстой, Анна Павлова, практически все царские министры, вся Государственная дума.

Сейчас мы занимаемся не только музеем фотографии Карла Буллы. Недавно мы зарегистрировались как «Фонд исторической фотографии имени Карла Буллы» и занимаемся сбором фотографий других мастеров дореволюционной России, снимавших не только в Петербурге, но и в других городах. Мы уже приобрели огромное количество таких фотографий из сотни городов нашей страны. И надеемся на дальнейшее продолжение этой работы.

– **Как фотографы Петербурга и просто горожане восприняли открытие музея фотографии имени К. Буллы?**

– До самого открытия никто не верил, что музей будет открыт. Всем казалось, что на Невском проспекте, на таком месте гораздо выгоднее построить ресторан, кафе или другое публичное место с целью извлечения материальной выгоды, нежели строить фотосалон и музей. Когда же в январе 2004 года состоялось торжественное открытие, мы даже не ожидали, что это вызовет такой бурный интерес. Нами было разослано 125 приглашений, каково же было наше удивление, когда к нам пришло более 450 человек. К сожалению, мы не успели завершить реконструкцию к празднованию 300-летия Петербурга, что было бы очень символично, ведь Карл Булла в свое время помогал подготовке Петербурга к 200-летию и был официальным фотографом торжеств. Благодаря его снимкам мы можем видеть, каким был наш город сто лет назад.

– **Была ли вам оказана поддержка со стороны административных структур и комитета по культуре?**

– Я такой человек, что по своей натуре не привык обращаться за помощью, потому что я знаю результат подобных обращений. Единственное обращение, которое мы сделали к администрации города – это просьба помочь нам воссоздать на крыше здания, принадлежащего не нам, а городу, стеклянный плафон, который был в мастерской Карла Буллы. Конечно,

был получен абсолютный отказ. Объяснялось это недостатком денежных средств. Так что даже крышу мы возводили сами. Правда, неувязка получилась с ГИОПом, но надеюсь, что все разрешится мирным путем и никому не придет в голову разрушать уже созданное таким непосильным трудом.

– **До сих пор многие считают фотографию не искусством, а лишь способом отражения реальности. А как вы думаете, являются ли фотографии К. Буллы произведениями искусства?**

– На каком-то раннем этапе проявления фотографии мнение, что фотография – лишь средство отражения реальности, у кого-то и было. Ведь наконец-то людям удалось получать и фиксировать изображение всего окружающего. В конце XIX века критик В. Стасов писал: «Мир искусства далек и недостижим для фотографии, и до него она не должна простираť своих притязаний». Но чуть позже, разглядев достоинства фотографии, он изменил свое мнение.

Уже на примере работ знаменитых фотографов царской России – Никитина, Левицкого и других, на примере работ Карла Буллы и его сыновей видно, что фотография стала настоящим художественным произведением. С таким трудом созданные несовершенной техникой фотографии не только передают обстановку России того времени, но и наполнены богатым внутренним содержанием. Невероятным кажется, что для съемки Льва Толстого в Ясной Поляне Карлу Булле пришлось привезти с собой две подводы фотографического и осветительного оборудования, а сама съемка длилась две недели. Сейчас фотографы могут сделать все гораздо быстрее и легче. Но далеко не все смогут снять так, как это делал Булла, с таким чувством и с таким настроением.

– **Какое значение, по вашему мнению, династия Булла имела для Петербурга да и для всей России?**

– Есть такая теория, что историческая память – это основа культуры. Фотографии же – свидетельства памяти. Для нашего города, нашей страны основой культуры можно назвать фотографии династии Булла. Время уже давно ушло, а изображения остались, чтобы оживлять перед нашими глазами прошлое...

Тессинские строители в Петербурге в первой половине XIX века

А. М. Редаэлли, П. Тодорович

В 1984 году во время ремонта дома инженера Нардо Адамини в Бигоньо д'Агра (кантон Тессин) была обнаружена переписка его предков, строителей Адамини, работавших в XIX веке в Петербурге и в его окрестностях. Письма, некогда перевязанные шпагатом в пачки, лежали в старом сундуке. Как объем переписки, так и информация о тессинской эмиграции в Петербурге, заключенная в ней, представляют собою крайний интерес.

Найденные послания систематизированы нами согласно их отправителям и хронологически; произведено их полное переписывание¹.

Письма, числом 123, составляют в общей сложности около 250 густо исписанных страниц. Они были отправлены из Петербурга и его пригородов следующими лицами: 16 писем, 1800–1824 годов, от Томазо Адамини (родился и умер в Бигоньо д'Агра; 1763–1828); 16 писем, 1816–1827 годов, от Доменико Адамини, сына Томазо (родился и умер в Бигоньо д'Агра; 1792–1860); 78 писем, 1816–1854 годов, от Леоне Адамини, сына Доменико (родился в Бигоньо д'Агра в 1789 году, умер в Петербурге в 1854 году, могила на Смоленском лютеранском кладбище не сохранилась, но существует ее фотография²); 6 писем, 1822–1851 годов, от Анны Адамини, урожденной Вислер, супруги Леоне Адамини (родилась в Павловске в 1799 году, умерла в Петербурге в 1867 году, могила на Смоленском лютеранском кладбище сохранилась³); 6 писем, 1833–1862 годов, от Томазо Адамини, сына Леоне; одно письмо, 1863 года, от того же Томазо и Клементе Адамини, сына Доменико. Обнаруженный эпистолярный позволяет реконструировать более чем полувековую жизнь в Петербурге членов многочисленной итало-тессинской колонии, а также является первоисточником относительно их рабо-

ты, отношений с заказчиками, с царским двором и аристократией, с русскими и зарубежными коллегами. Кроме того, из этих писем можно узнать много нового о быте русской столицы, о политических процессах, о культуре страны, предоставившей гостеприимство семейству Адамини и их землякам.

***

В июне 1816 года Томазо Адамини вернулся в Петербург после очередного прощания с родиной. На этот раз его сопровождали два сына: 27-летний Леоне и 24-летний Доменико. Спустя месяц после прибытия, 14 (26) июля, он отправил письмо домой, в Бигоньо д'Агра, – жене, матери и сыну Бернардо, сообщая о своей жизни на берегах Невы. Писал не только Томазо, но и его сыновья, причем Леоне сообщал сведений более других.

Вот впечатления Леоне по прибытии в Петербург: «Для того, чтобы объяснить, что такое Петербург, нужно написать книгу – достаточно сказать, что не знаю другого такого города. Здесь все грандиозно. Милан для Италии – чудный город, но сравнить его с Петербургом – все равно, что сравнить нашу Агру с миланским собором. Самые изысканные дома в Милане в Петербурге были бы заурядными. Везде красивые дома, красивые кварталы, красивые реки, со снующими взад и вперед лодками. Главная река – Нева, она же служит превосходным портом, куда приходят корабли всех стран: Америки, Турции, Италии, Испании, Франции, Португалии, Германии, Англии и так далее. Здесь – настоящий Вавилон, можно повстречать людей самых разных национальностей, говорящих на самых разных языках, и, как следствие, можно увидеть церкви самых разных религий, однако самые красивые церкви – это русские.

Есть, например, Казанская церковь, где – самые ценные вещи и картины самых лучших мастеров. Образы эти, однако, разглядеть трудно, потому что главы, руки, ноги и все остальное покрыто золотом и драгоценными камнями. В церкви хранится образ Божией Матери Казанской – и ее чело настоль усыяно бриллиантами, что не знаю, найдутся ли в Милане ювелиры, способные их оценить. Тут же – знамена, которые русские отбили у французов, вышивки из золота, ключи городов, взятых русскими, жезл маршала⁴, потерянный им при бегстве из Москвы. В этой церкви я присутствовал на богослужении с попом. Мне очень понравилось благоговение, с которым стоят в церкви, их моление, поклоны, крестные знамения, а также те поклоны, с которыми они просят прощения друг у друга. Облачения попа хватило бы на сотню наших священников, и это не только золото, но и драгоценные камни в митре: удивительно видеть такое богатство.

Среди прекрасных вещей, что мне довелось увидеть, – произведение нашего отца в залоговом фонде

Император Александр I.
Худ. Ж. Л. Монье

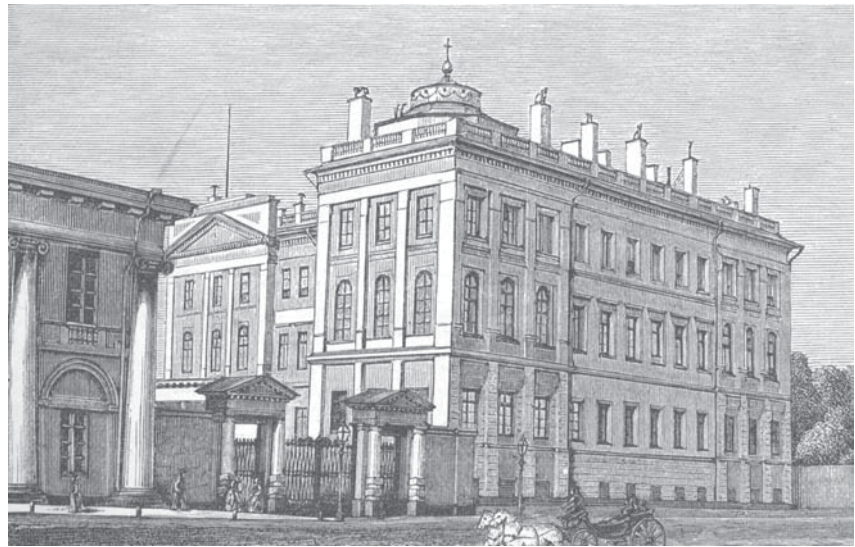

Император Николай I.
Худ. И. Винберг

Института благородных девиц <la gran fabbrica delle Mademoiselles nobili>. Потрясающие вещи – уверен, что в Италии ничего близкого нет ни по красоте, ни по грандиозности, ни по великолепию. Все это говорит и об искусности нашего отца, вам будет трудно поверить, насколько здесь уважаемого. Не прошло и двух дней после нашего приезда в этот город, как мы были окружены неизвестными нам людьми, домогавшимися Левонтевича, как его называют русские⁵. Мне, представившемуся его сыном, они кланялись, немало конфузя таковой любезностью. <...> Наш отец получил заказ на строительство для Великого князя Николая [Павловича], брата Императора, который должен жениться на дочери короля Пруссии. Заказ необыкновенно сложен⁶. На этом строительстве, где отец проводит большую часть своего времени, он всегда окружен народом, держащим шапки в руках, кланяющимся и без усталости его хвалящим. Отцу дали дом для проживания, дрова, свечи и все необходимое для письма. Нам здесь хорошо. Дом – рядом со стройкой, что видно из окна. <...>

***

Доменико Адамини по заданию главного архитектора Карло Росси начиная с 15 апреля 1819 года был занят на строительстве дворца великого князя Михаила Павловича, так называемого Михайловского дворца. Церемония его сдачи опи-

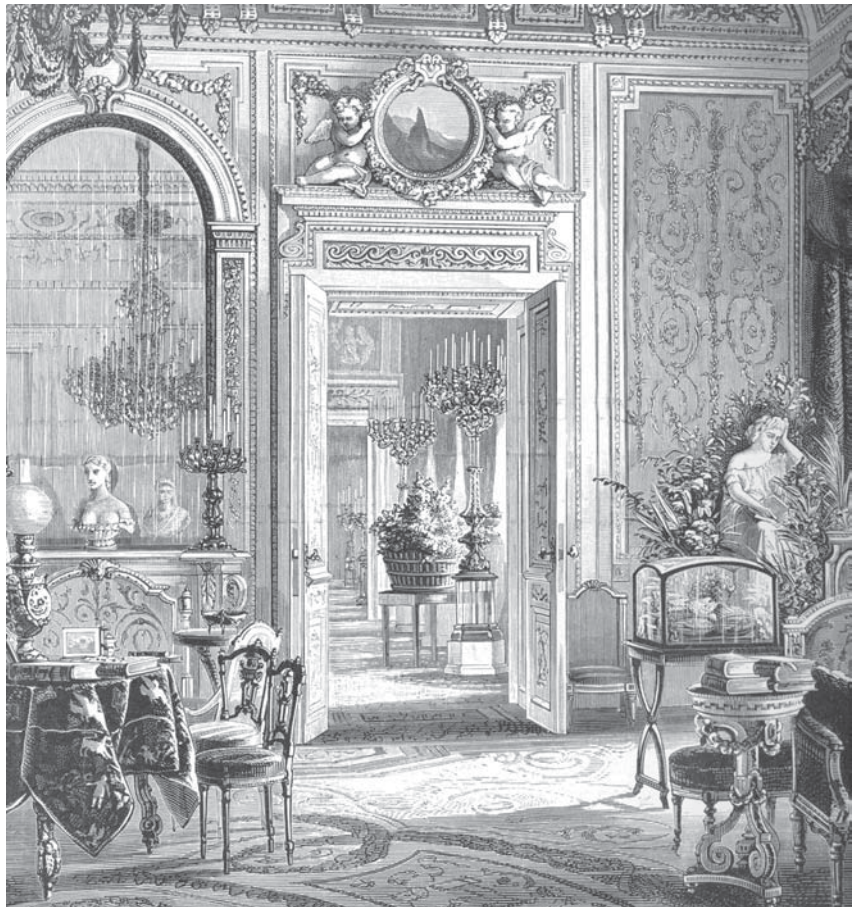

Аничков дворец. Рис. по фото 1870-х гг.

сана в письме Доменико от 3 октября 1825 года брату Доменико, священнику Дону Бернардо, оставшемуся в Бигоньо д'Агра.

«В последнем письме я обещал вам описать церемонию подарка дворца от Его Величества моему брату. Утром 30 [августа], в день

праздника [Алекса́ндро-] Невского монастыря <Convento del Nevski>⁷, по повелению Его Величества прибыли на церемонию все придворные священники со своими дьяконами. <...> Около двух часов, после обеда, появился Его Величество [Александр I], который, подобно хозяину, осмотрел,

Кабинет государыни цесаревны в Аничковом дворце.
Худ. Соколов

Императрица
Мария Федоровна.
Худ. А. Рослин

Великая княжна
Елена Павловна.
Худ. В. Л. Боровиковский

Императрица
Елизавета Алексеевна.
Худ. Ж. Л. Монье

в порядке ли все апартаменты, и взошел на парадную лестницу, поджидая там остальное императорское семейство. Спустя полчаса показалась императрица Елизавета [Алексеевна], приветствуемая своим Августейшим супругом. Рассыпая похвалы, она заглянула во внутренние залы. Спустя еще полчаса прибыла Вдовствующая императрица [Мария Феодоровна] с Николаем, Михаилом и Александрой [Павловичами]. Елены [Павловны] не было по нездоровью, и она не смог-

ла насладиться праздником, приготовленным для нее. Первым внутрь прошел Великий князь Михаил, которому Его Величество поднес хлеб-соль с образом Спасителя, тем самым показывая, что дарит ему дворец и благословляет как владельца. Мне трудно передать волнение, охватившие всех нас при виде двух братьев – Его Величества и Великого князя Михаила – обнявшимися: многие прослезились. Чуть погодя вошла Вдовствующая императрица, сияющая от счастья видеть братскую любовь своих сыновей. Сразу же после этого входа, длившегося с минуту, императорская семья начала обмениваться комплиментами и поклонами, а затем прошла в апартаменты и впервые там отобедала. Мы же отправились обедать домой. Архитектор Росси сразу же получил орден Св. Владимира, а вечером Его Величество послал ему кольцо стоимостью три тысячи рублей, другие получили новые титулы, или деньги, или же ордена, и среди последних – и я, получивший орден Св. Анны третьей степени и ставший таким образом кавалером⁸. Наш отец получил четыре тысячи рублей и золотую табакерку от Великого князя. Прошное воскресенье мы провели в Павловске <Pavloschi>, у брата [Леоне], прощаясь с ним⁹. Потом побывали в Царском Селе <Zarscosello>, осмотрели церковь, что наш брат выстроил по моим чер-

тежам для католиков¹⁰. <...> Наш отец отправится непременно седьмого октября, дилижансом. <...> А значит, месяца через полтора вы получите удовольствие его обнять, а я – меланхолию одиночества. <...>»

***

Церемония открытия Александровской колонны

Знаменитая петербургская колонна была поднята 30 августа 1832 года, о чем сообщает и Леоне Адамини в своем письме от 12 сентября 1832 года в Бигоньо д'Агра брату Дону Бернардо: «В день 30 августа водружена колонна в честь Александра I, во славу Монферрана и Антонио»¹¹. Спустя ровно два года колонна была торжественно открыта, о чем Леоне писал из Петербурга своим братьям в послании от 2 сентября 1834 года: «В день св. Александра [Невского] 30 августа в обстановке большой торжественности был открыт монумент в честь [императора] Александра. На площади перед Зимним дворцом присутствовало 135 тысяч воинов. Его Величество [Николай I] лично командовал войском, выполнявшим действия с неподражаемой точностью. Присутствовал также воинский отряд, посланный прусским королем – в знак памяти такого великого человека, как Александр. Количество публики было немыслимым, и для нее Монферран соорудил амфитеатр – у строительной площадки Главного штаба и у манежа. Впереди сделали 12 ступеней, и под навесом еще 13. Было необыкновенно красиво – благодаря также и краткому дождю: все присутствующие, как в театральном спектакле, одновременно открыли свои зонты: красные, желтые, голубые, черные. На Неве стояли фрегаты, открывшие салют, вместе со всей артиллерией крепости и с солдатами на площади – казалось, что извергается Этна. Но вот вошел маршем с Невского <Nefschí> императорский праздничный кортеж. Площадь к тому моменту, то есть спустя четверть часа, уже освободили от солдат, остались только генералы. Конный император объехал площадь, и обнажив оружие, стал молиться. После молитвы, что творили с обнаженной головой на коленях, со специального огромного помоста сошло, следуя за императором, духовен-

ство, а также императрица [Александра Феодоровна] с придворными дамами, а за ними – дипломатический корпус, кавалеры орденов, сенаторы, представители разных мест империи, и, напоследок, три купца первой гильдии. Когда эта процессия обошла колонну и вернулась на помост, дали сигнал пушкам: так одновременно играла музыка, смеялись солдаты и палили пушки – чудный спектакль, равного которому не увижу. Дворцовые гвардейцы сменили гвардию у монумента, а затем все солдаты стали маршировать перед императором. Огромным было вознаграждение: все участники получили или ордена с бриллиантами, или ордена первой степени. Монферрану дали орден Св. Владимира и пять тысяч рублей пенсии, а наш кузен [Антонио Адамини] – орден Св. Владимира четвертой степени. Вознаграждения деньгами еще впереди, и пока не знаю, какие именно. Памятник же открыт и станет предметом восхищения на века. <...>»

***

Участие семейства Адамини в строительстве Исаакиевского собора

В уже цитированном письме Доменико Адамини от 3 октября 1825 года сообщается также следующее: «В Исаакиевской церкви меня непременно хотят, предложив шесть тысяч рублей¹². <...> Строительство церкви ведут Монферран как главный архитектор, я как архитектор-практик, с шестью тысячами рублей, Антонио [Адамини] как бригадир, с четырьмя, и Луккини из Бергамо с тремя. Для полного штата мне не хватает еще одного бригадира – многие себя предлагают. Вот что могу рассказать о моем положении».

Об участии Антонио Адамини в сооружении Исаакиевского собора информируют и два документа из РГИА¹³, а именно – два письма от Монферрана, которые мы здесь приводим целиком:

«Le 24 mai 1826.

A Messieurs les Membres de la Commission de l'Eglise de St Isaac. L'Architecte de l'Eglise a l'honneur de porter a connaissance de la Commission, qu'ayant reconnu que M.r le maotre-mazon Antoine Adamini possedait les connaissances nécessaires pour exercer les fonctions

d'Aide-A constructeur de l'Eglise de St Isaac conjointement avec M.r Ofsiannikoff. L'Architecte supplie trus humblement Messieurs les Membres de vouloir bien permettre que M.r Adamini remplisse cette place provisoirement jusqu'au moment ou la continuation de son zule au travail aura sufisament prouvé qu'il peut utre confirmü dans cette place. Aug.te de Montferrand»¹⁴ [«24 мая 1826 года. Господам членам Строительной Комиссии Исаакиевской церкви. Архитектор церкви имеет удовольствие доложить, что мастер-строитель Антонио Адамини обладает всеми необходимыми навыками для исполнения роли помощника строителя Исаакиевской церкви, совместно с господином Овсянниковым. Архитектор покорно просит господ членов Комиссии разрешить господину Адамини временно трудиться на этом посту вплоть до официального его утверждения в данной должности. Огюст де Монферран»]

«Le 11 fuirier 1828. A Messieurs les Membres de la Commission de l'Eglise de St Isaac. Les talents de pratique que M.r Antoine Adamini possude en architecture utant de grande utilitu dans la construction de l'Eglise de St Isaac, l'Architecte en Chef de ce monument supplie trus humblement la Commission de vouloir bien lui accorder la place encore vacante d'Aide Architecte, dont il remplit en ce moment les fonctions. Le travail des colonnes, la construction de l'uchafaudage pour les ulever, et une grande partie des fondations que l'Architecte a particulirement confiü a M.r Antoine Adamini, sont des preuves certaines de ces connaissances, sur lesquelles l'Architecte en chef se fonde pour assurer Messieurs les Membres que M.r Adamini remplira avec avantage la place qu'il sollicite pour lui. L'Architecte en Chef: Aug.te de Montferrand»¹⁵ [«11 февраля 1826 года. Господам членам Строительного Комиссии Исаакиевской церкви. Имея в виду практические таланты, которыми обладает господин Антонио Адамини, оказывающий огромную пользу на строительстве Исаакиевской церкви, главный архитектор просит утвердить его во все еще вакантной должности помощника архитектора, благо он уже таковым является по сути. Работа на колоннаде, сооружение <...>,

большой части фундамента, были непосредственно доверены архитектором господину Антонио Адамини <...>. Главный архитектор Огюст де Монферран»]

Заметим, что отношения между Монферраном и Адамини впоследствии не являлись безоблачными. Семейные проблемы Антонио, смерть его супруги и ухудшившееся здоровье привели к тому, что он был вынужден преждевременно покинуть должность помощника архитектора Исаакиевского собора¹⁶.

***

Биографии

Томазо Адамини, сын Леоне (Бигоньо д'Агра, 1763 – Бигоньо д'Агра, 1828), работал в Липецке с 1796 года, в Петербурге – с 1800 по 1825 год. В 1795 году, перед «отъездом в Московию», оставил завещание. В 1796 году в Липецке Тамбовской губернии строил загородную усадьбу Петра Вельяминова. С 1801 года – в Гатчине, летней резиденции Павла I, где был занят сооружением конюшни и птичника под руководством знаменитого зодчего Адриана Захарова. Серия не датированных чертежей из Архива Адамини подтверждает его работу при возведении Смольного монастыря. Томазо пользовался большим уважением Карло Росси, привлекавшего его к различным работам, в том числе к строительству Михайловского дворца. Завершение работ над дворцом совпало с решением Томазо испросить выход на пенсию и вернуться на родину.

Леоне Адамини, сын Томазо (Бигоньо д'Агра, 1789 – Петербург, 1854), в Петербурге с 1816 года, в Павловске с 1817 по 1828 год, в Петербурге с 1828 по 1854 год. В 1816 году работал в качестве архитектора Александринской императорской мануфактуры, основанной Петром I на Неве, на Шлиссельбургском тракте, – при Леоне Адамини она производила ткани, находясь под покровительством вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. В следующем году Мария Феодоровна пригласила его на строительные работы в Павловск, где зодчий оставался вплоть до 1828 года, года смерти вдовствующей императрицы. В том же году поступил на службу в Кабинет Е. И. В. и занялся возведением Александрин-

ского театра, а также градостроительными работами вокруг театра, задуманными Карло Росси. Производил послепожарную реконструкцию Зимнего дворца под руководством А. П. Брюллова (1838–1840); сооружение дворца великой княгини Марии Николаевны, спроектированного А. И. Штакеншнейдером (1840–1845); участвовал в строительстве Исаакиевского собора под руководством О. Монферрана (1844); Александринской больницы (1845–1848); Капитула российских орденов, спроектированного А. М. Горностаевым (1846–1847), в перестройке Мраморного дворца (1849). Исполнил множество частных заказов по перестройкам петербургских особняков. Помогал брату Доменико при строительстве католической церкви Св. Иоанна в Царском Селе (1825–1826).

Доменико Адамини, сын Томазо (Бигоньо д'Агра, 1792 – Бигоньо д'Агра, 1860), в Петербурге с 1816 по 1827 год. В 1818 году был принят на службу в Кабинет Е. И. В. В том же году под началом Карло Росси произвел перемещение Румянцевской колонны с Царицына луга (совр. Марсово поле) на площадь Васильевского острова, прилегающую к Академии художеств. Участвовал в сооружении Михайловского дворца (1819), здания Главного штаба (1820), Елагинского дворца (1823) – в ранге «мастера каменных дел». Входил в состав Строительной комиссии Исаакиевского собора. В Петербурге Доменико Адамини прославился, в первую очередь, прекрасным особняком, замыкающим перспективу Екатерининского канала (ныне канала Грибоедова) и известного среди горожан как «Дом Адамини на Мойке». В Архиве Адамини сохранились легко идентифицируемые проекты этого дворца, относящиеся к 1823 году. Вместе с братом Леоне он спроектировал и построил католическую церковь Св. Иоанна в Царском Селе, открытую вновь для богослужений в 1997 году. Доменико вернулся в Бигоньо д'Агра в 1827 году. В Архиве Адамини существует еще не изученный его фонд, состоящий из около 20 писем и административно-технической документации, относящийся к строительству железных дорог Австрийской империи.

Антонио Адамини, сын Агостино (Бигоньо д'Агра, 1794 – Петербург, 1846), в Петербурге с 1816 по 1846 год. Назначенный в 1828 году помощником Огюста Монферрана, главного строителя Исаакиевского собора (1818–1858), он прославился своим умением устанавливать гранитные колонны. Руководил работами по водружению Александровской колонны на Дворцовой площади (1834), по надстройке Придворной капеллы (1836), по послепожарной реконструкции Зимнего дворца (1838–

1839). Как архитектор придворного Интендантского ведомства (1836) перестраивал Таврический дворец, в 1836–1842 годах – старший архитектор Государственного банка. В 1842 году, после обвала купола церкви святителя Митрофания Воронежского (архитектор К. А. Тон), на южной окраине Петербурга, руководил ее реставрацией (после смерти Антонио Адамини работы завершил Ф. Руска).

*Перевод с итальянского
М. Г. Талалая*

¹ Lettere da San Pietroburgo e dintorni dei costruttori Adamini di Bigogno d'Agra 1800–1863. A cura di A. M. Redaelli. Consulenza per la parte russa di P. Todorovic Strål [Письма из Санкт-Петербурга и его окрестностей от строителей Адамини из Бигоньо д'Агра, 1800–1863. Под ред. А. М. Редаэлли. Консультант русской части П. Тодорович-Штраль]. Sorengo, 1997; работа, произведенная благодаря заказу со стороны Отдела культуры кантона Тессин, была оформлена в виде четырех досек, депонированных в Отдел культуры (Беллинзона), Фонд культуры Коллина д'Оро (Монтаньола), семья инженера Нардо Адамини, владельца оригиналов (Бигоньо д'Агра), архив редактора, А. М. Редаэлли.

² Redaelli A. M., Todorovic P. Biografie. Ticinesi e compatrioti italiani nei cimiteri di San Pietroburgo. Edizioni Le Ricerche, Lugano, 1999. P. 36–38.

³ Там же. P. 39.

⁴ Луи-Никола Даву.

⁵ Так, по отчеству, петербуржцы звали Томазо Адамини, сына Леоне.

⁶ Речь идет о строительстве Аничкова дворца, которое вел Карло Росси для великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I (см.: Шуйский В. К. Карло Росси. СПб., 2001. С. 103).

⁷ См. Аттестат, Санкт-Петербург, 1. 4. 1827 // Архив Адамини, Бигоньо д'Агра (в этом архиве также сохранились чертежи конструктивных деталей).

⁸ Праздник перенесения мощей св. благоверного князя Александра Невского из Владимира в Петербург.

⁹ Императорский указ от 29 августа 1825 г., подтвержденный дипломом от 7 ноября 1825 г. // Архив Адамини, Бигоньо д'Агра.

¹⁰ В тот период отец Доменико, Томазо, собирался вернуться на родину; его брат, Леоне, работал тогда в царской резиденции в Павловске.

¹¹ Речь идет о католической церкви Св. Иоанна в Царском Селе. В Архиве Адамини, в Бигоньо д'Агра, сохранились чертежи храма, подписанные Доменико Адамини, а также литография, выполненная в 1827 г. по рисунку того же Доменико известным гравером К. Бегровым, с надписью: «Vue de l'église catholique a Tsarcoc-Selo, projetee et executee par les Freres Adamini, Architectes. Dedice a S.E. le C.te Adam Oieroffski, President du Comite de construction de cette Eglise» [«Вид католической церкви, спроектированной и построенной братьями-архитекторами Адамини. Посвящена графу Адаму Ожаровскому, председателю Строительного комитета этой церкви»]. Церковь была заложена 24 июня 1825 г.; в 1905–1908 гг. значительно расширена, по проекту архитектора С. А. Данини и инженера И. Ф. Пентовского (см.: Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1985. С. 146–147).

¹² Антонио Адамини (Бигоньо д'Агра, 1792 – Петербург, 1847) сын Агостино Адамини и троюродный брат Леоне и Доменико (они постоянно упоминают Антонио, но корреспонденция его самого не обнаружена).

¹³ В Архиве Адамини в Бигоньо д'Агра сохранились чертежи, представленные Доменико на конкурс проектов Исаакиевского собора. Подписанные чертежи включают в себя план, фасад, разрез; на одном из них – надпись: «Esquisses de la vue du projet de l'église d'Isaac, prise du cota de l'Amirauté, dessinee d'apres nature par Dominique Adamini pour servir d'idée a son projet» [«Проектные эскизы Исаакиевской церкви, близ Адмиралтейской набережной, исполненные Доменико Адамини как пояснение к его проекту»]. В сооружении собора позднее принимал участие сам Доменико, а также Леоне и Антонио Адамини.

¹⁴ Результаты исследований в Петербурге летом 1997 г. П. Тодорович Штраль и А. М. Редаэлли при помощи Е. Анисимовой; см.: Malevinskaja M. E. San Pietroburgo. La colonna Alessandrina. Quaderni La Ricerca, numero 5. Edizioni Le Ricerche. Montagnola, 1998.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1311. Оп. 1. Д. 310. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 55. См.: Там же. Л. 102, 104 и об.

Спас на Крови, Послание на стенах

**В. А. Курляндский,
В. Ф. Пятинин**

Смотрим повнимательнее на здание храма Воскресения Христова (Спаса на Крови).

Что обычно говорят экскурсоводы или что мы можем прочитать в туристических путеводителях? Храм Воскресения Христова, в народе – Спас на Крови, построен в 1907 году. Строился 24 года – с 1889 по 1907 год – на месте смертельного ранения Александра II по проекту академика А. А. Парланда и архимандрита Троице-Сергиевской пустыни Игнатия... И далее экскурсоводы и справочники сообщают нечто вроде: «Еще издали

собор привлекает внимание своим замечательным декором – разнообразными наличниками и кокошниками, в которые заключены мозаичные вставки и иконы, с поясками, изразцами, разноцветной черепицей, позолоченными и покрытыми яркой ювелирной эмалью...». Невольно возникает вопрос: неужели внешняя красота – это все, ради чего создавался этот архитектурный памятник? И уместны ли здесь, на этом скорбном месте, все эти украшения?

Но есть то, о чем не говорит ни один экскурсовод и о чем мы не прочитаем ни в одном путеводителе. Знаменитый критик В. В. Стасов отмечал, что в орнаменте древних не было ни одной праздной черты. Что значит праздной? Видимо, он имел в виду, что орнамент создавался ради заключенного в изображении глубокого смысла, жизненно важного для автора и для зрителей, а не для того, чтобы быть «простым украшением». Имеет ли такой смысл декор на стенах храма Воскресения Христова? Ведь храм создан не в древности, а в начале XX века, и его архитектурный стиль – эклектика. Были даже мнения, что он не имеет художественной ценности...

Объем этой статьи не позволяет дать расшифровку символического значения каждой детали и структуры всего сооружения в целом. Мы раскроем смысл только некоторых элементов декора.

Вот декоративное обрамление иконы. Оно сплошь состоит из кружков, в которых расположены рельефные изображения стилизованных 6-лепестковых цветов. На наличниках и кокошниках окон мы видим такие же цветы, только с большим количеством лепестков. В центре кокошников изображены равносторонние кресты в круге... Это древнейшие символы, которые встречаются, на удивление, повсеместно – на памятниках культуры древнейших цивилизаций как Востока, так и Запада. Распускающийся цветок символизирует развитие, становление, возникновение Мира, Вселенной – из центра (точки, не имеющей размеров). Этот центр (точка) символизирует Первопричину, Высший Принцип, Абсолют, от которого все зависит и без чего нет существования.

Круг, в котором расположен цветок, – это временный мир, находящийся в становлении, в круговом движении вокруг центра.

Сердцевина цветка – это зародыш, семя, из которого возникает Мир, Вселенная. И такое же значение имеет изображение колеса со спицами – с неподвижной осью и вращающимся ободом. Равносторонний крест в круге имеет то же самое значение – расширение Мира, Вселенной из центра по четырем направлениям: север, юг, восток, запад («на все четыре стороны»). Как это ни удивительно, такое представление о становлении Мира из точки соответствует и современным научным воззрениям – теория «Большого взрыва» и «расширяющейся Вселенной». Есть и другое значение изображения цветка, где он символизирует «Чашу небесных вод», расположенную над небосводом, и из которой в наш мир изливается «живая» вода, обладающая жизнотворной силой и воскрешающим действием, несущая жизнь и благодать. То есть цве-

ток может символизировать либо становление Мира, либо – «Чашу небесных вод». «Небесные воды» – это духовная, нематериальная субстанция. Попадая в наш мир, она «материализуется» – становится благодатным дождем. Рождая

жизнь, эта субстанция теряет свою живительную силу (в сказках – «живая» и «мертвая» вода), после чего необходима новая «зарядка» энергией, для чего она снова поднимается в небо. Образуется «круговорот» живой воды (подобно вдоху – выдоху) – от неба к земле и от земли к небу. Этот круговорот часто изображается завитками орнамента в форме латинской буквы «S». Потоки, вихри небесных вод на изображениях словно прорастают растениями с цветами и листьями, символизируя ее животворную силу. Изображения круговорота небесных вод, являющиеся элементами архитектуры и декоративных росписей, встречаются повсеместно на протяжении всей человеческой истории. На храме Воскресения Христова таких своего рода образных «посланий» нам от древних времен очень много. Например, повсюду под арками и карнизами во многих местах на стенах храма есть зигзагообразный орнамент, и под ним, вдоль всей длины карниза, – выступы, направленные вниз, символизирующие и означающие капли воды, свисающие с небесного свода, подобно конденсату на потолке. Вход в храм представляет собой крыльцо с навесом, опирающимся на столбы – балясины. Балясина означает божественное оружие – громовую дубину, перун (молнию). На крестьянских деревянных избах подобия перуна – «громовники» ставились на конек крыши для защиты от молнии (по принципу магического действия подобного на подобное). Таким образом, вход в храм – крыльцо, а вместе с ним и весь храм

символически защищены от удара молний и вообще от катастроф и враждебных действий.

Обратим внимание на ограду, окружающую храм. Ее образное решение кажется странным и причудливым. Мощные завитки растительного орнамента, расположенные между столбов – опор, как будто стремятся вырваться из

оков. Динамика их формы противоречит назначению, статике ограды. Но если вникнуть в смысл ее образного решения, то станет ясно, что это – изображение вихря, круговорота небесных вод. Это вихрь живой воды, как апофеоз жизнеутверждающей силы, несет с собой рождение жизни, которая расцветает гигантскими цветами и листьями в образном решении орнамента ограды храма.

Здание храма является буквально «заповедником» древних символов. Создатели храма как будто хотели собрать животворящую силу всех символов во всем многообразии, многогранности их смыслов, чтобы «заключить» смерть, противопоставить ей – торжество Вечной жизни. Отсюда такая дробность, такое количество деталей, орнамента, такая сложность структуры всего сооружения. Взгляд зрителя, не вникающего в глубинный смысл архитектурного замысла, запутывается в деталях и не в состоянии охватить и понять все в целом.

Сверхзадача всего сооружения храма Воскресения Христова является после того, как мы начинаем понимать образный смысл отдельных деталей, которые, складываясь в одно целое, дают понимание всей идеи. Весь храм во всем

его убранстве – это символ воскресения, победы вечной жизни над смертью. Христос Воскрес – «веселие вечное».

Эта радость Воскресения воплощается в многокрасочности, обилии нарядных, оптимистических орнаментов и украшений храма Воскресения Христова (Спаса на Крови).

Символы на стенах храма Воскресения Христова, построенного в начале XX века в Санкт-Петербурге, имеют прямую связь с символами, имевшими место в цивилизациях многотысячелетней давности – древнего Египта, древней Индии и других, с глубокими корнями, уходящими во тьму доисторического времени.

Возникает множество вопросов: – как эти символы дошли до XX века?

– каким образом сохранилось знание их смысла?

– как передавалось все это от поколения к поколению?

– как создатели храма получили это знание?

Совершая прогулки по нашему городу или торопясь на работу, мы ежедневно и почти повсеместно можем видеть эти древние символы на самых обыденных вещах: дверных ручках, фонарях, решетках, перилах и т. д.

Невероятно, удивительно, потрясающе! – в самых обыденных вещах, в архитектурных сооружениях видны следы каких-то древних культур, несущих в себе нам, живущим сегодня, в XXI веке, закодированную символическую информацию.

Генеральный план развития Ленинграда 1941 года

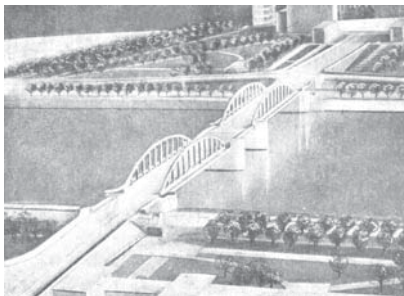
Д. А. Орлов

Результаты творческого конкурса на проект нового центра (1940) были положены в основу Генерального плана развития Ленинграда, принятого в начале 1941 года. Центральное место по объему намеченного строительства принадлежало Московскому району, что было неудивительно: именно здесь, в районе Ленинградского Дома Советов, должен был разместиться новый центр города¹. Генеральный план предполагал следующее: в течение ближайших 5–10 лет этот район должен был постепенно слиться с районом Автово, и Краснокабацкое шоссе должно было связать улицу Стачек (ныне проспект Стачек) с новым городским центром. В восточном направлении развитие Московского проспекта ограничивалось Витебской железной дорогой. В дальнейшем предполагалось слияние его с Щемиловкой (район нынешней Ивановской улицы), но эта перспектива не входила в пределы ближайших 10–15 лет.

Должна была продолжаться застройка правого берега Невы, что позволило бы сомкнуть районы Щемиловки и Малой Охты, в результате чего четыре разрозненных центра новостроек образовали бы два громадных новых района (Автово – Московский проспект и Щемиловка – Малая Охта), стремящихся в своем развитии к взаимному слиянию².

В новом строительстве основной упор должен был делаться на возведение жилых домов и обслуживающей их сети школ, детских садов и яслей. Намечалась и застройка крупных общественных зданий, которые должны были оформлять площадь у Дома Советов³.

Южные территории города в те годы были бедны зеленью и водой, поэтому особое значение приобретала проблема обводнения мелких речек и протоков и озеленение территории. Обводнение южных протоков имело не только декоратив-

Макет Володарского моста через Неву

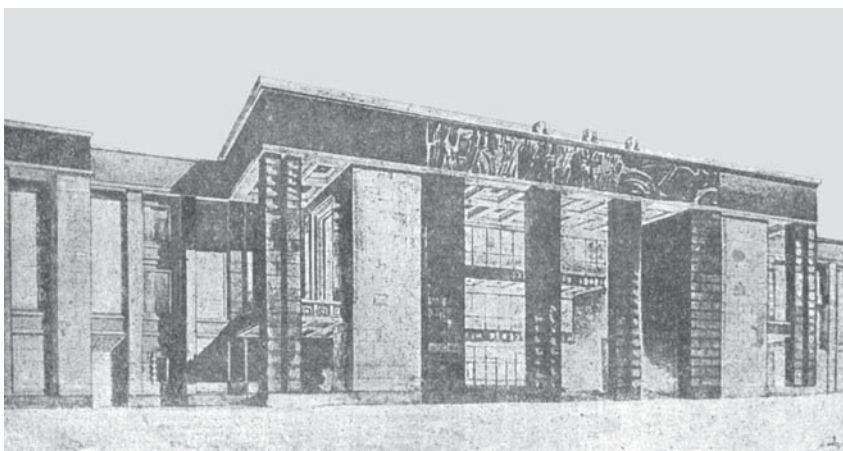
Физико-технический институт в Лесном

ное, но и, главным образом, санитарно-гигиеническое значение. Поток невской воды должен был пойти по специальному каналу с запада на восток и наполнить мелкие русла речек Волковки и Красенькой, «обводнить» пруды Приморского паркового массива и других парков. Постройка канала была разбита на

две очереди. Участок от Невы до р. Волковки было намечено осуществить в первую очередь.

Был составлен перечень главнейших объектов зеленого строительства на ближайшем этапе застройки города: окончание строительства парка культуры и отдыха Московского района общей площадью 110 га (о нем будет более подробный рассказ ниже); строительство второго парка в Московском районе, южнее Дома Советов (около 130 га); создание большого, шириной около 120 метров, бульвара, идущего вдоль Сызранской улицы через общегородской центр и соединяющего два вышеназванных парка; постройка сквера у Дома Советов, а также проведение подготовительных инженерных мероприятий, связанных с освоением территории Приморского паркового массива. Намечалось создание зеленых защитных полос у северной границы Кировского завода и между железнодорожной веткой и жилыми кварталами Щемиловки. Предстояла реконструкция Шереметьевского, Куракинского, Удельнинского парков, создание Приневского лесопарка, площадью более 600 га.

Значительное развитие южных районов города требовало усиле-

Проект кинотеатра в Нарвском районе Ленинграда. Арх. Хиддекель

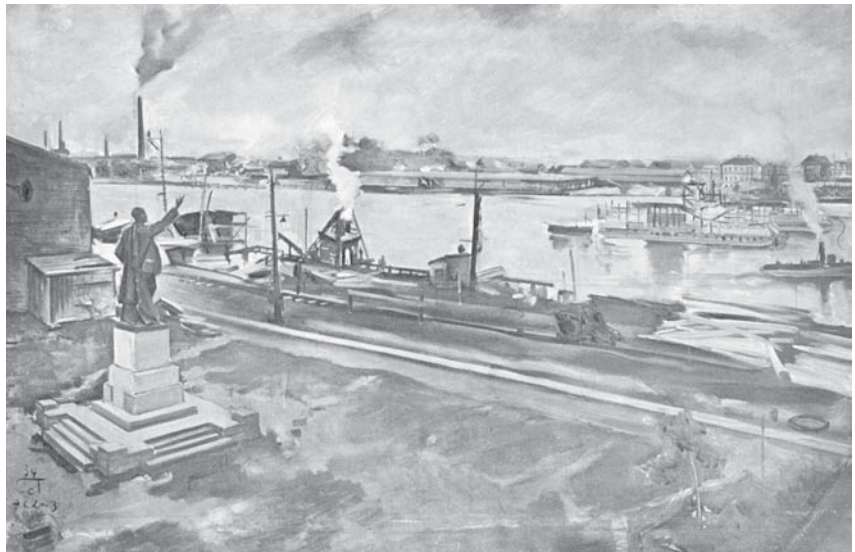
ния их связи с северными районами, а также создания взаимной связи по экваториальному направлению. Московский проспект, единственная транспортная артерия, соединяющая Московский район с севером, должен был быть дополнен Лиговской улицей, которая должна была быть пробита с севера на юг параллельно Московскому проспекту к району Дома Советов.

Кировский район и жилмассив Автово, имевшие в то время единственную, очень напряженную в транспортном отношении связь с центральными районами по улице Стачек, должны были получить дополнительный второй выход на север по проектируемой так называемой первой параллельной магистрали.

Связь Володарского района в меридиональном направлении усиливалась пробивкой к Обводному каналу (у Атаманского моста) магистрали, параллельной Шлиссельбургскому проспекту.

Для улучшения связи западных и восточных районов города намеревались расширить Краснокабакское шоссе, построить проезжую часть центральной дуговой магистрали от Московского шоссе до Володарского моста, реконструировать южную набережную Обводного канала и правый берег р. Фонтанки. Однако прокладка новых магистралей и реконструкция старых еще не решали транспортную проблему. Бесперебойную и удобную связь затрудняли многочисленные железнодорожные линии и водные преграды. Поэтому намечалось строительство ряда мостов, которые должны были «поднять» Лиговскую улицу над Витебской, улицу Стачек над Автовской, Шлиссельбургский проспект – над Калашниковской железнодорожными ветками. Старый железнодорожный мост, пересекающий Московский проспект у завода «Электросила», планировалось заменить новым.

Район Малой Охты соединялся со Смольнинским районом проектируемым Старо-Невским мостом. Одновременно с сооружением этого моста должен был вестись комплекс работ по «благоустройству» бывшей Александро-Невской лавры. На месте существо-

Строительство Володарского моста. Худ. С. А. Павлов

вавших зерновых складов намечалась бульварная полоса, а само кладбище (кроме некрополей) собирались превратить в районный парк культуры и отдыха.

Деревянный мост Строителей через Малую Неву должен был быть заменен металлическим. Предстояли большие работы по сооружению набережных на правом берегу Невы, в первую очередь между Финляндским и Охтинским мостами.

Большое внимание в плане уделялось благоустройству и санитарно-гигиеническому состоянию новых районов: наряду с прокладкой водопровода и канализации намечалось соорудить сборные канализационные коллекторы на правом берегу р. Фонтанки, закончить строительство сборного коллектора на северном берегу Обводного канала и т. п.

Окончание строительства Южной водопроводной станции, постройка Московской, Волковской и ряда других подстанций позволило бы поднять напор в водопроводной сети и значительно увеличить общее потребление воды.

Наряду с застройкой новых районов должны были вестись работы и на магистралях старой части города (в основном на магистралях, идущих в направлении новых жилых массивов). В первую

очередь это относится к Московскому проспекту. Предполагалось завершение реконструкции Сенной и Обуховской площадей. Практика надстройки зданий, ранее распространенная по всему городу, теперь сосредотачивалась на Московском и Шлиссельбургском проспектах, на проспекте Газа, Лиговской улице и улице Стачек (в частности, предполагалось надстроить дома на прилегающих к улице Стачек Балтийской и Тракторной улицах. К счастью, это не было осуществлено, и этот замечательный памятник эпохи конструктивизма – первенец советского жилищного строительства – сохранился до наших дней в первоизданном виде).

Реализация этого плана была прервана Великой Отечественной войной. После войны ввиду тех огромных материальных потерь, которые понесла вся страна и Ленинград в частности, осуществление такого масштабного плана стало нереальным. Поэтому в 1948 году был принят (а в 1951 году откорректирован) новый генеральный план развития города, согласный которому Ленинград должен был развиваться равномерно на всех направлениях. От идеи создания нового центра города на южных территориях решено было отказаться.

¹ Генеральный план развития Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1941. № 1. С. 2.

² Там же.

³ Суздалева Т. Э. К истории проектирования жилой застройки Ленинграда 1930-х гг. // Санкт-Петербург. Проблемы синтеза искусства и архитектуры. Л., 1981.

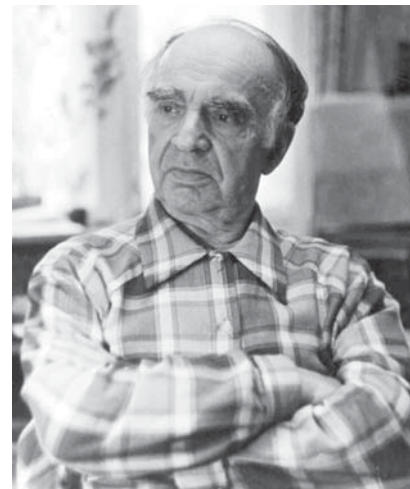

А. В. Помарнацкий

Предлагаемые читателю мемуарные очерки входят в большой цикл исторической прозы под названием «Русские и семейные хроники».

Их автор — Андрей Валентинович Помарнацкий, на самом деле Пац-Помарнацкий (1903–1981), искусствовед и историк, широко эрудированный человек и прекрасный рассказчик, коренной петербуржец, принадлежавший к роду потомственных дворян.

А. В. Помарнацкий долгое время работал в Гатчинском дворце-музее и Государственном Эрмитаже. Андрей Валентинович — автор ряда известных книг, среди которых «Путеводитель по Гатчинскому дворцу и парку» (1940), «Портреты Суворова» (1963), «Суворов и его современники» (в соавторстве с В. П. Никифоровым, 1964), «Военная галерея Зимнего дворца»

А. В. Помарнацкий.
1964 г.

(в соавторстве с В. М. Глинкой, 1963, 1974 и 1981). «Он был строг, требователен, работа с ним — вечный экзамен», писала о нем Э. Гончарова в статье «Приют отшельника на Неве».

Андрей Валентинович писал упомянутые выше хроники, по-видимому, не очень надеясь на их издание. В текстах заметна его склонность к художественным обобщениям описываемых фактов. Поэтому истории, вошедшие в хроники и касающиеся далекого прошлого, очень часто характеризуют и то время, в которое он их записал.

Фрагменты из цикла «Русские и семейные хроники»

Из рассказов М. П. Араповой, правнучки Н. Н. Пушкиной

А. В. Помарнацкий

1. Преступление и наказание

Когда мне было шесть лет, меня начали учить английскому языку, и к нам на дом стала ходить англичанка. Мне это не нравилось, так как я считала, что хватит русского и французского, и ни к чему ломать язык еще на какой-то английский манер. Вот из-за этого моего настроения все и получилось.

Теперь столы у нас узкие, не то, что раньше, только чтобы тарелки поставить, хлеб да соль с горчицей, а тогда всякую всячину ставили на стол — пирожки, гренки, я их очень любила, соусники, то да се, так что

столы были у всех широкие, да еще скатерти длинные, почти до полу, они меня и попутали, ввели в грех.

Однажды я услышала, что пришла моя miss, да скорее и шмыг под стол, меня и не видно совсем, звали меня, звали, да так и не дозволилась — я сажу там, притаилась и веселилась про себя.

Ну, а потом стало уже совсем не весело. Приехал папа* из полка,

ему доложили про мою проделку, а он хоть и был очень добрый, но тут страшно на меня рассердился, спустил с меня штанишки и предельно отшлепал по попе линейкой, так что я ревмя редела, а он еще поднес меня к зеркалу, показал мне мою попку и говорит: «Посмотри на свою m-me Сижу... И тебе не жалко ее? А ей за тебя стыдно, смотри какая она красная».

* Генерал-лейтенант Петр Иванович Арапов (1871–1930) служил в Кавалергардском полку, в 1912–1914 гг. командовал лейб-гвардии Кирасирским его величества полком, во время Первой мировой войны — командир бригады кавалерийской дивизии (Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М., 2004. С. 23). — *Ред.*

Но это еще что, самое скверное было то, что папа в полку рассказал об этом приключении старому князю Юсупову, он тогда не то полком, не то бригадой командовал, теперь я уже не припомню, а я его очень боялась, потому что знала, что он и князь, и граф в одно и то же время.

Вечером мама взяла меня с собой покататься по набережной, а нам навстречу едет Юсупов, верхом. Он подъехал к нашему экипажу, поцеловал маме руку, а потом и говорит мне: «Что я слышал, Марочка? Говорят, пришлось тебя отшлепать за нарушение дисциплины? Ну, ничего, по одному разу со всеми случается, а больше, я уверен, этого с тобой никогда не будет».

А на другой день приехал от него денщик и отдал мне в руки подарок – большую коробку шоколадных конфет, которые я сколько хотела, столько и ела, так что мне вся эта история очень запомнилась.

2. Псковские драгуны

Из кавалергардов папу перевели в Сувалки, командовать псковскими драгунами. Мы все тоже туда перебрались. Помню, что и мама, и мы, дети, просто ревели, потому что Сувалки оказались грязной дырой, а полк, хоть он и считался «лейб» и «марш», у них был тот же, что у кавалергардов, был такой, что папа сначала говорил, что хоть в петлю полезай.

Что там делалось – мордобой, солдаты жалкие, малорослые, после кавалергардов – просто подростки какие-то, поляки, евреи, еще какие-то. Трех офицеров папа сразу же выгнал за мордобой.

Псковскими драгунами он командовал года два, а потом государь произвел его в генерал-майоры, назначил командовать синими кирасирами, и мы стали собираться переезжать в Гатчину.

Солдаты плакали, провожая папу, так они его полюбили. Ему поднесли семь икон – от каждого эскадрона и от нестроевой команды. Офицеры несли его от полкового собрания до вокзала на руках, на каких-то оглоблях с вальтрапами, а солдаты стояли шпалерами и примыкали к шествию, как к крес-

тному ходу, так что папа потом говорил, что он уже начал чувствовать себя чудотворной иконой.

Потом к нему часто, в Гатчине, являлись солдаты, отставные, и кавалергарды, и псковские драгуны.

А Гатчина нас сразу же очаровала. Помните, как начинался учебник Закона Божьего, первая его фраза: «Рай был прекрасный сад на востоке». Так вот и Гатчина со своими парками показалась нам после Сувалок просто раем.

3. Визит царицы

Императрица Мария Федоровна любила папу. В день Петра и Павла были его именины, и в тринадцатом году, когда он уже командовал кирасирами и мы все жили в Гатчине, она пришла к нам домой поздравить его с днем ангела.

У нас с утра толклись кирасиры, бывшие папины сослуживцы, приехавшие поздравить его с именинами из Петербурга. Было уже выпито несколько бутылок шампанского и все были очень веселые. Мне тогда было уже тринадцать лет, и потому я тоже тут вертелась. Помню, что мне очень понравился один из смешных подарков, которые они привезли папе, – пепельница в виде ночного горшка, с какой-то надписью, конечно, немецкой. Вдруг вбежал денщик и кричит: «Ее величество идет».

Дом командира полка, в котором мы жили, очень красивый, с колоннами, стоял на холме, фасадом он выходил на проспект Павла I, а с другой стороны смотрел на Черное озеро и Приорат. Прямо против нашего дома, по ту сторону проспекта, были Адмиралтейские ворота царского парка, и императрица пришла к нам из дворца пешком, через парк, без всякой свиты, вдвоем со старой герцогиней Эдинбургской, своей золовкой, дочерью Александра II.

Папа побежал в прихожую им навстречу, а кавалергарды быстро убрали бутылки, пепельницу накрыли чьей-то фуражкой и встали по стойке смирно. Я тоже вытянулась, а уже потом сделала книксен.

Когда гости вошли, они со всеми поздоровались, так что был небольшой *baise main*, а меня и царица, и герцогиня поцеловали в щеку.

После поздравлений они пожелали выпить по чашечке кофе. Мария Федоровна, выпив, улыбнулась маме, а Эдинбургская сказала: «Tuis bon».

Это в последний раз, что я видела императрицу, через год началась война, и папа ушел с кирасирами на фронт.

4. Бегство и возвращение

Летом 1919 года, во время наступления белых на Петроград, когда начались у нас массовые расстрелы, в целях оздоровления, как тогда говорили, тыла Красной армии, нас предупредили, что ночью нас всех тоже арестуют. Что будет дальше – гадать не нужно было, так как списки, кого пускать налево, составлялись заранее, а других тогда и не брали.

Надо было немедленно бежать в Петроград, так как там, наверное, нас в списках не было, но билеты на вокзал без пропусков не продавались.

Помог Володя Збышевский. Он работал на железной дороге, где давали хорошие пайки, а ко мне он в то время неровно дышал и все приходил с розами из их сада. Отец его был синий кирасир, он погиб на фронте во время конной атаки.

Володя достал всем нам пропуска, и мы в тот же вечер в чем были, без всякого багажа, потому что это вызвало бы подозрения, уехал в Петроград.

Вернулись мы в Гатчину в двадцать четвертом году, когда гражданская война закончилась.

В Петрограде папу все-таки тоже посадили, по доносу соседей, но так как в списках его не было, то следователь на Шпалерной выпустил его на волю и сказал: «В Петрограде вы можете жить спокойно, а в Гатчине – власть на местах, туда вам возвращаться нельзя».

Наша m-me осталась в Гатчине, она была французская подданная и ничего не боялась. Наши дома на проспекте она взяла в аренду. Потом два дома она отдала в ЖАКТ, а один остался у нас. За домом был большой участок земли, в сторону Зверинца.

Папа, вернувшись в Гатчину, стал работать счетоводом в Молокосоюзе, а мы с мамой ходили за коровой, у нас было 30 кур, сажа-

ли капусту, картошку, сельдерей, косили сено для Зорьки, на которой извозничал Ванечка. Словом, жили натуральным хозяйством, и были тогда очень довольны, что не бежали в восемнадцатом году на Дон, куда нас звали гвардейские казаки, которыми папа командовал на фронте до того, как его тяжело контузило и он уже не мог больше воевать.

5. Слесарша

В тридцать втором я поступила на граммофонную фабрику, которая была на Большом проспекте, почти против нашего дома. Я пыталась пойти туда работать и раньше, но мне сказали: «Вы ведь дочь генерала? Мы не можем вас взять».

Потом меня взяли благодаря тому, что Ванечка подрядился у них возить материалы на своей тачке, а когда Зорьку пришлось продать из-за налогов, он остался у них работать грузчиком, а потом окончил курсы Автотора и стал у них шофером.

Сначала меня послали в футлярный цех, самый простой, но потом, когда присмотрелась, перевели в кладовщицы. Номенклатуру я освоила очень быстро, так что сразу, на глаз, определяла номера лекал, рашпилей, болтов и гаек, и меня сделали слесарем-инструментальщиком 5-го разряда.

Когда я познакомилась со своим будущим мужем, мы стали вместе ходить по театрам, концертам, музеям, и я скоро совсем переехала в Ленинград. Варюша Епанчина, работавшая в библиотеке Политехнического института, устроила туда же и меня. В Ленинграде родился Саша, и оттуда же меня отправили в ссылку, в Сибирь.

22.IX.73

7. IV/78. ЕФ.

Свободное суждение

Праправнучка пушкинского Арапа Вера Каэтановна Ганнибал скончалась года три тому назад. Она походила на нашего великого поэта курчавостью волос, давно уже побелевших, большими белками, живостью взгляда и толстыми губами, но не очень, кажется, увлекалась его стихами и предпочитала

им французские романы, за которыми и поднималась ко мне на третий этаж, благо жила на той же лестнице, на первом этаже.

Не раз мне довелось слышать от нее ловко рассказанные истории про Ганнибалов, дальних и близких ее предков, про их любовные приключения и гусарские шалости.

О поэте она речь не заводила, так как, по ее словам, его замусолили и он стал такой великий, что ничего про него и не скажешь.

А вообще-то говоря, сказала она однажды, поэт он, может быть, и великий, им виднее, это, наверное, так, а вот в жизни он был пустельга, ветрогон, поставить себя не умел, положиться на него тоже ни в чем было нельзя.

– Мы, Ганнибалы, – закончила она краткую свою о нем сентенцию, – всерьез его никогда не принимали.

Признаться, меня восхитила в почтенной старушке эта милая арапская непосредственность, эта драгоценная способность говорить без оглядки и пожеваний то, что думаешь, – черта, присущая гению, но одна она, увы, гения еще не делающая.

1967

7.IV.78. ЕФ.

ДВОРЦОВЫЙ КОМЕНДАНТ, ПОЭТ И ХАМЫ

I.

Из записей поэта (1917)

Лето и осень 1917 года Александр Александрович Блок проработал редактором в Чрезвычайной комиссии, учрежденной сразу же по свержении самодержавия для расследования противозаконных действий бывших сановников.

Как известно, поэт не любил гвардию. Вот какую характеристику дал он бывшему командиру лейб-гвардии гусарского его величества полка, а затем дворцовому коменданту свиты его величества генерал-майору Владимиру Николаевичу Воейкову: «Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что неспособен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что

интересует спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что-либо не способен.

При всем том допрос его представляет большой интерес. Сам того не сознавая, он рассыпает перлы, которые лет через сто, а может быть, и раньше, будут драгоценны для потомства».

II.

Из застольной беседы с á devant гвардии пехотным капитаном.

Пили «Горный Дубняк» и «Московскую» (1966)

– Гусары? Не знаю, мой дорогой, – тон у них дешевый, ухарский. Я, по крайней мере, не встречал ни одного, чтобы был comme il faut. А уж наши, гвардейские, это и совсем не серьезно, а entre nous soit dit – просто хамы.

– Когда государь назначил к ним в Царское Село командовать Воейкова, тот в ужас пришел. Воейков был кавалергард, женат на дочке Фредерикса, министра двора, воспитанный человек, а тут черт его знает, что такое. Разговоры за столом – невозможные: про каких-то сомнительных дам, похождения, и все это на таком argo, что Воейков слушал, слушал, да и не выдержал, вышел вон из Собранин.

– Мне про это Левашев рассказывал, старший ихний полковник, и рассказывал, заметьте, в том смысле, какой, мол, Воейков чудак, в чужой монастырь со своим уставом: «Не-е-ет, батенька, мы, гусары, а не эти придворные шаркуны, у нас, ежели пришел, так будь ласков, а не нравится – тебя не держат».

– Это, извольте заметить, Левашев мне повествует про Воейкова: «Он и в манеже у нас поначалу тоже морщился. Офицерская езда бывала по утрам, после завтрака. Господа офицеры закусят плотно, сядут по коням и, понятно, ветры низко пускают. Ну и кони, овса покушавши, понятное дело, то же... Так что ж тут такого? Это натурально. Неужто уж и в этом себя ограничивать? В манеже ведь, не в дамском будуаре, так тоже, видите ли, не понравилось. Все ширлих-манирлих... Интересно, как они у себя там, в кавалергардии, в этом смысле устраивались...»

– Вот видите, дорогой мой, – заключил свой рассказ пехотный капитан, – как это все трактовалось, и ведь не собьешь, на том стояли. Вот вам полк – и дорогой, и на виду, а манеры, изволите видеть, – о-ч-ч-е-нь сомнительные...

Нам представляется, что обобщенная характеристика свиты Е.В. генерал-майора Воейкова, данная ему поэтом, хорошо ложится рядом с занятным анекдотом об утренней езде господ офицеров в манеже лейб-гвардии гусарского полка, так живо воссоздающим перед нами безмятежную казарменную идиллию в канун великих перестановок, а анекдот этот, в свой черед, как нельзя лучше смотрится в свете характеристики Воейкова, начертанной мастерским пером прославленного, но, порою, излишне взыскательного поэта.

26.IX.66
24.VIII.72

10.IV.78. ЕФ.

Закуска

Однажды Куприн записал, что, как известно, случалось с ним не раз.

Переходя с места на место, он оказался, наконец, в одном из столичных публичных домов, где сильно задолжал, главным образом за водку и за пиво, и потому был подвергнут владельцем или владельцем этого учреждения домашнему аресту, вплоть до погашения накопившегося долга.

Между тем пребывание в этом злачном месте ему уже наскучило, а друзья все не приходили к нему на помощь. Однажды попала ему на глаза газета, которые выписывают и подобные этому заведения, и он узнал из нее, что страна праздновала в этот день тезоименитство своего монарха.

Пробудилась ли в нем тоска по широкой жизни, которая последние дни явно шла мимо него, проснулась ли влюбленность в царя времен его пребывания в стенах кадетского корпуса и юнкерского училища, или же им владел дух пьяного озорства – судить не беремся, но только он тут же потребовал перо, чернила и бумагу, составил текст телеграммы и велел тотчас же ее отправить: «Здесь. Зимний дворец. Государю-императору. Как истый патриот осмели-

ваюсь принести к стопам вашего величества свои искреннейшие поздравления со священным днем тезоименитства и свою готовность служить Родине и ее царю пером и шпагой. Вашего величества верный подданный поручик запаса и литератор А. Куприн».

Телеграмму доложил государю. Государь изволил сказать: «Он красиво пишет. Что он нынче делает?». – «Пьет, ваше величество», – с сокрушением доложило докладывавшее лицо. – «А он закусьвает?» – спросил государь. – «Не могу знать, ваше величество». – «Узнайте, прошу вас, и передайте ему от моего имени, чтобы закусьвал. Это очень важно».

Этот эпизод характерен, как кажется, в том смысле, что показывает, что и в старое время лица, стоявшие на самых высоких ступенях социальной лестницы, уделяли вопросам литературы большое внимание и в меру своего понимания старались направить ее развитие по правильному пути.

1970

11.IV.78. ЕФ.

«Города великого гонимы» в Прикамье.

Из истории эвакуации. 1941–1945 годы

Е. Е. Боброва

Знамен не опустившие бойцы,
Своим исконным
мужеством богаты.
Мы – беженцы? Нет, нет!
Мы делегаты.
Мы города великого гонимы,
– так писал А. А. д’Актиль в своем стихотворении «Ленинградцы», опубликованном 12 марта 1942 года в молотовской областной газете «Звезда». Поэт прибыл в Молотов* в эвакуацию из осажденного Ленинграда и нашел здесь свое последнее пристанище. Автор «Марша энтузиастов», «Марша Буденного», «Парохода», ряда песен, ставших советской классикой, был похоронен на Егосихинском кладбище и удостоился надгробия из серого камня в форме «аналоя» с рельефным изображением лежащего на нем раскрытого Евангелия. Несмотря на непродолжительное пребывание в Прикамье, д’Актиль успел поработать для местной художественной мастерской «Окна ТАСС» по выпуску агитационной продукции, активно публиковал в «Звезде» патриотические стихи и антигитлеровские пародии, находя темы для них в сводках Совинформбюро¹.

В Молотове и Молотовской области в годы Великой Отечественной войны жили эвакуированные с берегов Невы представители разных творческих профессий: писатели и сценаристы, музыканты, художники, музейные работники, артисты Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова.

Писатель А. А. Каверин 12 августа 1983 года в письме, адресованном пермскому краеведу В. С. Колбасу, вспоминал: «В Перми, куда я приехал в отпуск сперва из блокад-

ного Ленинграда, потом – с Северного флота, было, помнится, очень много писателей, художников и композиторов. Из ленинградцев там жил сперва в «семиэтажке», потом в военном госпитале Юрий Тынянов, уже тогда тяжело больной и отправленный по распоряжению правительства в 1943 году в Кремлевскую больницу из Перми. Жили ленинградские писатели Слонимский, Благинина, Козаков, Розенфельд (тоже в «семиэтажке»). В отдельной квартире – не помню где – жил Михаил Ботвинник с женой, балериной Кировского театра, писатель Меттнер². «Семиэтажкой» все называли гостиницу «Центральная» в Молотове, которая была построена в 1930–1933 годах по проекту архитектора Ф. Е. Морозова. Здесь, кстати, жил и А. А. д’Актиль с семьей. По мнению Каверина, эта самая «семиэтажка» в жизни эвакуированных «сыграла огромную роль – крыши над головой во время большого шторма».

«Жители Перми, – писал Каверин, – относились к эвакуиро-

ванным с неизменным сочувствием, вниманием и стремились помочь им во всем, начиная с питания и кончая одеждой». Был организован Литфонд, помогавший писателям получать ссуды, решать бытовые проблемы. Для детей эвакуированных литераторов был устроен лагерь в деревне Черной, в двух часах езды от Молотова³. Редактором, затем директором Молотовского книжного издательства с конца 1940 года до середины 1944 года работал А. Н. Спешиллов. В его личном архиве, материалы которого находятся в собрании Пермского областного краеведческого музея (ПОКМ), сохранились личные листки по учету кадров, заполненные рукой С. Е. Розенфельда, Е. Д. Люфанова, С. С. Данилова, И. В. Луковского, А. А. д’Актиля, ведомости на получение семян огородных растений и распоряжения уполномоченного Литфонда на выдачу вина для писателей⁴. Сохранился протокол творческого вечера В. А. Каверина, состоявшегося в Молотове 21 ноября 1942

Гостиница «Центральная» («семиэтажка»). Середина 1930-х гг.

* В 1940–1957 гг. город Пермь назывался Молотовым.

года. Писатель читал свои рассказы «Друг», «Любовь», «Русский мальчик», «Девушка на флоте».

Приезд и пребывание в Молотове именитых писателей, несомненно, изменили литературную жизнь края, значительно повлияв на культурный ландшафт в целом. С осени 1941 года в Прикамье проводились тематические вечера, призванные популяризировать произведения русской классической и советской литературы. Причем организация литературных вечеров стимулировала появление новых литературных произведений, с которыми выступали сами авторы. Так, для программы «Дружба и товарищество» М. Л. Слонимский написал рассказ «Неизвестный друг»⁵.

26 февраля 1942 года в газете «Звезда» под заголовком «Создадим книги, зовущие к борьбе» появилось коллективное письмо, подписанное группой писателей, среди которых ленинградцы А. А. д'Актиль, М. Э. Козаков, В. А. Каверин, Ю. Н. Тынянов, М. Л. Слонимский, С. Е. Розенфельд. Они писали: «Наше оружие – перо. Но в любой час, если понадобится, мы готовы сменить его на боевое оружие и сражаться вместе с передовыми частями на фронте, истреблять врага без пощады». Не обошлось, конечно, и без славословия в адрес мудрых полководцев и «величайшего человека нашей эпохи – Сталина». Однако существовали определенные сложности во взаимоотношениях «инженеров человеческих душ» и общественности. В апреле 1943 года вышло постановление ЦК ВКП(б) о работе Молотовского книжного издательства, которое, по мнению ЦК, лишь «разбазаривало бумагу на выпуск бессодержательных книг»⁶. Такой резкой критике в числе других подверглись повести С. Е. Розенфельда «Гунны» и М. Л. Слонимского «Председатель горсовета». Слонимский, в частности, обвинялся в плохом знании уральского края и в создании нелепых и надуманных образов советских людей. Руководители издательства были сняты с работы, а у «провинившихся» авторов на некоторое время возникли проблемы с публикацией произведений.

Своего рода ответом на критику можно считать проведение в июне 1943 года в Молотове межоб-

ластной научно-практической конференции, посвященной теме «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», в которой принимали участие ученые и писатели, представлявшие Молотов, Свердловск, Челябинск, Москву, Ленинград и Киев. Конференция отметила, что «старинная гордая слава Урала воскресла в произведениях уральского сказочника П. Бажова, сказках И. Карнауковой, рассказах и очерках М. Шагинян, А. Карнауковой, М. Слонимского, Ф. Гладкова и др.»⁷. За время пребывания на пермской земле ленинградцы создали целый ряд замечательных произведений. Здесь появились главы второй книги романа В. А. Каверина «Два капитана», был написан последний рассказ Ю. Н. Тынянова «Гражданин Очер». Именно в Молотове увидела свет знаменитая повесть «Спутники» уроженки Ростова-на-Дону, ставшей после войны ленинградкой, В. Ф. Пановой.

Ленинградских служителей Терпсихоры Молотов поначалу встретил не слишком приветливо: в августе 1941 года город буквально задыхался от ежедневно прибывавших эшелонов с эвакуированными людьми, промышленным оборудованием, и горожане были озабочены, в первую очередь, решением чисто бытовых проблем. Приютила артистов все та же «семизатка» – обитель муз. Первыми спектаклями, сыгранными ленинградцами 13 и 14 сентября, стали опера «Иван Сусанин» и балет «Лебединое озеро». Народный артист СССР К. М. Сергеев вспоминал впоследствии: «...мы танцевали с Н. Дудинской. Поначалу спектакль принимали сдержанно... Зритель оказался плохо подготовленным к восприятию балетного зрелища. Нам его пришлось завоевывать, и успехов на этом трудном пути мы добились не сразу»⁸.

Пребывание прославленного театра в Прикамье – яркая страница в его истории. В эвакуации театром было создано 14 новых концертных программ, осуществлены премьерные постановки оперы «Емельян Пугачев» и балета «Гаянэ», дано более тысячи спектаклей. Был возобновлен один из лучших балетов русской классики «Спящая красавица». В самые тяжелые

дни осени и зимы 1942 года трудовому коллективу театра пришлось на своих плечах перенести более трех тысяч кубометров дров, более ста тонн картофеля для нужд театра и города⁹.

Вместе с театром в Молотов приехали учащиеся 8–10-х классов Ленинградского хореографического училища, а в октябре 1941 года к ним присоединились и младшие классы. Сначала училище располагалось в четырех небольших домах в поселке Полазна в 45 км от Молотова¹⁰. Учеба проходила в местной сельской школе во вторую смену; специально оборудованные помещения для профессиональных занятий отсутствовали. Регулярного сообщения между областным центром и Полазной не существовало, а потому срывались поставки продуктов, занятия, ведь многие педагоги были ведущими артистами театра, и выезд на урок без уверенности в своевременном возвращении не всегда представлялся возможным. В 1942 году младшие классы перевели в Нижнюю Курью, дачное место на берегу Камы, где сам воздух соснового леса благотворно влиял на ослабленное здоровье детей, а старшеклассники занимались в Молотове в доме на улице Луначарского, где, как считается, когда-то останавливался А. П. Чехов. 1 сентября 1943 года Ленинградское хореографическое училище открыло в Молотове свое отделение. Так было положено начало пермской балетной школе, хорошо известной сегодня далеко за пределами России.

Приютила Молотовская область и бесценные музейные сокровища. Поздней осенью 1941 года около десяти тысяч предметов из коллекции Государственного Русского музея были размещены в залах Молотовской художественной галереи, отданных под хранилища. Галерея для посетителей была полностью закрыта. Так как в городе ощущалась острая нехватка помещений и жилья для эвакуированных, часть коллекций Русского музея, также, впрочем, как и коллекции московских музеев – Государственного музея восточных культур, Государственного театрального музея им. Бахрушина, Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина,

музея-усадьбы «Кусково», Краснодарского художественного музея – отправились в Соликамск¹¹.

Присутствие в Молотове коллектива Русского музея оказалось весьма полезным для научной, хранительской и выставочной деятельности сотрудников местной галереи. Как отмечал исполнявший в 1941–1945 годах обязанности директора Русского музея П. К. Балтун, помощь выражалась в различной форме: реставрация отдельных памятников искусства, консультации при проведении каталогизации, определение и датировка произведений¹². Своим эвакуированным землякам-ленинградцам сотрудники Русского музея тоже помогали: в связи с подготовкой постановки оперы «Емельян Пугачев», осуществленной 7 июля 1942 года труппой Ленинградского театра, художник-постановщик Ф. Ф. Федоровский получил возможность познакомиться с рядом произведений русского искусства XVIII века¹³.

Летом 1942 года в Соликамске была организована выставка произведений графики на темы из истории ВКП(б), представившая 140 произведений 84 художников. В январе 1943 года Русский музей выступил инициатором подготовки выставки «Образ Ленина в изобразительном искусстве», состоявшей в основном из произведений И. И. Бродского*.

Наряду с такими идеологическими выверенными вернисажами летом-осенью 1944 года в залах Молотовского краеведческого музея

Молотовская художественная галерея и областной краеведческий музей.
Конец 1940-х гг.

вниманию публики были предложены произведения художников М. В. Нестерова и И. Е. Репина из собрания Русского музея, доселе знакомые пермякам лишь по репродукциям. Недоверчивые зрители даже пытались спорить с музейщиками по поводу подлинности выставленных полотен и высказывали мнение, что «настоящие» картины остались в Ленинграде.

Особый след в воспоминаниях жителей Молотова оставила выставка «Ленинград в дни блокады», открытая в годовщину начала войны, 22 июня 1943 года, в краеведческом музее¹⁴. Впервые экспонаты

этой выставки были представлены летом 1942 года в здании Ленинградского отделения Союза художников. В живописных, графических, скульптурных произведениях Я. С. Николаева, В. В. Пакулина, И. А. Серебряного, А. Ф. Пахомова, Н. И. Дормидонтова, Н. А. Павлова, В. Пинчука и других без прикрас предстала жизнь Ленинграда. Затем выставка была переправлена из Ленинграда в Москву и работала в залах Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина, и, наконец, стараниями сотрудников Русского музея ее увидел Молотов.

В молотовской мастерской «Окна ТАСС», ежемесячно выпускавшей не менее десяти красочных плакатов тиражом 200–300 экземпляров, работали ленинградские художники В. М. Орешников и В. А. Оболенский. С успехом прошла в Молотове персональная выставка известного иллюстратора детской книги Ю. А. Васнецова¹⁵.

«Города великого гонимца» – ленинградские литераторы, художники, артисты, музейные работники – за годы, проведенные в Прикамье, оказали значительное влияние на культурный уровень местных читателей и зрителей. В то же время сами они открыли для себя Урал. В. Ф. Панова в 1973 году, обращаясь в Пермское книжное издательство в дни празднования 250-летнего юбилея Перми, сказала: «...я хочу числиться среди тех, для кого близки и любимы пермские улицы, прекрасная Кама, жаркое дыхание заводских труб»¹⁶.

* В феврале 1925 г. И. И. Бродский (1883/84–1939) лично приезжал в Пермь, чтобы продемонстрировать жителям города свою картину «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна» и подготовительные рисунки к ней.

¹ Колбас В. С. Страницы жизни поэта А. А. д'Актиля. Пермь, 1993. С. 7.

² Колбас В. С. «Во времена бешеного шторма...» (Вениамин Каверин и Пермь) // Бессмертный подвиг народа: Тез. докл. и выступлений науч.-практ. конф. Пермь, 2000. С. 94.

³ Пермь от основания до наших дней: Ист. очерки. Пермь, 2000. С. 252.

⁴ ПОКМ. Фонд Шпешилова А. Н. (1744). № 20406/22–25, 29, НВ 5710/47, 50–62.

⁵ Дементьев Б. П. Прикамье в условиях Великой Отечественной войны // Страницы прошлого: Избр. материалы краев. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 134.

⁶ Цит. по: Унгвицкий В. Н. Писатели Урала в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Пермь, 1990. С. 77.

⁷ Там же.

⁸ Коробков С. Н. Путь в большой балет. Семь уроков в Пермском хореографическом училище. Пермь, 1989. С. 12.

⁹ Стецура Ю. Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх. Пермь, 1997. С. 66.

¹⁰ Мишланова Л. В. Ленинградская грамота (Б. Н. Назаровский) // Бессмертный подвиг... С. 97.

¹¹ Балтун П. К. Русский музей – эвакуация, блокада, восстановление: (Из воспоминаний музейного работника). М., 1981. С. 48.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ Будрина А. Бесценный клад с берегов Невы // Вечерняя Пермь. 1984. 17 февр.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Пермь от основания до наших дней... С. 252.

Каменный Нос — Старая и Новая Деревни у Черной речки

**Е. Л. Александрова,
В. М. Федоров**

В новгородское время берега Черной речки были сплошь покрыты зарослями леса. Только вдоль дороги, идущей по правому берегу Большой Невки к Ниеншанцу, располагались небольшие деревеньки: Торска — на современной Выборгской стороне, Вехари — около Головинского моста и Кийкова (или Кийскала) — на территории современного Строгановского сада.

В 1720-е годы юго-западная окраина Выборгской стороны, называвшаяся мызой Каменный Нос, была пожалована Петром I советнику в делах управления государством и внешней политикой барону А. И. Остерману. «Мыза Остермана» указана на карте Петербургской губернии, составленной в 1741–1742 годах Академией наук. Право «на вечное владение» он получил через 5 лет уже от императрицы Екатерины I. С восшествием на престол дочери Петра Елизаветы Остерман «за многие вины» был приговорен к смертной казни, заменной ссылкой на Урал в Березов, а 22 мая 1746 года последовал указ: «Пожаловали мы отписанную у Андрея Остермана в Ингерманландии приморскую мызу Каменный Нос со крестьяне... со всеми принадлежностями, что владел оно Остерман, нашему канцлеру Алексею Бестужеву-Рюмину... в вечное владение... Елизавет». Остерман и Бестужев-Рюмин переселяли на мызу крепостных из деревень центральной части империи. Переселенцы построили избы, положили начало возникновению деревень Старая, Новая и Коломяги¹. Коренные коломяжцы связывали свое происхождение с поволжскими местами и часть деревни долго еще называли «галицкой».

Возникновение Новой и Старой деревень связано с именем гра-

фа А. П. Бестужева-Рюмина (1693–1766) — канцлера императрицы Елизаветы Петровны. Получив от нее в собственность Каменный остров, он согнал туда в середине XVIII века из своих украинских и белорусских имений крепостных крестьян для возведения дворца и благоустройства территории острова. Ими были построены красивые дачи, проложены каналы для осушения острова, берега которых облицевали известняком и гранитом. Через каналы были перекинута воздушные мостики. Был разбит парадный сад в регулярном стиле и по проекту В. Растрелли сооружен дворец для хозяйина острова и охотничьи домики для гостей. Крепостные селились вблизи Каменного острова по правому берегу Большой Невки, где и возникла в 1742 году на месте старого новгородского, а затем шведского поселения Likanowa Старая деревня, называвшаяся Каменным Носом (на карте Академии наук 1741–1742 годов она входила в состав «мызы Остермана»). Другое название возникшей деревни было «Село графское Бестужево-Рюмино». Очевидно, первоначально деревня называлась Деревней мызы Каменный Нос, а когда в 1747 году прибыла новая партия переселенцев и для них выделили место по течению Большой Невки, возникшая деревня стала называться Новой, а уже существовавшая — Старой. В 1765 году в канцлеровских владениях на Невке было около 3000 человек, в основном строители, мастеровые, резчики по дереву, живописцы. Жители деревень содержали перевозки через Большую Невку, занимались рыболовством и извозом.

На набережной Большой Невки в Старой деревне в 1760-е годы

А. П. Бестужев-Рюмин построил деревянную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (Приморское шоссе, бывшая Благовещенская улица, 79). Тогда мыза приобрела второе название — село Благовещенское. Строительство церкви началось еще в конце 1740-х годов по проекту архитектора П. А. Трезини — сына первого архитектора города Доменико Трезини. Однако арест и ссылка А. П. Бестужева-Рюмина в 1758 году приостановили работы, и строительство было завершено только после его помилования и возвращения в Петербург. Деревянный храм в виде ротонды был возведен к 1762 году, когда и состоялось его первое освящение. Поскольку сооруженная церковь была холодной, через три года началось сооружение теплого придела. В 1770 году он был освящен во имя святого князя Александра Невского. Туда перенесли из домового храма графа иконостас, находившийся прежде в первом (по времени сооружения) Исаакиевском соборе.

12 июня 1803 года храм сгорел от удара молнии (иконостас удалось спасти) и вскоре был восстановлен новым владельцем имения С. Яковлевым. Новую церковь строили с 1805 по 1809 год по проекту архитектора В. О. Мочульского в стиле ампира с тремя приделами. Общая композиция постройки была близка классическим усадебным церквам-ротондам второй половины XVIII века. Завершался храм также ротондой, оформленной тосканской колоннадой, из 12 колонн, между которыми размещались колокола. В церкви находился ампирный красный иконостас, в золоченом напестольном кресте хранились мощи нескольких святых и частица Животворящего

Старая Деревня.
Церковь Благовещения

Креста. В церкви долгое время сохранялся старый колокол с изображением герба и медали, выбитых в честь графа А. П. Бестужева-Рюмина. На колоколе виднелась надпись о том, что его «вылил колокольный мастер Ден. Евдокимов, а украшения и надпись делал крепостной графа Прохор Невзоровский в Санкт-Петербурге в 1765 г.». Однако в 1856 году при переливке этот колокол разбился. Церковь освятили в 1809 году во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Кроме главного придела в ней есть еще придел Александра Невского и святых мучеников Тимофея и Мавры. Недалеко от церкви А. Н. Авдулин в 1818 году поставил придорожную часовню. В праздник Преображения от церкви в Коломяги направлялся крестный ход. После эпидемии холеры в 1848 году вокруг церкви стали проводиться 28 июля, в день Смоленской Богоматери, ежегодные крестные ходы в поминовение умерших от той болезни. В начале 1850-х годов в храме проводились реставрационные работы под руководством архитектора А. И. Кракау, а полстолетия спустя, в 1900 году, гражданский инженер В. К. Теплов пристроил колокольню и ризницу, освященные 25 ноября 1901 года. При храме действовало Общество пособия бедным и детский приют. В самой церкви находились семейные усыпальницы Никитиных и Орловых-Денисовых. К Благовещенской церкви были приписаны

два кладбища: приходское, открытое в 1765 году в полуверсте от нее (в районе современной Дибуновской ул.), и в ограде при церкви – более богатое, содержавшееся на средства зажиточных прихожан. Эти места во время летних прогулок 1833 и 1835 годов посещал А. С. Пушкин, живший на даче неподалеку, на Черной речке. Тогда возникли строки его стихотворения:

*Когда за городом,
задумчив, я брожу
И на публичное кладбище
захожу,
Решетки, столбики,
нарядные гробницы,
Под коими гниют
все мертвецы столицы.
В болоте кое-как
стесненные рядком,
Как гости жадные
за нищенским столом,
Купцов, чиновников
усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи
и в прозе и в стихах...*

Это кладбище было уничтожено в начале 1940-х годов. Храм был закрыт в 1937 году. В 1947 году в связи с расширением Приморского шоссе была снесена колокольня. В 1992 году храм был возвращен православной церкви. В 2003 году он был вновь освящен, и в нем проводятся богослужения.

С кончиной А. П. Бестужева-Рюмина в 1767 году, не имевшего наследников, мыза по линии его жены перешла в род Волконских. Сведения об очередном владельце Коломяг содержатся в документе Санкт-Петербургской палаты гражданского суда. В нем удостоверяется, что «село Благовещенское, Каменный Нос тож, с деревнями Новой, Старой и Коломягами 31 января 1789 г. приобрел по купчей от девицы княжны Анны Алексеевны Волконской уволенный от службы подполковник Сергей Савин сын Яковлев». Сергей Саввич (1763–1818), получив после смерти отца миллионера Саввы Яковлева-Собакина свою долю наследства, вышел в отставку, занялся поставками для армии и, приумножив свой капитал, дослужился до чина действительного статского советника.

На мызе Каменный Нос между деревнями Старой и Новой он по-

строил обширную благоустроенную усадьбу, называвшуюся «мызиным местом», где жил с женою и семью дочерьми, прижитыми до брака и только в 1801 году указом Сената признанными законнорожденными. После смерти родителей для обсуждения наследственных дел собрались семь наследниц: старшая Екатерина, состоявшая в замужестве за генералом А. Н. Авдулиным, пять ее младших сестер-девиц и малолетняя племянница Елизавета Никитина, дочь скончавшейся седьмой сестры Елены. Ее интересы представлял только что овдовевший отец генерал А. П. Никитин. В результате обсуждения наследницы решили сохранить все имущество в нераздельном владении, с правом каждой на 1/7 часть. Наблюдение за имуществом и ведение денежной отчетности поручалось Главному правлению имением и заводами наследниц, которое помещалось в Сибирском доме (Васильевский остров, Волховской пер., 1). Возможность последующего раздела мызы не исключалась. «Побудительные причины» возникли в 1823 году, когда девицы вышли замуж и пожелали иметь свои земельные участки. Приглашенный землемер Н. Катенев разделил на 7 частей территорию мызы и «мызинское место», на котором стояла уже обветшавшая усадьба отца. Каждой части был присвоен номер и наследницы метали жребий. Деревни Новая и Старая достались номерам 1–5 (Сабир, Альбрехт, Шишмаревой 1, Шишмаревой 2 и Манзей, все жены военных), а деревня Коломяги делилась на две половины между номерами 6 и 7. Границей служил ручей Безымянный. Часть 6, северная, досталась Елизавете Никитиной, часть 7-я, южная, Екатерине Авдулиной².

По соседству с бестужевским имением на берегу Большой Невки в XVIII веке возникли дачи графов Головина и Строганова. Еще в 1710 году на мысе у слияния Черной реки с Большой Невкой стояла дача сподвижника Петра I графа Головина. «На месте, где стояла финская деревенька Торки, впоследствии была воздвигнута Головинская дача, принадлежавшая графу Н. И. Головину, сенатору, президенту Главного почтового управления и гофмаршалу при вел. кн. Александре Павло-

виче»³. Он был внуком графа Федора Алексеевича, сподвижника Петра I, вторым удостоившегося звания генерал-адмирала. В начале 1780-х годов граф Г. И. Головкин построил на мысе Большой Невки и Черной речки огромный дом в классическом стиле с обширным садом, оранжереями и теплицами, огородом и питомником садовых растений. В 1802 году мыза вместе с прилегавшим сельцом Никольским, купленная казной (Министерством внутренних дел), была превращена в царскую ферму и вскоре была присоединена к возникшей по соседству Английской ферме Давидсона. Хозяйственные постройки и дом на ферме были сооружены в 1803 году по проекту А. Н. Воронихина ближе к Выборгской дороге, а на месте обветшавшего здания Головинской дачи в 1823–1824 годах архитектор Л. И. Шарлемань построил деревянный двухэтажный жилой дом с четырехколонным ионическим портиком, существующий и поныне (Выборгская наб., 57). В 1820-е годы в здании недолгое время находилась организованная владельцем школа сельского хозяйства и домоводства. В нем проводили летние месяцы великая княгиня Мария Павловна (1825), императрица Мария Федоровна (1827), канцлер В. П. Кочубей (1829), австрийский эрцгерцог со своей свитой (1844), наследник цесаревич Александр Николаевич (1845). В начале 1850-х годов на даче располагалось театральное училище⁴. С 1856 года владельцем дачи стал Опекунский совет Воспитательного дома. К тому времени на 16 десятинах усадебной земли находилось 20 построек: главный корпус с флигелями, службами, оранжереями, парниками, конюшнями. Вокруг построек раскинулся обширный фруктовый сад с огородом и рощей. В парке было 11 мостиков. Содержать все это Воспитательному дому стало со временем не под силу, и в 1865 году территорию по специальному разрешению разделили на 35 участков, которые продали разным лицам. Тогда же там проложили Никольскую (с 1891 года – Головинская, с 1952 года – Лисичанская) улицу.

В начале 1860-х годов жители Черной речки просили передать деревянный головинский дворец под приходскую церковь. Однако

в 1865 году, когда в Ницце скончался наследник престола цесаревич Николай Александрович, они решили возвести каменный храм в память наследника престола. Участок под церковь пожертвовал полковник Н. И. Смирницкий, член строительного комитета. Проект храма в русско-византийском стиле выполнил известный зодчий А. И. Кракау. Храм был заложен в присутствии великого князя Николая Николаевича-старшего 24 июля 1867 года. Освящение храма митрополитом Исидором во имя св. Николая Чудотворца, на строительство которого было потрачено более 100 тыс. рублей, собранных по всей России, состоялось в присутствии императорской семьи 17 августа 1871 года.

Интерьер церкви, по словам современника, «оставлял самое приятное впечатление своими легкими формами и светлой окраской». Нижний ряд окон украшали витражи. Иконостас из цветного мрамора был выполнен скульптором Г. Ботта, подарившим также храму алтарную сень, увенчанную короной и покоившуюся на двух мраморных колоннах, и А. Бариновым. Образа для него были написаны профессором живописи П. Ф. Плешановым. В 1874 году перед храмом открыли бронзовый бюст цесаревича, отлитый по модели скульптора А. М. Опекушина. В 1876 году при церкви было открыто Николаевское православное братство, попечителем которого был князь А. А. Суворов. При братстве существовали богадельня и приют с училищем, здание которого было построено по проекту П. Ю. Сюзора в 1878–1882 годах. В 1930 году церковь Св. Николая Чудотворца была закрыта и вскоре снесена.

Недалеко от Головинской мызы по набережной Большой Невки (д. 81) находилось владение графа Строганова с прекрасной дачей, располагавшейся в огромном парке, раскинувшимся по берегу реки. Первым владельцем той местности, «мерюю по обеим сторонам 120 и поперечнику 97 сажень», был дипломат петровского времени С. В. Рагузинский. По наследству «загородный дом со всяким на том дворе дворовым и хоромным строением и садом» перешел его племяннику М. И. Владиславичу. Эту территорию напротив Ка-

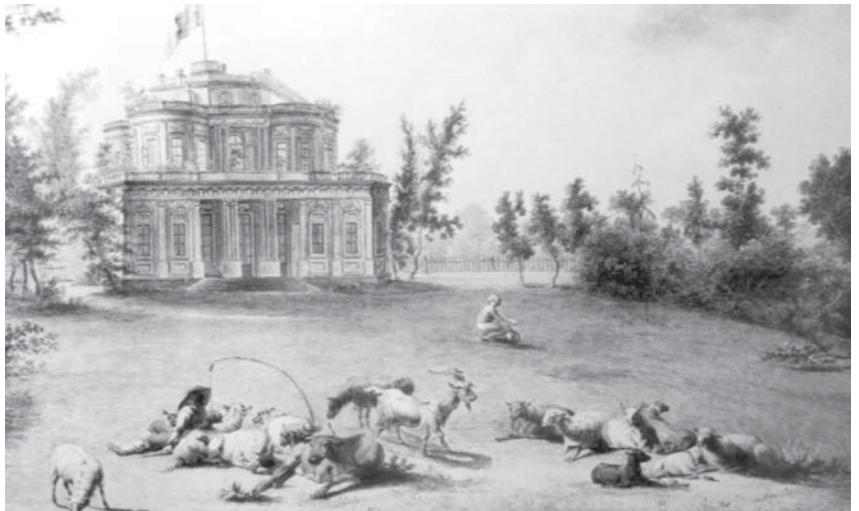
менного острова, «загородный дом, что на Черной речке, на Выборгской стороне», приобрел в 1743 году у иллирийского графа Владислава барон Сергей Григорьевич Строганов и вскоре начал осваивать. В 1754 году в парке по проекту архитектора Антонио Ринальди был построен павильон, напоминавший по форме Каталную горку в Ораниенбауме, возведенную зодчим десятилетием позднее. О завершении строительства дома свидетельствуют объявления, помещенные в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1755 год, где в связи со сдачей внаем помещений говорилось о двухэтажном каменном доме с огородом и садом, а также помещениями для служащих, амбаром и конюшней. Облик этого сооружения сохранили изображения, выполненные в 1790 году художником Ж. Б. де ла Траверсом. Очевидно, тогда же в 1750-е годы А. Ринальди были проведены работы по благоустройству местности: устроен пруд, в центре которого располагалась мраморная скульптура Нептуна, стоявшего на морских конях (гиппокаммах). В настоящее время статуя Нептуна (без коней), напоминающая первоначальный проект В. Растрелли аналогичной скульптуры для Петергофа, исполненный в 1737 году, находится во дворе Строгановского дворца на Мойке⁵.

В 1772 году сын С. Г. Строганова Александр Сергеевич – меценат, отличавшийся благотворительностью и любовью к искусству, назначенный впоследствии императором Павлом I президентом Академии художеств, расширил территорию имения, купив у графа Я. А. Брюса дом около устья Черной речки и соседнюю «мызу Мандарову», принадлежавшую Лунину⁶. Так образовалась Строганова дача, о саде которой в 1793 году писал И. И. Георги: «...тамошний лес превращен в прекрасный сад»⁷. Никаких других сообщений о первых постройках и дворце на мызе, относившихся к тому времени, не сохранилось. Известно только, что все три садовые павильона: грот, хижина на острове и ринальдиевский павильон на берегу Большой Невки, а также статуя Нептуна, стоявшая в центре пруда, находились на одной оси. Летом меж-

ду Строгановской дачей и мысом Каменного острова через Большую Невку наводился наплавной деревянный мост. В других местах реки местные жители и инвалиды Инвалидного дома на Каменном острове устраивали перевозки.

Новые постройки и изменения в планировке парка относятся к середине 1790-х годов, когда вернувшийся из-за границы сын А. С. Строганова Павел женился на Софье Владимировне Голицыной – дочери Н. П. Голицыной, ставшей прообразом «пиковой дамы». Именно ее он имел в виду, когда писал в письме в 1795 году, что «все, кто приезжали ко мне, находят, что усадьба совершенно изменилась. Мне следует благодарить за это мою садовницу». В 1795 году А. С. Строганов построил на берегу Большой Невки для сына и его жены ансамбль из трех павильонов: два небольших одноэтажных домика, а в центре – двухэтажный жилой дом с полукруглым балконом, увенчанный небольшим куполом. В то же время началось строительство на месте ринальдиевого павильона сооружения, известного впоследствии под названием Строгановской дачи.

Дача не сохранилась. Однако о ее облике можно судить по картине А. Н. Воронихина, выполненной в период ее строительства и представленной в совет Академии художеств и принесшей ему звание академика перспективной и миниатюрной живописи, а также по изображениям Патерсена, 1804 год, и рисункам Е. Есакова, исполненным

Ж. Б. де ла Траверс. Дача А. С. Строганова. 1790 г.
Архитектор А. Ринальди. Из альбома Строгановых

в 1810–1824 годах. Она была построена в начале 1790-х годов по проекту Ф. И. Демерцова и затем перестроена в 1795–1796 годах А. Н. Воронихиным. Он только несколько изменил внешний вид возведенной дачи, чем, возможно, усилил эффект, производимый сооружением на современников. Особенно впечатляющим был фасад дачи, выходящий на реку и украшенный колоннадой. От дачи к Большой Невке вела гранитная лестница-спуск, украшенная скульптурами львов и кентавров. Стены первого каменного этажа были прорезаны с обеих сторон тремя высокими проемами арочной формы. Второй этаж был деревянный. В его центральной части располагался зал, ориентированный параллельно на-

Вид Строгановской дачи
в Петербурге.
А. Н. Воронихин. 1797 г.

Е. Есаков. Вид загородного дома графини Софьи Владимировны. 1812 г.
Бумага, акварель. Из альбома С. В. Строгановой

бережной и предназначенный для балов и собраний. Вместо стен зал окружали сплошь остекленные палладианские окна-двери, разделенные колоннами. В левой его части находились хоры для музыкантов. Завершалось сооружение четырьмя фронтонами, над которыми располагался пологий купол с бельведером. Одна из галерей выходила в сад, другая – на набережную Большой Невки. Через центральный зал нижнего этажа, служившего подножием прекрасной колоннады, прообразом которой Ф. И. Демерцову, по видимому, послужила Камеронова галерея в Царском Селе, можно было попасть в роскошно декорированный парк с прудами и каналами,

Е. Есаков. Вид на Круглый пруд со статуей Нептуна и каменный мост в Строгановском саду. 1812 г.

существовавший при даче еще со времен Рагузинского. Очевидно, Строгановы, став владельцами мызы, перепланировали его в модном тогда регулярном стиле. Автор перепланировки неизвестен, однако из переписки Строгановых можно заключить, что им был «английский садовник»⁸.

Именно на той даче проходили известные всем современникам строгановские праздники. В своем саду А. С. Строганов принимал императрицу Екатерину II, в 1796 году дал большой праздник в честь шведского короля Густава IV. У него неоднократно бывали императоры Павел I и Александр I, императрица Мария Федоровна.

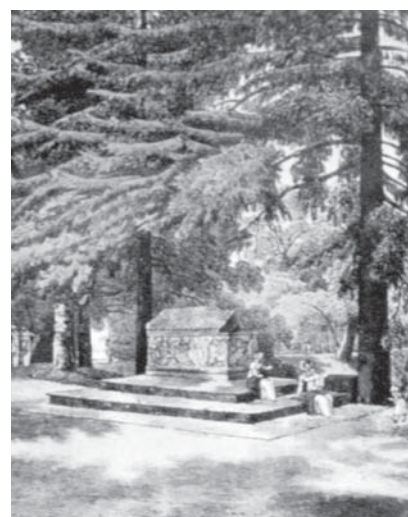
Дача молодого поколения Строгановых была отделена от уча-

В. Есаков. Вид на Египетские ворота в Строгановском саду. 1812 г.

Е. Есаков. Гостиная в загородном доме графини С. В. Строгановой. 1812 г.

А. Мартынов. Вид гробницы Ахилла в саду графа Строганова. 1812 г.

только что вернувшийся из Выборгских имений Голицыной. Мальчиком он обучался у А. Н. Вороницина и в 1814 году был принят в Академию художеств вольным пансионером (плату за его обучение вносила С. В. Строганова). Ко времени присвоения ему звания вольного художника в 1838 году он уже имел большой опыт проектирования и строительства: в одних только имениях Голицыной им было возведено 16 каменных и 13 деревянных зданий, а в 1828–1832 годах он вел строительство усадебных сооружений в имении С. В. Строгановой Марьино, близ Петербурга. В своих постройках он использовал готические мотивы (дом для гостей на «Зеленой мызе» и в бане на берегу Тосны) или элементы средневекового зодчества, а также входившего в моду русского стиля. В 1849 году П. С. Садовников удостоился звания академика архитектуры, а через год стал архитектором Главной придворной конюшенной конторы. Строительством домов для дочерей Строгановой он занимался в 1830-е годы. Когда в 1840 году он завершил строительство дома княгини Е. П. Салтыковой, хозяйка обратилась к модному тогда архитектору Г. Э. Боссе, который «пользовался известностью орнаменталиста и композитора рисунком для отделки зданий», с предложением оформить интерьеры выстроенного дома. Бывший дом княгини Е. П. Салтыковой, построенный в 1837–1847 годах по проекту архитектора П. С. Садовникова в формах готики, сохранился до наших

дней. Выстроенный тем же архитектором рядом дом и для второй дочери С. В. Строгановой А. П. Голицыной не сохранился.

Одновременно, и даже несколько ранее, со строительством дач дочерей С. В. Строгановой на Черной речке возникли многочисленные дачи петербургской аристократии. Это было связано с тем, что с 1830-х годов, когда Каменный остров стал императорской дачной резиденцией, в его окрестности на Елагин остров и Черную речку потянулись на лето придворные и аристократия. С того времени началось быстрое заселение берегов Черной речки, где в начале XIX века стояло небольшое сельцо Никольское, в котором жили крестьяне только трех фамилий: Дрожжины, Ваулины и Вдовины. Сельцо также называлось Головинской деревней. В ней находилось полтора десятка крестьянских изб, за которыми шли огороды, а далее – роши и сосновый бор, тянувшийся до Выборгской дороги. В 1820-е годы стали вырубать роши и на их месте строить дачи чиновники, купечество и даже представители аристократии.

Представление о дачах того времени дают воспоминания Марии Федоровны Каменской – дочери вице-президента Академии художеств медальера и художника Ф. П. Толстого, семья которого с 1817 по 1825 год проводила лето на Черной речке. Она писала: «Небольшие одноэтажные домики, окошка в 3–4, стояли в один ряд, фронтоном на речку... У каждого домика был узенький палисадник.

Очень большой двор соединял две дачи, так что на одном дворе было двое жильцов, не считая избы мужика хозяина. На задворках, во всю длину деревни, тянулись крестьянские огороды. Ни трактиров, ни кабаков на каждом шагу и в заводе не было, а была настоящая русская деревня». На одном дворе с Толстыми жили Николай Иванович Греч – писатель, редактор журнала «Сын отечества», и Михаил Евстафьевич Лобанов – переводчик классиков, учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны. Постоянными гостями на даче бывали Ф. В. Булгарин, издатель газеты «Северная пчела», баснописец И. А. Крылов и Н. И. Гнедич – поэт и переводчик Гомера. Уклад жизни Толстых на даче был спокоен: «Жизнь наша на Черной речке, – вспоминала Каменская, – текла очень приятно. По утрам отец обыкновенно вставал чуть не с петухами и садился у окна вырубать свои медали. Маменька, тетка и бабушка работали целое утро, кто во что горазд...» К обеду собирались родственники, а затем все выходило во двор «и начинали наслаждатьсялетней свободой: дамы играли в серсо, мужчины засаживали в землю свайку и даже подвизались в бабки. Иногда катались по Черной речке на лодке. По воскресеньям ходили гулять в Строгановский сад».

К концу 1820-х годов спокойная жизнь все больше стала привлекать туда отдыхающих, и район Черной речки стал одним из самых модных дачных мест того времени.

Окончание в следующем номере

¹ Название деревни сотрудник газеты «Советская Карелия» Р. И. Сюкияйнен выводит от финского глагола «колоа» – окорять, очищать от коры и «мяки» – горка, холм: «Полагаю, что это такое возвышенное место, на котором производилась первичная обработка хлыстов деревьев». Селение Коломяги не включалось в переписные книги Вотской пятины и шведские карты Ингерманландии, поскольку относилось не к населенному пункту, а к урочищу (Красногородцев С. А. «Милые, тихие Коломяги» // Лен. панорама. 1986. № 3. С. 13–15).

² Екатерина Сергеевна Авдулина (1797–1832) одна из 7 дочерей С. С. Яковлева, жена генерал-майора, участника Отечественной войны 1812 г. Алексея Николаевича Авдулина (1776–1838). После выхода в отставку он принимал активное участие в деятельности Общества поощрения художников. Супруги вели светский образ жизни. На петербургской квартире (дом Калержи на Невском пр.) они устроили домашний театр и для многочисленных гостей давали балы. На одном из балов 1828 г. был и А. С. Пушкин, о чем жене в Пензу писал П. А. Вяземский: «...вчера на бале у Авдулина он [Пушкин] совершенно отбил от меня Закревскую, но я не ревновал». Портрет Екатерины Сергеевны – одна из лучших работ О. Кипренского, написан им в Милане (1832), хранится в Русском музее.

³ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., (1 изд. 1889). 1996. С. 18.

⁴ В 1853 году, согласно данным, приводимым в Материалах для истории Императорского С.-Петербургского воспитательного дома. СПб., 1878. С. 66.

⁵ Кузнецов С. Строгановская дача: «Одиссея» на Черной речке // Наше наследие. 2002. № 61. С. 15–19.

⁶ Памяти графа А. С. Строганова. СПб., 1844. С. 13.

⁷ Георги И. И. Описание российского столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 144.

⁸ Гримм Г. Г. Архитектор Воронихин. М.; Л., 1963. С. 29–32, 136.

Семья Сигизмунда Леваневского в Санкт-Петербурге

А. А. Бурькин

Герой Советского Союза
С. А. Леваневский

2 (15) мая 2002 года исполнилось 100 лет со дня рождения известного полярного летчика, Героя Советского Союза Сигизмунда Александровича Леваневского. Эта дата осталась почти незамеченной для историков отечественной авиации – пожалуй, если не считать того, что Министерство связи РФ выпустило по этому случаю юбилейный почтовый конверт.

Фигура С. А. Леваневского до сих пор вызывает неоднозначные оценки, о нем по-разному говорят и как о человеке, и как о летчике. Трагическая гибель пилота, пропавшего без вести вместе с самолетом «Н-209» и пятью членами экипажа при выполнении третьего и последнего трансполярного перелета из Москвы в США в августе 1937 года, после многих лет умолчания, когда о последнем полете С. А. Леваневского и его экипажа вспоминали только летчики и полярники в своих воспоминаниях или популярных книгах, надолго стала напоминанием о том, что во времена строительства социализма наряду с триумфами и дости-

жениями в СССР имели место и катастрофические неудачи, в которых были виноваты не только отдельные личности. Вдвойне обидно, и до сих пор обидно, что юбилей полярного летчика остался незамеченным в его родном городе – Санкт-Петербурге, городе, который открыл путь в небо многим отечественным авиаторам и летательным аппаратам российского производства. Кажется, что столетие со дня рождения С. А. Леваневского на берегах Невы скромно отметили только автор этих строк и Валентина Викторовна Левченко – дочь Виктора Левченко, летавшего штурманом с Леваневским во всех его дальних перелетах, и в роковом августе 1937 года разделившего судьбу своего командира.

В Санкт-Петербурге чтят память первых авиаторов и внимательно изучают историю авиации второй половины XX века. На этом фоне особенно странно и непонятно то, что в родном городе С. А. Леваневского нет ни улицы, ни монумента, ни мемориального знака, отмечающего память о летчике, получившем звание Героя Советского Союза за участие в экспедиции по спасению челюскинцев, ставшего одним из семи первых Героев и имевшего грамоту Героя Советского Союза под номером 2. Кавалером Золотой звезды Героя С. А. Леваневский не стал: она была утверждена только в 1939 году: через два года после его гибели. Кстати, улицы, носящие имя С. А. Леваневского, есть во многих городах России и Украины – буквально десятки таких городов обнаруживаются в ответ на запрос на фамилию Леваневский в Интернете, во многих городах есть улицы, названные в честь других членов экипажа С. А. Леваневского, погибших вместе с командиром. Напомним эти имена – второй пилот Н. Г. Кастанаев, штурман В. И. Левченко, бортмеханики Н. Н. Годовиков и

Г. Т. Побежимов, радист Н. Я. Галковский.

В последней по времени биографии С. А. Леваневского – книге «Жизнь, отданная Арктике», написанной московским журналистом и кинодокументалистом Ю. П. Сальниковым и изданной в Москве в 1984 году, о петербургском периоде жизни будущего героя ничего не говорится. К слову, большой заслугой автора этой книги надо признать то, что он впервые назвал в ней точную дату рождения С. А. Леваневского – ее нет ни в Большой Советской энциклопедии, ни в двухтомнике «Герои Советского Союза». Какие-либо упоминания о местах, связанных с детством Сигизмунда Леваневского, отсутствуют и в других публикациях.

Отчасти в том, что ранний период биографии Леваневского оказался вне внимания историков авиации и историков его родного города, оказался виноват сам летчик. В своей автобиографической книге «Моя стихия», вышедшей в Ростове-на-Дону в 1935 году (ранее ее текст был напечатан в сборнике «Как мы спасали челюскинцев» (М., 1934), он написал, что отец его был дворником и умер, когда ему, Сигизмунду, было 8 лет. Но эта подробность почти не давала шансов на успех в поисках точного места рождения С. А. Леваневского и места, где он провел детские годы. Вполне возможно, что по этой самой причине никто даже не предпринимал попыток отыскать петербургские адреса семьи Леваневских. Однако автора этой статьи на пути поисков поджидала большая удача.

В Российской национальной библиотеке в зале справочной литературы имеются тома ежегодного издания с названием «Весь Петербург», выходившего регулярно до 1914 года и позднее поменявшего название на «Весь Петроград» и «Весь Ленинград». В этой справоч-

ной книге приведены адреса и телефоны многих жителей города.

В 1902 году – году рождения Сигизмунда Леваневского – в Санкт-Петербурге проживали даже два человека, носившие имя «Александр» и интересующую нас польскую фамилию. Во-первых, это Александр Александрович Леваневский, имевший чин генерал-лейтенанта и занимавший должность начальника артиллерии Петербургского военного округа. Это могло бы быть весьма подходящее положение для человека, у которого три сына пришли в авиацию. Старший брат Сигизмунда, Владислав, был летчиком и участвовал в Первой мировой войне, но рано перестал летать после тяжелой аварии и стал аптекарем. Второй брат С. А. Леваневского, Юзеф, уехавший с матерью в Польшу, не просто пошел в авиацию, но стал своего рода «польским Чкаловым» и погиб во время дальнего перелета осенью 1933 года на территории СССР. Многие из историков авиации считают, что как раз летные достижения Юзефа, имевшие европейский успех, стали причиной покровительственного отношения к Сигизмунду Леваневскому со стороны власти. Один из материалов о С. А. Леваневском так и озаглавлен «Тень брата?». Похоже, что именно гибель Юзефа Леваневского, о которой сообщали советские газеты и радио, стала причиной того, что на портрете Сигизмунда Леваневского, выпущенном в серии почтовых марок в 1934 году, появилась миртовая ветвь – символ траура.

Строго по алфавиту за генералом Леваневским в справочнике следует Александр Петрович Леваневский (и именно так интересующая нас фамилия пишется по-польски), о котором в справочнике кратко сказано «потомственный дворянин». Здесь же указан адрес, по которому А. П. Леваневский проживал в Петербурге – Климов переулочек, дом 7.

Имя генерала А. А. Леваневского не упоминается в адресных книгах Петербурга после 1904 года. В то же время нам известно, что родители Сигизмунда Леваневского в это время продолжали жить в Петербурге, значит, нам встретились однофамильцы или очень

дальние родственники. Адрес потомственного дворянина А. П. Леваневского по Климову переулочку, дом 7, указывается в справочниках до 1909 года. Справочник за 1910 год дает нам другой адрес А. П. Леваневского – Гороховая улица, дом 49. А в справочниках более поздних лет А. П. Леваневский уже не упоминается. Если С. А. Леваневский указывал, что ему было восемь лет, когда умер его отец, то здесь все сходится. Значит, потомственный дворянин Александр Петрович Леваневский, умерший в 1910 году, и был отцом трех сыновей-летчиков и дочери Софии, позднее связавшей свою судьбу с капитаном польских военно-воздушных сил. И тогда дом номер 7, по Климову переулочку и есть место рождения Сигизмунда Леваневского. Еще одна важная для дальнейших поисков деталь – в 1912 году на Петроградской стороне, на улице Большой Пушкарской, дом 7 проживала Леонильда Каэтановна Леваневская, но мы не можем утверждать, что она является родственницей семьи А. П. Леваневского. Мать Владислава, Сигизмунда и Юзефа Леваневских носила другое имя – Теофила.

То, что С. А. Леваневский написал о своей семье в автобиографическом рассказе, сходится с тем, что нам удалось выяснить, кроме одного. Его отец, Александр Лео-

невский был не дворником – он был потомственным дворянином. Слова похожи, только смысл не тот. Понятно, что один из сыновей потомственного дворянина Леваневского, оставшийся в советской России и попавший в элиту Красной армии – в авиацию, в течение какого-то времени не только не был склонен афишировать свое дворянское происхождение, но и поменял одну букву в своей фамилии. Интересно, знал ли сам Сигизмунд Леваневский, что, попытавшись порвать с дворянским прошлым, он стал однофамильцем царского генерала? Впрочем, о том, что его семья имела дворянский герб, С. А. Леваневский помнил, и, как отмечают некоторые историки, даже самолет «Н-209» был выкрашен в цвета его герба, что, однако, не принесло удачи его командиру.

Итак, мы подошли совсем близко к тому, чтобы отыскать несколько адресов, связанных с детскими годами отечественного польского летчика Сигизмунда Леваневского. Дом по Климову переулочку под номером 7 – обычный доходный дом с проходным двором, видимо, был по душе выходцам из Польши, поскольку, как поведал нам В. С. Бузинов в своих «Прогулках по Петербургу», где этому дому была посвящена специальная передача, в нем жил известный филолог-пушкинист

Гороховая улица, д. 49

Климов переулок, д. 7

Б. В. Томашевский. Этот дом, конечно, является памятником своего времени, и можно установить, в какой квартире в 1900-е годы жила семья Леваневских. Дом под номером 49 по Гороховой улице, бесспорно, привлечет внимание всех, кто захочет взглянуть на места жизни семьи трех авиаторов, – это весьма привлекательный двухэтажный особняк, который могла занимать одна семья.

Нынче часто говорят, что С. А. Леваневский, который после аварии самолета «Флейстер» возле мыса Онман на Чукотке по пути в поселок Ванкарем, служивший базой операции по спасению челюскинцев, и не осуществивший ни одного полета в ледовый лагерь, был включен в число получивших звание Героя Советского Союза

незаслуженно. Это глубоко несправедливо. Обстоятельства аварии, в которую он попал и при этом сумел спасти себя, своего бортмеханика американца К. Армистеда и пассажира – известного полярника Г. А. Ушакова, в точности совпадают с подробностями аварии, в которую в 1929 году в тех же местах попал известный американский полярный летчик Бен Эйельсон. Тогда, за пять лет до событий 1934 года, Эйельсон и его бортмеханик Борланд погибли. Несомненно, что С. А. Леваневский знал о всех подробностях и частностях катастрофы самолета Б. Эйельсона, он не мог не знать о них – ведь вместе с ним из США на спасение челюскинцев летел другой известный полярный летчик – М. Т. Слепнев, который был участником по-

исков самолета Эйельсона. Видимо, М. Т. Слепнев рассказал С. А. Леваневскому о том, как погиб самолет Б. Эйельсона, и Леваневский смог сделать правильные выводы из услышанного. В такой же ситуации, на малой высоте при почти нулевой видимости, потеряв одну лыжу, он сумел посадить свой самолет.

Не будем утверждать, что мы проникли во все тайны истории семьи Леваневских. Может быть, что-то смогут сообщить наши польские коллеги о том, как описывал свою семью брат Сигизмунда Леваневского – Юзеф Леваневский, у которого на исторической родине предков, в Польше, не было надобности скрывать свое происхождение. Но пока есть надежда на то, что итоги предпринятых разысканий в области биографий двух братьев-летчиков совпадут. Едва ли могут быть случайными соответствия во времени кончины отца С. А. Леваневского и исчезновения из справочников имени потомственного дворянина А. П. Леваневского. Право же, очень хочется, чтобы на старом петербургском доме по Климову переулку, 7, появилась мемориальная доска с надписью «В этом доме родился полярный летчик Герой Советского Союза Сигизмунд Леваневский (1902–1937)». В заключение стоит сказать, что петербуржцы должны также чтить память Виктора Ивановича Левченко, штурмана С. А. Леваневского, не вернувшегося из полета вместе со своим командиром. Ведь последняя должность Виктора Левченко – флагштурман авиации Балтийского флота, а последнее место жительства – Петергоф.

Девушка из батальона морской пехоты

Л. П. Беляков

Я хочу рассказать о девушке, которая защищала Ленинград, училась в нем и имела глубокие корни в Петербурге.

После установления советской власти говорить о своих предках было опасно, и люди о них забывали. Знали немного о деде, в лучшем случае – что-то о прадеде. Это стало обычным явлением. Нарушая «традицию», хочу рассказать об Ольге Владимировне Головачевой, моей тете.

О. В. Головачева своими корнями глубоко связана с Петербургом – Ленинградом. Один из ее предков – Алексей Головачев жил в Петербургской губернии во второй половине XVIII века, служил на флоте, плавал на Балтике. Когда интересы России потребовали создания флота на Черном море, его вместе со многими сотоварищами отправили на юг. Прошли годы, раны и здоровье не позволили ему больше служить, и в 1794 году в звании мичмана он ушел в отставку. Женился, обзавелся многочисленным семейством. Три его сына, следуя традиции, поступили в Петербурге в Морской кадетский корпус, а затем служили на Балтике, ходили в Северное и Белое моря. Один из сыновей дослужился до капитана II ранга¹. Самый младший сын, прапрадед Ольги, стал пехотинцем, воевал в Польше, был тяжело ранен, после чего пришлось выйти в отставку. Поселился в Петербургской губернии². Другой предок Ольги поселился в Петербурге при Елизавете Петровне. Ухаживал и управлял дворцовыми садами и парками. Один из его сыновей служил в Министерстве иностранных дел, затем в 1780 году пошел по военной линии в артиллерию: штурмовал Очаков, затем защищал земли к северо-западу от столицы от шведов, воевал в Польше, по-

том вновь в Финляндии. Во время войн с французами сражался при Прейсиш-Эйлау, затем в Отечественную войну 1812 года громил врагов при Березине. Из-за множества ран вышел в отставку и поселился окончательно в Петербурге. Через некоторое время решил переехать в его пригород со всем семейством, а дом в городе пожертвовал приюту³. Его внук, дед Ольги Головачевой, учился в Петербурге, в гимназии, а затем в университете, который окончил в 1855 году⁴. Его дочь, мать Оли, в 1908 году после учебы в гимназии окончила Медицинский женский институт (впоследствии – Первый медицинский институт)⁵. Поехала работать в деревню в Тихвинский уезд, где познакомилась с В. В. Головачевым, ставшим ее мужем. Он, капитан в отставке, работал в администрации земской управы, был начальником одного из участков. В 1914 году, с началом войны с немцами, отец пошел в армию, мать стала работать в госпитале, одно время работала в санитарном поезде. В конце 1917-го собрались все дома. Отец, как бывший офицер, найти работу не мог и вообще едва избежал ареста. Его спасла жена, единственный врач на территории четырех волостей, пользовавшаяся большим авторитетом и любовью.

Когда весной 1921 года родилась Оля, в семье уже было четверо детей. Жить было трудно. Переебрались в Тихвин, затем на станцию Званка. Оля росла живым, очень энергичным ребенком с мальчишескими замашками. Любила играть в снежки, кататься на лыжах, коньках, летом ходила в походы, за грибами.

В связи с болезнью одного из сыновей костным туберкулезом пришлось переехать на Украину на станцию Лозовая (впоследствии – город). Жили они на первом этаже

Оля Головачева в возрасте 6 лет

двухэтажного кирпичного дома возле железной дороги, занимая две маленькие комнаты и кухню, в которой возился отец – «домашняя хозяйка» семьи. Мебели почти никакой не было: кровати, шкаф, стол. Оля ходила в школу, помогала по хозяйству, играла с красивой светло-шоколадной овчаркой, в свободное время гоняла на велосипеде. Жили бедно, медицинским работникам, как всегда, платили мало, матери приходилось работать на двух ставках. Однажды, уставшая, сокращая путь домой, она пошла по железнодорожным путям, не услышала гудка паровоза, и тот сбил ее. Олину маму хоронила добрая половина станции: своей добротой и отзывчивостью она покорила всех, лечившихся у нее.

С Лозовой семью больше ничего не связывало, и отец с дочерью переехали в Харьков, где учились и работали два сына (третий умер в 1936 году). Оля продолжала учиться в школе и в силу своего характера принимала активное участие в работе кружков, сдавая различные «нормы» и, конечно, прежде всего – ГТО. Она сдала даже нормы на Ворошиловского стрелка 1-й степени.

Пролетело три года, и следовало подумать о профессии. Мать была врачом, брат и сестра учились в медицинском институте, казалось, и ей следовало выбрать ту же профессию... Но у Оли был свой план: она решила стать капитаном дальнего плавания. Что определило ее решение? Воспоминание о своих предках, служивших на флоте? Возможно. Но в основном на нее повлияла, вероятно, та героическая атмосфера, которой было пропитано общество: покорение Северного полюса, освоение Северного морского пути и другие достижения моряков и летчиков.

И летом 1939 года она поехала в Ленинград, чтобы поступить в морское училище. Но план не удался, ее ждало разочарование: девушек в училище не брали. И все же Ольга нашла решение: она поступила в Институт водного транспорта на судоводительский факультет, где готовили специалистов речного и каботажного плавания. Однако жить на маленькую стипендию было нелегко. Отец получал мизерную пенсию «по потере кормильца» (за жену), братья учились. Сестра, вышедшая замуж и жившая с двумя детьми в Ленинграде в небольшой комнатке в коммунальной квартире, тоже не могла помочь, так как в семье работал только муж.

Старший брат из Харькова писал: «...да, дела сложные сейчас пошли и не знаю, что делать и что советовать... Учебу, безусловно, бросать очень обидно, и делать это надо в последнюю очередь, в крайнем случае. Кира (один из братьев. – Л.Б.) тебе систематически реально помочь не может (ведь у него денег очень мало, у меня ничего нет)... Папа пересчитывает, хочет вырвать, экономя каждую копейку, а этих-то копеек очень мало». Оле приходилось рассчитывать

только на себя. Ей, худенькой, стройной восемнадцатилетней девушке, чтобы не бросить учебу, приходилось браться за любую физическую работу: дворника, грузчика в порту. И все же ей на один семестр пришлось пойти на заочное обучение, чтобы устроиться на временную работу. Летом 1940 года она вместе с семьей сестры ездила в пригород Ленинграда. Часто возилась со своими «племяншатами», которых очень любила. На одной из фотографий тех времен она запечатлена на групповом снимке, а на ее плечах – шестилетний племянник. Вечерами Ольга иногда приходила к сестре, любила посидеть у нее, попить чай со свежим хрустящим батоном с маслом (тогдашним лакомством, ведь в Харькове масла давно не было, его долгие годы заменял низкосортный маргарин). Пела «племяншатам» свои любимые песни: о капитане и девушке в серенькой юбке, «Полюшко-поле». Дети отвечали ей взаимностью, ее посещения

В парке одного из пригородов Ленинграда. Лето 1940 г. Слева направо: О. Головачева с племянником Львом, племянница Галя, родственница Светлана Казанцева, сестра О. Головачевой Надежда Белякова

были для семьи праздником. Каждый прожитый месяц был тяжел. 30 декабря 1940 года брат из Харькова написал: «Дорогая Олюха, поздравляю тебя с Новым 1941 годом и желаю, чтобы он был много-много лучше, чем этот старый год, отживающий последние два дня 1940 года...».

Мирная, хотя и трудная жизнь с большими огорчениями и маленькими радостями внезапно оборвалась. Оля оканчивала уже второй курс института, когда началась война. Она ушла добровольцем на флот. Наконец сбылась ее мечта – она стала ближе к морю – попала в Кронштадт на курсы санинструкторов.

21 сентября 1941 года, когда Оля находилась на лечении в госпитале Кронштадта, город подвергся массированному налету вражеской авиации. Одни из первых бомбы упали на терапевтическое крыло госпиталя⁶ (Оля находилась в противоположном – хирургическом крыле). Было много раненых и убитых, в том числе и среди медперсонала. Бомбежки и обстрел еще продолжались, а все, кто был способен, оказывали медицинскую помощь раненым. Оля, забыв о своем недуге, тоже помогала, как могла. Своей сестре она писала: «...по 22 октября у меня была большая практика, и к тому же первая, по перевязке, по работе с ранеными. Их было очень много во время бомбежек и обстрела, а они были очень частыми. Затем 24 октября я отправилась в действующую часть – на передовую линию фронта... Дел у меня было достаточно. Я была медсестрой (санинструктором) в роте. Один-единственный медработник в роте. Кроме того, ходила с бойцами в разведку и на выполнения любого задания»⁷.

24 октября О. В. Головачева вместе с несколькими девушками-добровольцами была переведена на передний край Ораниенбаумского плацдарма, в 1-й батальон 5-й отдельной бригады моряков (ОБМ) на правобережье реки Воронки. Она просилась в разведку. Оперуполномоченный СМЕРША в батальоне А. Зотов возражал: «Силенок не хватит выносить с поля боя раненых». Ольга пошла к комиссару и после долгого разговора получила «добро» при условии, что она

хорошо подготовится к будущим вылазкам в тыл врага.

«С того дня Ольга с помощью ординарца-спортсмена Делинде начала усиленно тренироваться, как говорится, с полной выкладкой: на ней был автомат, две «лимонки», наган, финка, санитарная сумка с медикаментами да еще груз до 70 килограммов на плащ-палатке тащила. Через два месяца Ольга стала настолько выносливой, что эвакуировала с поля самых тяжелораненых разведчиков. Не ошибся в ней комиссар»⁸.

В короткое время О. В. Головачева стала своим человеком не только в роте, но и в батальоне. Постоянно участвовала в боевых операциях, ходила в разведку.

Ее привлекали быт и нравы морских пехотинцев, и она во всем старалась походить на них. Морская романтика переросла у нее в любовь к флотским обычаям, манере поведения и традициям. Как рассказывала ее подруга того времени, Вера Сергеевна Потанова (Николаева), кавалер четырех медалей «За отвагу», Оля все время подражала морякам, говорила на их жаргоне, курила, и в образе жизни, повадках хотела походить на «братишек». «Я пыталась ее от этого отучить, говорила ей: “Оля, зачем это тебе, ведь ты же девушка, зачем так много куришь?” И Оля понемногу отходила от этих привычек и приобретала свой естественный вид»⁹.

Несмотря на уговоры товарищей не ходить в разведку, быть осторожней, Ольга при каждом удобном случае стремилась участвовать в вылазках.

22 февраля 1942 года с группой моряков она была в ночной разведке. Вот строки из ее письма¹⁰: «Под утро уже возвращались обратно. Бойцы все отошли, раненых и убитых я вместе с ними перетасила на наш передний край. Но пошла посмотреть еще, не осталось ли оружия, нашла винтовки и гранаты (подобрала их) и спустилась к речке Воронке, где сидели командир и его помощник. Отдала связанному гранаты и часть винтовок, а 8 штук надела на ремень на себя. Связной ушел. Немец вел шквальный огонь – из минометов, орудий, пулеметная и автоматная стрельба не прекращалась.

Начинало светать. Нужно было немедленно двигаться к себе, а для этого – перейти речку и подняться на вал, нашу линию обороны. Связного убили, мы приняли немного правее. Первым пополз помощник командира – наверху его ранило в живот... Затем командир пошел перебежками, а за ним я. Мне до него оставалось метра полтора доползти, но вдруг я почувствовала, что обожгло левую ступню. Услышала стон сверху, где был командир, окликнула его – ни звука. Двинулась к нему, приподняла левую руку, чтобы ползти к нему – ожег, подломила рука. Чувствую, дальше двигаться нельзя – обстрел прямо по мне. Расстояние до немцев 40 м, но сунуться они боятся, а бьют прямо по цели. Положила голову на снег – притворилась мертвой. Это было около семи утра. Обстрел не прекращался, но уже стреляли по всей линии фронта, а не только по моему участку. Я решила ждать до темноты. Захотелось еще и спать. Вытащила из кармана сухарь и кусок сахара, погрызла и уснула.

Просыпаюсь, солнце высоко надо мной, стрельбы нет, но слышно, как допочут на той стороне “гансы”. Немножко начала дрожь пробирать, примерзла моя рука к снегу, пока я спала. Кое-как оторвала ее, привязала тесемкой от маскхалата к шее. Ведь рука у меня болталась, как тряпка. Встала. Немец молчит. И пошла во весь рост наверх, на свою линию обороны... Пришла к комбату, доложила, что убит командир. Было 2 часа дня. Меня перевязали, и я отправилась в санчасть – 7 км шла сама. Правда, на ногу было очень тяжело ступать».

У Оли было четыре раны, из них две тяжелые (почти перебита ступня левой ноги и плечевая кость, вырвана значительная часть мягкой ткани). Она потеряла много крови. Только в 8 часов вечера она добралась до госпиталя, где ей обработали раны, сделали переливание крови. Позже ее привезли в Ленинград в Институт усовершенствования врачей, и она попала к хирургу доценту Ф. Г. Углову, ставшему впоследствии академиком. В своей книге¹¹ он писал: «...перед моими глазами прошло множество человеческих судеб, и среди других памятна “сестричка” из батальона морской

О. Головачева. Весна 1942 г.

пехоты – Оля Головачева... Оля в первые же дни войны ушла добровольцем на фронт, стала санинструктором, да таким, что с одинаковым успехом вытаскивала раненых из-под шквального огня и вместе с «братишками» ходила в штыковые атаки. Небольшого роста, стройная, хорошо сложенная, она была на удивление выносливой, отчаянной и одновременно удачливой... Олю в тяжелом состоянии перевезли к нам в госпиталь. Когда она пришла в себя, она обвела всех нас внимательным взглядом карих глаз и твердо сказала, что “валяться” в госпитале не намерена и хочет знать, как скоро ей можно будет вернуться на фронт. Этот вопрос так не вязался с ее нынешним положением, что мы невольно улыбнулись. Она же эти улыбки поняла по-своему: мы, дескать, снисходительно относимся к ней как к женщине. Она тут же резко заявила, что ее место в батальоне, она требует лечить как можно скорее. На предложение эвакуироваться из Ленинграда ответила категорическим отказом.

Так мы познакомилась с Олей Головачевой, и вскоре все в госпитале знали ее, и не было, пожалуй, палаты, где бы не радовались, ког-

да появлялась жизнерадостная, веселая, готовая прийти на помощь каждому, кто в ней нуждался. Свое ранение она переносила стойко, много ходила... Если в родном батальоне Олю ласково звали «сестричкой», то у нас в госпитале – за неунывающий и неугомонный характер, за морские словечки, которыми она пересыпала свою речь, за неизменно полосатую тельняшку – ее прозвали «братишка», чем Оля, кажется, втайне гордилась. Несколько раз с передовой к ней приезжали обвешанные оружием морские пехотинцы. И нужно было видеть Олю в эти минуты – таким восторгом и таким счастьем сияли ее глаза. Не было для нее ближе и роднее людей, чем они, «окопные» моряки – обветренные, суровые юноши, одетые в странную смесь флотского и армейского обмундирования, и тоже с обязательными полосками тельняшки у расстегнутого ворота».

Ранение Оли в ее родном подразделении не осталось незамеченным. На следующий же день в госпиталь пришло письмо от фронтовых товарищей:

«Здравствуй Леля!

Мы, бойцы 3-й роты 1-го батальона, в котором вы были так недавно, и вот фашистская пуля, пуля убийцы вырвала вас из наших рядов, но, дорогая наша сестра, мы отмстим сторицей за вашу пролитую кровь, за кровь, пролитую нашими бойцами, матерями, сестрами. Большое наше краснофлотское спасибо за ту работу, которую вы выполняли как подлинная наша Советская девушка. Мы этого никогда не забудем. Желаем скорейшего выздоровления, набирай сил и энергии и становись снова в большевистские ряды воинов для полного уничтожения паршивых гансов.

До скорого свидания, наша боевая сестра».

По поручению личного состава роты письмо подписали замполит Меньшов, лейтенант Молокоедов и бойцы Титаренко, Майоров, Орлов.

В тот же день она получила еще письмо:

«Родная моя т. Головачева!

О чем тебе хочу сказать?

1. Поздравляю с Праздником и желаю тебе здоровья и бодрого настроения.

2. Прекрасно, героически ты вела себя в бою. О твоей храбрости, мужестве и геройстве знает вся бригада. Командование батальона и бригады представляет тебя к правительственной награде.

Традиции комсомола, Балтийского флота ты несла так, как об этом всех нас заверяла. Слово свое ты сдержала. Горжусь тобой, Оля. Горжусь, что я воспитал в тебе волю и желание к победе.

Поправляйся, родная моя дочка, и опять к нам в часть, опять к боевым делам.

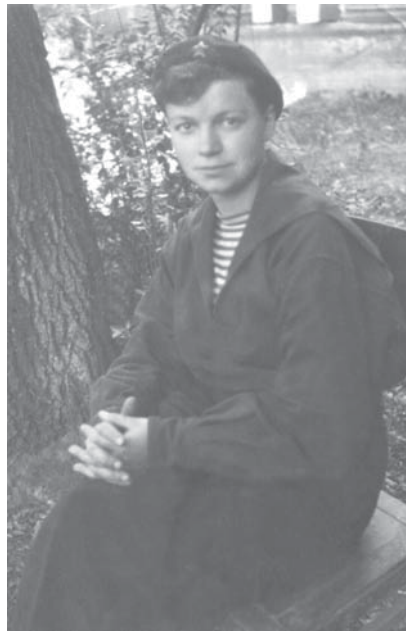
Жаль тов. (фамилия неразборчива. – Л.Б.), но ничего не поделаешь, что его смерть как героическую.

Шлю тебе наш скромный подарочек.

Пиши, дочка, мне, твоему комиссару.

С коммунистическим приветом военком Павловский»¹².

Будучи кандидатом в члены ВКП(б), в июне 1942 года она получила рекомендацию в партию от большевика с 1931 года Михаила Осиповича Иванова. Вот несколько строк из нее: «Знаю тов. Головачеву Ольгу Владимировну по совместной службе в 1-м батальоне 5-й Отдельной бригады моряков с октября 1941 г. по настоящее время. Бесстрашная в борьбе с немецкими оккупантами, неоднократно участвовала в боевых операциях, при этом проявляла смелость, му-

О. Головачева в госпитале в Ленинграде. Август 1942 г.

жество, под огнем противника оказывала медицинскую помощь раненым бойцам и командирам. Будучи кандидатом ВКП(б), принимала активное участие в работе партийной организации. Комсомольская организация избрала ее секретарем президиума роты...».

После ряда сложных операций в конце 1942 года Ольгу выписали из госпиталя и направили на фронт в ту же часть, только попала она не в 3-ю, а в 1-ю роту. Опять, как и прежде, началась полная напряженная боевая жизнь. Оля очень переживала о прервавшейся связи со своими родными. После длительной переписки эта связь была восстановлена. С горечью узнала, что отец и семья брата остались «под немцами» (ей еще не было известно, что брат был угнан в Германию, а отец умер от голода в Харькове). Она стала получать письма от старшего брата и от сестры Надежды, своих маленьких племянников. Но боевая обстановка не позволяла надолго отвлекаться, шла ожесточенная схватка с врагом. Оля, как и прежде, носила морскую форму, имела при себе автомат, пистолет, несколько гранат, санитарную сумку.

В одном из писем друзьям, оставшимся в госпитале, она писала: «На днях нас, 16 человек, послали в разведку за “языком”. Ночью ползли через минные немецкие поля, делали проходы, обезвреживали мины. Подкрались к окопам, увидели долгового часового, и двое наших матросов вмиг заткнули ему рот, связали руки и ноги... затем 8 человек (в том числе и я) поползли к блиндажу. Там слышался разговор. Один из немцев вышел из двери в темноту. Тут ему зажали рот и потащили. Так “языков”, из которых один оказался офицером, мы приволокли в штаб, не сделав ни одного выстрела»¹³.

Л. Н. Лавров, командир стрелково-пулеметной роты, вспоминал¹⁴: «Оля Головачева пришла вновь к нам в батальон после ранения летом или в начале осени 1942 года. До этого я ее не знал. Она уже имела медаль «За отвагу». Слышал, что она где-то подняла в атаку моряков. Их подразделение вело бой. Под сильным огнем противника моряки залегли. Однако нужно было продолжать атаку. И Оля поднялась и обратилась ко всем:

О. Головачева вблизи боевых позиций на правом берегу р. Воронки. Весна 1943 г.

«Как вам не стыдно? Разве не моряки вы? Вперед!» и бросилась с автоматом на врага. Моряки поднялись и атаковали вновь противника». Об этом же случае позднее вспоминал и А. Зотов в беседе с корреспондентом одной из газет¹⁵.

В связи с готовящейся операцией по окончательному снятию блокады с 20-х чисел ноября 1943 года морские пехотинцы начали проводить разведку по южной границе плацдарма. 1 декабря 1-й батальон проводил разведку на левобережье р. Воронки. Группа из 13 человек, в которую входила О. В. Головачева, попала в засаду. Отбиваясь от немцев, разведчики оказались в траншее, откуда по два-

три человека перебирались к своим позициям. Когда Оля с основной частью группы уже дошла до р. Воронки, кто-то крикнул, что ранен командир взвода Иванов. И она вернулась. Оттуда слышались выстрелы и взрыв гранаты. Больше о группе, оставшейся в траншее, ничего не было известно.

Весной 1944 года Олина сестра получила письмо от Ириады Васильевны Орловой: «Пишет вам близкая подруга Ольги Головачевой, которая была на Ленинградском фронте. Я с ней жила в одной землянке больше года и была близкой ее подругой.

1 декабря 1943 года Ольга Владимировна Головачева погибла при выполнении боевого задания как герой, как бесстрашный воин рабоче-крестьянской Красной армии»¹⁶.

Я с конца 1960-х годов пытался узнать, что же произошло с оставшейся группой. Ездил на место бывшего расположения части, встречался много раз с однополчанами. Они по-разному говорили о том дне.

Вера Сергеевна Потапова вспоминала: «Оля участвовала в батальонной разведке. На выходе попали в засаду. Она была убита. В связи со сложностью обстановки тело ее не смогли вынести. За эту операцию ее посмертно наградили орденом Красной Звезды»¹⁷.

Леонид Николаевич Лавров сообщал: «Оля Головачева участвовала в батальонной разведке. Необходимо было достать “языка”. Отправилась в разведку 13 человек. На обратном пути попали в засаду. Передали об этом по радиции. Вели бой. Поскольку немцы превосходящими силами их окружили и вырваться не было надежды, вызвали огонь на себя. По месту ведения боя открыли огонь две батареи, в том числе батарея гаубиц. Все погибли, и все были посмертно награждены “Красной Звездой»»¹⁸.

Иван Федорович Коршунов, командир взвода пулеметной роты, рассказывал об этом эпизоде так: «Оля Головачева участвовала в батальонной разведке за “языком”. На выходе им пришлось вступить в бой. Когда Оля с основной группой уже оторвалась от места ведения боя, кто-то крикнул, что ранен командир стрелкового взвода Петр Иванов. Оля вернулась и стала оказывать ему помощь... Дальнейшая судьба ее неизвестна. Произошло это на левом берегу р. Воронки»¹⁹.

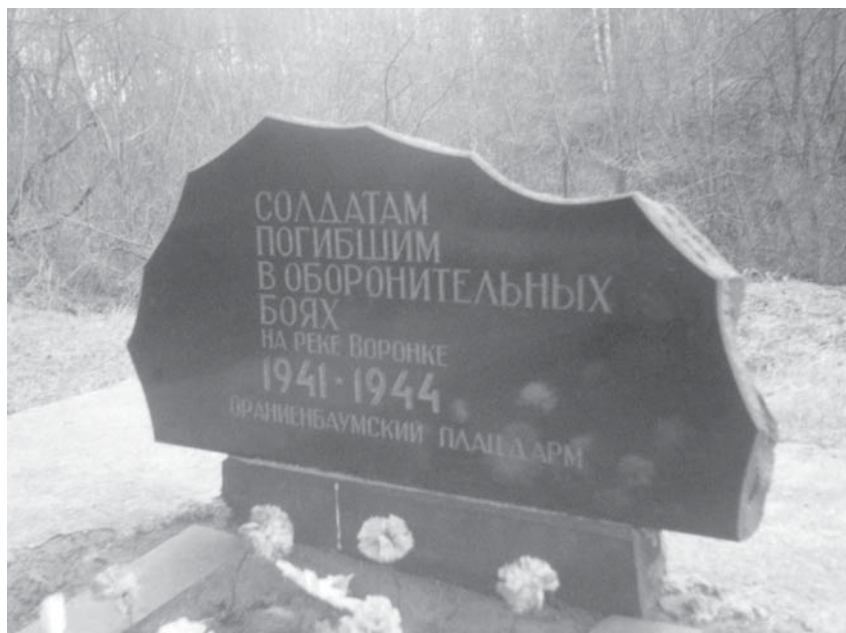
Ф. Г. Углов о том случае писал: «В составе разведгруппы она была заброшена в ближайший тыл врага, и когда моряки, выполнив задание, двинулись к своему переднему краю, у нейтральной полосы они неожиданно натолкнулись на немецкий заслон. Встретил их плотный автоматный огонь. Можно было прорваться лишь стремительным, отчаянным броском. И Оля вместе с боевыми товарищами пошла в рукопашную... Сраженную пистолетным выстрелом в упор,

матросы все же вынесли ее из боя и похоронили флотского старшину Олю Головачеву как героя, с воинскими почестями»²⁰.

Неудовлетворенный различием и некоторой высокопарностью этих сведений, я пытался получить более достоверные сведения от непосредственных участников событий, от того, кто оставался в траншее.

И в конце 1986 года с помощью А. И. Зотова установил контакты с А. М. Пономаревым, сообщившим, что в 1945 году на острове Эзель он встретил Михаила Борщака, который попал в плен во время той злополучной разведки 1 декабря 1943 года. Встреча была короткая. М. Борщак рассказал, что во время разведки был пленен. Он был ранен, но находился в сознании. Оля Головачева перевязала всех раненых, и когда немцы ворвались в траншею, выхватила из фуфайки гранату и взорвала ее. Поговорить с М. Борщакком А. М. Пономареву толком не удалось, даже поинтересоваться адресом, так как он

находился в быстро двигавшейся колонне (вероятно, военнопленных гнали в фильтрационный лагерь)²¹.

Под Санкт-Петербургом, в городе Сосновый Бор, на гранитных плитах Площадки Героев выбит длинный список бойцов, погибших

в Отечественную войну при защите Ораниенбаумского плацдарма. Среди них значится и имя санинструктора Ольги Владимировны Головачевой – коренной ленинградки. Имя ее записано в Книгу памяти Ленинграда²².

¹ Общий морской список. СПб., 1892. Ч. III и VI; Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 432. Оп. 5. Д. 1420, 1421, 1557; Ф. 406. Оп. 2. Д. 184.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 588. Оп. 103. Д. 24.

³ Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 299. Ф. 759. Оп. 95. Д. 15.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 5495.

⁵ Там же. Ф. 436. Оп. 4. Д. 4369.

⁶ Басс Е. В. В кронштадтском госпитале // Мы из Кронштадта. Л., 1975.

⁷ Письмо О. В. Головачевой от 18 августа 1942 г.

⁸ Зотов А. С морской братвой // Киров. правда. 1998. 20 июля.

⁹ Сообщение В. С. Потаповой, октябрь 1967 г.

¹⁰ Письмо О. В. Головачевой от 18 августа 1942 г.

¹¹ Углов Ф. Сердце хирурга // Молодая гвардия, 1974. № 3. С. 188–189.

¹² Групповое письмо бойцов 3-й роты и военкома Павловского – архив автора.

¹³ Углов Ф. Сердце хирурга. Л., 1981. С. 135.

¹⁴ Сообщение Л. Н. Лаврова, апрель 1974 г.

¹⁵ Зотов А. Ветеран остается в строю // Киров. правда. 1978. 7 февр.

¹⁶ Письмо И. В. Орловой (без даты).

¹⁷ Сообщение В. С. Потаповой, октябрь 1967 г.

¹⁸ Сообщение Л. Н. Лаврова, апрель 1974 г.

¹⁹ Сообщение И. Ф. Коршунова, 9 мая 1978 г.

²⁰ Углов Ф. Указ. соч. С. 136.

²¹ Письмо А. М. Пономарева от 2 июля 1987 г.

²² Письмо А. И. Зотова от 2 сентября 1999 г.

²⁴ Книга памяти. Ленинград. СПб., 1987. Т. 18. С. 87.

295-й годовщине Царского Села посвящается

Недавнее прошлое Павловского шоссе Царского Села

**Е. В. Абарова, Н. П. Матвеев,
Т. С. Саркисова**

Павловское шоссе... Этот уголок Царского Села сохранил еще много следов былого. И сейчас мы можем представить себе эту улицу в XVIII–XIX веках.

Павловское шоссе когда-то называлось просто дорогой на Павловск. А еще раньше, когда Павловска еще не было, дорогой на Малую Славянку. Она – одна из древнейших дорог этой местности. Она известна еще с допетровских времен.

Тогда возле этой старой дороги лежала пустошь с финским названием Полозор. Когда Петр I подарил Сарскую мызу своей супруге Екатерине, пустошь заселили крестьяне, переведенные из центральных губерний России «на вечное житье» при загородной резиденции императрицы. Финское название переименовалось на привычный русскому слуху лад – и родилась деревня Белозерка.

Новой хозяйке Царского Села – Елизавете Петровне – приглянулось место возле Белозерки. В 1744 году по ее указу у дороги против деревни архитектор А. В. Квасов построил «каменные палаты для высочайших прибытий», именовавшиеся впоследствии Белозерским домом и даже дворцом.

В 1749 году – через пять лет после возведения – Белозерский дворец вдруг начал «растрескиваться» и «угрожал неминуемо развалиться». Причиной тому были «беспрестанная сырость» низкого болотистого места и плохой кирпич стен. Срочно вызванные «обер-архитектор» граф Растрелли и архитектор С. И. Чевакинский после осмотра дворца объявили, что спасти «рассевишиеся палаты» невозможно иначе, как разобрав до осно-

вания и перестроив все заново. Императрице, видимо, дорога была увеселительная ферма в Белозерке, если, узнав о тамошних разрушениях, она повелела: «Чтобы нынешним же годом оный дом был перестроен и совершенно изготовлен (...) как показано на плане...»¹.

Новый план Белозерского дворца – «с прибавкою и с погрёбами под строением», как заказывала государыня – составлял сам Ф. Б. Растрелли. 28 апреля 1786 года Белозерский дворец стал по именному указу Екатерины II – «домом протоиерея Самборского», вернувшегося из Англии крупным специалистом в области сельского хозяйства². При его содействии в России организовали Практическую школу земледелия.

Впоследствии бывший Белозерский дворец с садом принадле-

жал Павлу Федоровичу Малиновскому, женатому на дочери А. Самборского, и его наследникам. С этих пор за ним укрепилось название «Малиновской дачи».

С середины XIX века Малиновская дача состояла в военном ведомстве. Вначале здесь размещалась глазная лечебница Царкосельского военного лазарета, а затем казармы лейб-гвардии 1-го Стрелкового батальона.

По первоначальному назначению здание использовалось недолго. Во время Первой мировой войны здесь разместили Царкосельский лазарет № 50 имени лейб-гвардии Уланского отряда на средства Дамского комитета, образованного женами офицеров полка.

Из числа находившихся здесь построек сохранились две – Офицерское собрание 1-го Стрелково-

Павловское шоссе, 34. Здание офицерского собрания 2-го лейб-гвардии Стрелкового полка. Фото Е. Абаровой

го полка (Павловское шоссе, 34) и служебный флигель на углу Павловского шоссе и Тярлевской дороги (Павловское шоссе, 40). Каменное здание Малиновской дачи разобрали в 1960-е годы. О его существовании напоминает сквер овальной формы и несколько старых лип на расширении Павловского шоссе. Фасад дома № 34 был отреставрирован и действовал как детский сад № 5, а в последнее время как гостиница для адъюнктов Военного инженерного космического университета.

Усадьба З. И. Юсуповой (Павловское шоссе, 10) – одна из «жемчужин» русской архитектуры. В 1856 году Ипполит Антонович Монигетти построил эту изумительную по красоте усадьбу, состоящую из трех зданий: дачи, кухонного флигеля, дома садовника и еще пруда и сада – то есть прекрасный усадебный комплекс, каких немного. Хозяйский дом, по форме напоминающий огромную, причудливую раковину, построен в стиле «псевдобарокко». Особняк украшали лепные детали, кованые решетки, величественный купол.

С 1921 года усадьба была летней дачей воспитанниц Ленинградского хореографического училища, стены ее помнят юных Галину Уланову, Марию Семенову, Татьяну Вечеслову. Татьяна Вечеслова вспоминала:

«...За резной чугунной оградой белел дворец, весь утонувший в кустах сирени, словно спрятавшийся от посторонних взглядов. Только фасадом он выходил на шоссе. Вокруг раскинулся замечательной красоты сад... В саду мы находили лужайки, словно покрытые бело-розовой пеленой – это цвели махровые маргаритки... Извилистые дорожки со смыкающимися над головой деревьями, заглохший пруд с островком, на котором стояла полуразвалившаяся беседка, утопая в кустах сирени. Сирень тоже была какая-то особенная, крупная и душистая, да и все цветы в саду цвели буйно и щедро... Весь сад был сиреневым, как будто пролог из “Спящей красавицы”»³.

После Великой Отечественной войны в усадьбе З. И. Юсуповой размещался детский сад № 3. Затем здание пустовало. Сейчас, пос-

Павловское шоссе, 10. Дача З. И. Юсуповой. Фото Е. Абаровой

Домик садовника в усадьбе З. И. Юсуповой. Фото Н. Матвеева

Павловское шоссе, 15.
Здание дачи П. Р. Багратиона. Фото Н. Матвеева

ле стольких лет запустения, на него нельзя смотреть без боли и сожаления. Очередной инвестор пытается восстановить его.

Еще одной постройкой архитектора И. А. Монигетти славится Павловское шоссе (д. 15) – это дача Петра Романовича Багратиона, представителя древнего и славного грузинского рода, государственного деятеля и ученого. Этот деревянный двухэтажный дом с флигелем и службами стал одной из первых работ архитектора в 1848 году. Из-за недостатка средств и постоянного отсутствия хозяина, который много лет провел на службе в других губерниях России и за ее пределами, строительство дома растянулось на долгие годы... Сейчас на даче П. Р. Багратиона размещается Центр социальной реабилитации детей и подростков.

В домах № 17–19 по Павловскому шоссе располагались полицейский участок и Вторая пожарная часть – построены в 30-х годах XIX столетия для уездного города Софии. Старшим брандмейстером этой пожарной части был В. В. Трубицын, живший со своей семьей здесь же. В перестроенном виде эти дома сохранились до настоящего времени. Первый этаж дома № 19 сейчас занят Сбербанком, остальные этажи этого дома и дом № 17 – жилые.

Дом № 14 – трехэтажный каменный особняк с мансардой, построенный по проекту архитектора С. А. Данини в 1907 году в глубине участка на средства покойного купца Д. А. Дрожжина. Здесь был устроен родильный приют на двадцать пять человек «для бесплатного приема малоимущих жительниц Царского Села и окрестностей»⁵. Первоначально это было двухэтажное небольшое здание, отделанное снаружи облицовочным кирпичом, а его восточный фасад был увенчан куполом. На звоннице храма находились 5 колоколов.

В 1910-е годы к двухэтажному зданию приюта пристроили трехэтажный корпус, спроектированный также С. А. Данини. Теперь здесь располагается противотуберкулезный диспансер.

Дом № 26 известен тем, что в нем два плодотворных лета в 1876–1877 годах гостил у своего друга, бывшего морского офицера П. А. Наумова

Павловское шоссе, 14. Здание родильного приюта купчихи М. А. Дрожжиной. Фото Н. Матвеева

великий русский композитор Модест Петрович Мусоргский. Окна спальни его выходили в парк. Совсем недавно еще видны были следы балкона, на котором любил работать композитор. Много бродил он по Отдельному парку, примыкавшему к дому, и по другим паркам Царского Села – Екатерининскому, Александровскому и Баболовскому. В этом доме он работал над операми «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка».

Дом № 30 принадлежал профессору Императорской академии художеств Николаю Егоровичу

Сверчкову. Автором проекта этого дома, возможно, был архитектор А. Х. Кольб. Дом интересен еще и потому, что частично сохранил внутреннюю отделку – деревянную лестницу с балюстрадой, ведущей на второй этаж, и камин на первом этаже при входе, выполненный из кирпича, оштукатуренный, с верхней профилированной доской. О. Э. Майер-Чистякова (старожилка города) рассказывала: «Уже тогда меня поразила архитектура и внутренняя планировка дома, добротность лестниц, ступенек, которые были окованы медью, резь-

Павловское шоссе, 26. Здесь творил Модест Петрович Мусоргский. Фото Н. Матвеева

ба по дереву в древнерусском стиле, оригинальные каминны, просторные помещения»⁷.

Мастерская в доме походила на зоологический музей: вся была уставлена чучелами медведей, волков, орлов, сов, статуэтками зверей и птиц. При доме находилась небольшая конюшня, где содержались лошади, нужные ему для работы⁸.

25 июня 1898 года Н. Е. Сверчков умер в этом доме и был похоронен на царкосельском Казанском кладбище. После себя он оставил большое творческое наследие: картины, рисунки, акварели, эскизы, этюды, литографии и скульптуры. Почти все известные музеи России имеют в своих коллекциях произведения Н. Е. Сверчкова; это Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Екатерининский дворец (г. Пушкин), Павловский дворец (г. Павловск) и другие. Самая большая часть творческого наследия – свыше 400 произведений – сосредоточена в Музее коневодства Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Одним из зданий, завершивших формирование исторической застройки Павловского шоссе, было оригинальное двухэтажное здание филиала Гвардейского экономического общества, построенное в 1911 году архитектором С. А. Данини (сейчас в нем – кафе и магазин строительных товаров). Дом этот – с выступами на северном и южном фасадах, с высокими подвалами и широким крыльцом-террасой перед северным фасадом. Фасады здания оштукатурены, отдельные участки его облицованы красновато-ко-

Павловское шоссе, 30.
Дом профессора Н. Е. Сверчкова.
Фото Н. Матвеева

Павловское шоссе, 4.
Здание филиала Гвардейского
экономического общества.
Фото Н. Матвеева

ричневой керамической плиткой. Здесь снабжались различными потребительскими товарами пайщики – офицеры гвардии и другие покупатели. В саду, спускающемся к Отдельному парку, сохранились два строения, напоминающие оранжереи, – постройки середины XX столетия, за ними – одноэтажный служебный флигель, в левой половине которого размещались лошади, в правой жили ямщики (сохранились старинные печи).

А в самом конце Павловского шоссе, по левой стороне в 1907 году по предложению врачей Андерса и Домбровского под покровительством великого князя Сергея Михайловича было построено каменное здание санатория для детей, перенесших тяжелые операции по поводу костного туберкулеза⁹. Здесь были прекрасно оборудованные операционная и рентгеновский кабинет. Маленьким пациентам проводилось диетическое и гигиеническое лечение, благодаря просторным галереям и обширному саду они могли в любое время года дышать свежим воздухом и совершать прогулки по саду, переходящему в Отдельный парк. Сейчас в этом здании № 56 по Павловскому шоссе размещена Городская гериатрическая ортопедическая больница.

Длина Павловского шоссе – около двух километров. И кто знает, может быть, завтра появится молодой историк или пыливый краевед, которые откроют нам новые, доселе неизвестные страницы из жизни этого шоссе, бывшего в недалеком прошлом границей между Царским Селом и уездным городом Софией...

¹ Яковкин И. Ф. Краткая летопись о селе Царском. СПб., 1827. С. 45.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп. 71. Д. 1859.

³ Вечеслова Т. М. Я – балерина. Л.; М., 1966. С. 27–28.

⁴ Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1992. С. 229–230.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Орлова А. А. М. П. Мусоргский: Письма и документы. М.; Л., 1932. С. 359.

⁷ Головчинер А. А. Дом на Павловском шоссе // Вперед. 1957. 10 окт.

⁸ Стрельцов С. А. Н. Е. Сверчков. М., 1954. С. 32.

⁹ Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1992. С. 235–236.

«Дело врачей» и компания против «безродных космополитов» времен императрицы Елизаветы Петровны

И. В. Зимин

Как известно, история не имеет сослагательного наклонения, и все аналогии носят весьма условный характер. Но события конца 40-х годов XVIII и XX веков удивительно перекликаются друг с другом, хотя разделены двумя сотнями лет. При этом если о событиях конца 1940-х годов, связанных с «делом врачей» и преследованием «безродных космополитов», достаточно хорошо известно, то о событиях конца 1740-х годов известно значительно меньше.

Елизавете Петровне, дочери Петра I, пришлось долго ждать своего часа. Она часто ходила по самому краю, всей кожей ощущая подозрительные взгляды мнительной императрицы Анны Иоанновны, которая понимала, что Елизавета – «дщерь Петрова», самим своим существованием угрожает ее будущим преемникам. После смерти Анны Иоанновны в 1740 году ее преемник – герцог Курляндский Эрнст Иоганн Бирон – ставший регентом при малолетнем императоре Иване VI Антоновиче, сумел продержаться только две недели. В результате дворцового переворота, во главе которого стоял генерал Бурхард Миних, Бирон был свергнут и отправлен на два десятилетия в Пелым, небольшой острог в Сибири. Вслед за Бироном был свергнут и всесильный Миних, а затем, в ноябре 1841 года, в результате очередного дворцового переворота на трон взошла Елизавета Петровна.

Одним из активных сподвижников Елизаветы во время переворота был ее хирург Иоганн Герман Лесток. Лесток родился 20 апреля

Императрица Елизавета Петровна. Гравюра Э. Даммюлера по рис. на дереве К. Брожа с гравюры Вагнера

1692 года. Его отец был лейб-хирургом герцога Георга Вильгельма. В 1713 году, получив медицинское образование, Лесток приехал в Россию. Он успешно делал карьеру и уже в 1716 году сопровождал жену Петра I – Екатерину в Голландию в звании хирурга. Но близость к сильным мира сего всегда была чревата опалами, и в 1719 году Лесток был выслан в Казань. После воцарения Екатерины I в 1725 году о нем вспомнили и вернули в столицу, определив гофхирургом при дворе молодой Елизаветы Петровны. В этой должности он оставался вплоть до переворота 1841 года.

Легенда приписывает именно ему активные действия по втяги-

ванию Елизаветы в переворот. По легенде, упоминаемой В. О. Ключевским, Лесток накануне переворота нарисовал на листе бумаги два рисунка. На одной стороне – Елизавету, сидящую на троне, а на другой – ее же, лежащую с обритой головой на плахе. Показав оба рисунка Елизавете, он произнес: «Если сегодня не это (он показал на Елизавету, сидящую на троне), то завтра будет непременно это (и он указал на Елизавету, лежащую на плахе)». Видимо, он был очень неплохим психологом. Елизавета решила на переворот и отправилась в казармы лейб-гвардии Преображенского полка.

После переворота Лесток становится действительным тайным советником, первым лейб-медиком, директором Медицинской канцелярии. Лесток был первым из медиков, который на протяжении длительного времени оказывал реальное политическое влияние на Елизавету и был вовлечен в принятие серьезных политических решений. Вовлеченность Лестока в большую политику лишила его определенного иммунитета, который традиционно распространялся на придворных медиков. При этом сам Лесток отнюдь не был ангелом. Фактически он являлся агентом влияния двух великих держав – Пруссии и Франции, получая от послов этих стран крупное содержание за оперативную политическую информацию. Еще до переворота Елизаветы, начиная с января 1741 года, он получал пенсион от французов в 15 тыс. ливров. Французские друзья Лестока дали ему псевдоним *amy intrepide* – «отваж-

ный друг», который использовался в секретной дипломатической переписке. Он поддерживал прямую связь с командующим русским экспедиционным корпусом в Швеции генералом Д. Кейтом, а его письма к генералу редактировал французский посланник маркиз де Шетарди.

Его политическим противником был влиятельный канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, ориентировавшийся на Англию и Австрию и также получавший от них содержание. Бестужев собирал досье на Лестока годами. Ему, в конце концов, в 1748 году удалось свалить Лестока. Бестужев сумел убедить императрицу в том, что Лесток может совершить покушение на ее жизнь как человек, имеющий «доступ к телу». Кроме этого, сведения о тесных связях Лестока с иностранными дипломатами встревожили мнительную императрицу, поскольку Лесток знал ее интимные тайны, носящие медицинский характер. Он был арестован 17 ноября 1848 года и вскоре пытан на дыбе. На допросе в Петропавловской крепости у Лестока спрашивали: «...не искал ли он лекарством или ядовитым ланцетом или чем другим ее императорское величество священную особу живота лишить». Его имущество было конфисковано. Примечательно, что Лесток по этому «делу врачей» пробыл в Петропавловской крепости с 17 ноября 1848 года по 13 апреля 1853 года. После окончания следствия Лестока сослали в Великий Устюг на долгие годы.

Опала обрушилась не только на одного Лестока. Видимо, пострадали и другие медики, которые так или иначе были связаны с влиятельным Лестоком. Можно предположить, что в их числе оказался и доктор Санхес. Его судьба может служить иллюстрацией гонений на «безродных космополитов» того времени.

Санхес Антониу Нуньес Рибейра родился 7 марта 1699 года в Португалии. Медицинское образование он получил в Испании, занимался медицинской практикой во Франции. Видимо, в начале 1730-х годов он перебрался в Россию. О дальнейшей его карьере известно из предисловия его книги «О парных российских

банях, поелику способствуют оне укреплению, сохранению и восстановлению здоровья», изданной во Франции и в 1779 году переведенной и изданной в России. Санхес пишет о себе, как о «славном медике», бывшем «при дворе ее императорского величества». Видимо, речь идет об Анне Иоанновне. Кроме этого, Санхес служил медиком «при Сухопутном шляхетском корпусе, при больницах и при войсках Российских, с которыми неоднократно бывал в походах».

Несмотря на удачную карьеру, в 1842 году Санхеса выслали из России. Причиной тому был указ Елизаветы Петровны от 2 декабря 1842 года о высылке из России всех евреев. Санхес вернулся во Францию, но без рекомендательных писем и без влиятельной поддержки бедствовал. Он неоднократно писал своим влиятельным друзьям в России с просьбой помочь ему. Можно с уверенностью предположить, что помощь ему была оказана Лестоком. 1 сентября 1847 года Санхес был избран почетным иностранным членом Императорской академии наук в Петербурге. Это звание, без сомне-

Императрица
Елизавета Петровна.
Гравюра Г. Ф. Шмидта
с оригинала Л. Токе

ния, упрочило его положение во Франции.

Однако членом Императорской академии наук он пробыл очень недолго. После того как осенью 1848 года был арестован Лесток, в ходе следствия начали выявляться медики, с которыми он был связан. В результате следствие «вышло» на доктора Санхеса, и уже в конце ноября 1848 года было принято решение лишить его звания почетного иностранного члена Императорской академии наук. Надо отметить, что это был единственный случай подобного рода за все время существования Императорской академии наук.

В архивных материалах автору удалось найти неподписанное письмо одного из членов Академии (от 29 августа 1749 года), в котором изложена официальная версия произошедшего: «Доктор Санхес пишет мне с большим опасением потому, что он вообразил себе, что ему, подобно Делилю, воспрещено иметь сношения со всеми чинами императорской академии. Я не мог понять такого подозрения, пока не узнал, с величайшим удивлением, что у него взят назад членский диплом под предлогом, что он скрытый еврей. Я опасаясь, чтобы подобные удивительные поступки очень мало будут способствовать к умножению членов Академии».

Изгнание Санхеса из академии продолжалось вплоть до смерти Елизаветы Петровны осенью 1761 года. После ее смерти Петр III провел широкую политическую амнистию, по которой были возвращены из ссылки Бирон, Миних и Лесток. По воспоминаниям, петербуржцы буквально шарахались от этих мрачных теней прошлого. По амнистии Лестоку возвратили чин тайного советника. При Екатерине II ему была положена пенсия в 7 тыс. руб. в год. Умер Лесток в 1767 году в Лифляндии. В ходе амнистии вспомнили не только о первых лицах, но и второстепенных. Видимо, у Санхеса оставались связи в России или ему вновь помог Лесток, но в 1862 году ему был возвращен диплом почетного иностранного члена Императорской академии наук. Умер Санхес Антониу Нуньес Рибейра 24 октября 1782 года.

Финны.
Иллюстрация из книги
«Description ethnographique
des peuples de la Russie». 1862 г.

На территории Санкт-Петербурга среди каменной застройки сохранились и старинные деревянные здания, по размеру, стилю и назначению самые разные. Есть безликие склады, иные хозпостройки, а есть и живописные частные особняки конца XIX – начала XX века. Есть даже деревянный театр на Каменном острове, корпуса больницы на Васильевском острове. Автор помнит деревянные концертные залы в Саду отдыха на Невском проспекте и в ЦПКиО. Их уничтожили в последней четверти XX века.

На рубеже XIX и XX веков русская творческая интеллигенция проявляла огромный интерес к культуре коренных финских народов региона, где стоит Санкт-Петербург. Все это описывалось в краеведческой литературе как до 1917 года, так и в последние десятилетия. Сегодня, к сожалению, утрачены во многом контакты с жителями области, помнящими, знающими и сохраняющими традиции древней финно-угорской народной культуры.

В деревянной архитектуре Петербурга в свое время появлялись элементы финской народной архитектуры. Например, детская больница на Большом проспекте Васильевского острова. К сожалению, с каждым десятилетием XX века де-

В. Б. Зернов

ревянных построек становится все меньше. Причины разные, часто – варварство.

Среди разнообразия деревянных зданий автора давно интересовали избушки. Да, финские, точнее ингерманландские избы, которых в дельте Невы всегда было множество. Если шведский город Ниен в устье реки Охты стоял особняком среди них, то возникший после Ниена Санкт-Петербург органично слился с ними. Постепенно избушки стали неразличимы в сплошной каменной застройке.

На вопрос, обязательно ли в них всегда жили коренные жители Ингрии, трудно ответить. Скорее, заказчикам нравилось строить эти компактные симпатичные домики разного назначения. На протяжении веков это назначение менялось, избушки утратили свое убранство и интерьер, но стоят крепко по сей день и на некоторых ули-

Финские избы в Петербурге

цах и вдоль железнодорожных путей, вокзалов, на территории заводов, воинских частей. Очевидно, были склады готовых модулей конструкций этих изб, венцы сруба, стропила, курицы, причелины, наличники окон. Характерной особенностью этих изб является прижатая крыша, а не острая, два окна по фасаду. Вся изба вписана в куб со стороны плюс-минус семь метров с обязательной обшивкой сруба «вагонкой».

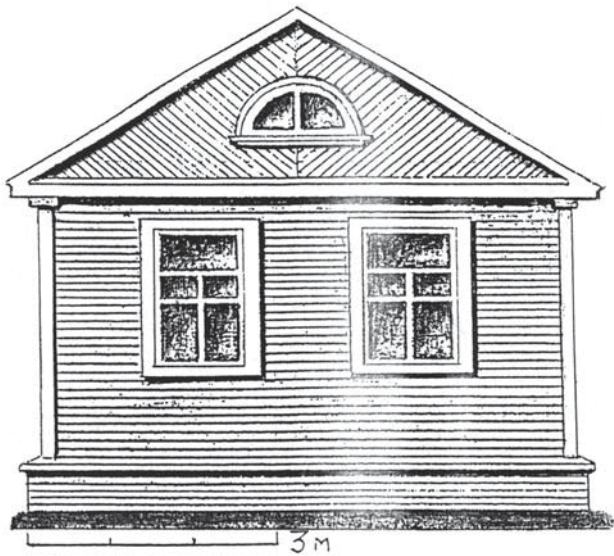
Не зная, куда девать свое время и здоровье, я когда-то на всякий случай сделал архитектурный обмер изб.

На избушках чувствуется влияние города: появились модные люнетные оконца, прилепленные мини-балкончики, веранды, крылечки.

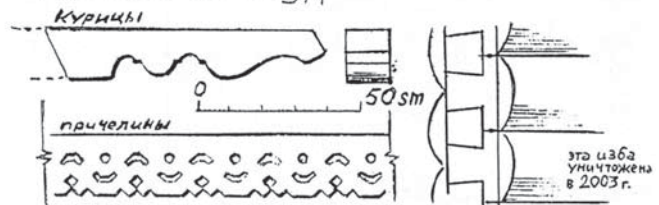
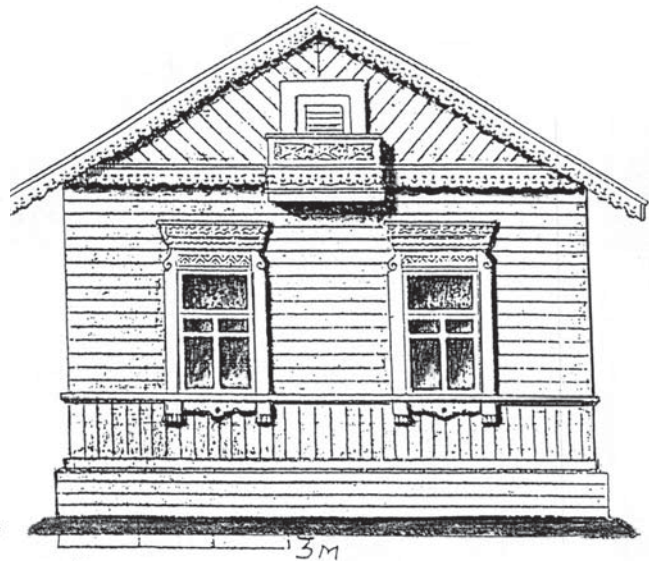
Верю, что обязательно пробудится интерес общественности и начальства просвещенного мегапо-

Чухонский праздник в Парголово. Раскрашенная литография
К. П. Бегрова с рисунка В. С. Садовникова. 1833 г.

Проспект Римского-Корсакова, 18.
Обмер и чертеж автора. 1994 г.
Избу уничтожили в 1998 г.

Набережная реки Крестовки (Ristijoki), 10, на Каменном острове (Kivisaari). Обмер и чертеж автора. 1994 г.
Избу уничтожили в 2004 г.

лиса, претендующего на культурную столицу, именно к этим романтическим народным произведениям. И они будут украшением городского пейзажа с найденной функцией, а не сиротскими, никому не нужными и забытыми, как у А. С. Пушкина:

*...чернели избы здесь и там
приют убогого чухонца...*

Почему же «убогого», непонятно? Пока готовилась эта статья, уже одной избышке пришел конец. В Коломне, на проспекте Римского-Корсакова, 18, добивают «последних могикан». Очередной арендатор участка продал этот домик в Коломне за копейки хозяину загородного частного имения. У арендаторов есть и документики-аргументики: на учете охраны памят-

ников не стоит – раз, исторической ценности не представляет – два, очень старый – три, четыре... Все есть, кроме любви к истории, культуре, уважения к городу и горожанам, которым было бы приятно, идя по улице, видеть эту избышку отремонтированной, а в ней, к примеру, музейчик истории Коломны. Не ахти каких грошей это стоило бы. Увы! Местное начальство района этого не замечает. На Митрофаньевском шоссе есть крупная изба в финском стиле в

хорошем состоянии. В ней живут рабочие. Так она уже приговорена к сносу. Ее вина в том, что выступает на метр за «красную линию». А вины тех, кто прокладывал улицу, нет... Что касается аргумента «под охраной не состоит», то есть на учете КГИОПа, то по этой логике можно снести пол-Петербурга. Лучше ведь, чтобы торчали те здания, которые чиновники соизволили внести в реестр. Здорово будет видно их работу.

1996 г.

P.S. Про избы на проспекте Римского-Корсакова следует добавить следующее. В декабре 1998 г. под шумок выборной кампании в городе арендатор избышку снес. Тут же началось лихорадочное строительство особнячка для новых русских на 14 квартир. Они пронюхали о пустом участке земли в самом центре Петербурга, да еще красивом.

И тут произошло то, что в народе называют «правая рука не знает, что делает левая». Отдел культуры города, замыслил и планировал возвести здесь музыкально-художественную школу для детей района. Не тут-то было. Участок нагло захватили и застраивают. Начался скандал. В результате удалось выхватить для детей часть первого этажа по фасаду.

Автор этой статьи тоже не дремал. Мной был послан запрос в Законодательное собрание, сделано обращение к муниципальным депутатам. В итоге – ноль. Новорусские ребята сильнее и ловчее.

Санкт-Петербург
2003 г.

Postfaktum: размышления о связи времен...

Е. Я. Кальницкая

Пошло уже третье столетие с того момента, когда за неприступными стенами Михайловского замка разыгралась кровавая драма: ранней весной 1801 года в собственной спальне заговорщиками был задушен император Павел I. Трагическое событие, существенно повлиявшее на дальнейший ход русской истории, произошло в тот период его жизни, когда император был полон сил и благих намерений. Прошла эйфория первых лет короткого царствования: за четыре года он получил профессиональный опыт управления государством и, что важнее, человеческий опыт взаимоотношений с окружающими. Участвуя в типичной для любой эпохи «ярмарке тщеславия», где, по сути, меняется антураж, Павел I в свои неюные годы знал предательство и обман, зависть и лесть и еще многое из того, чем неизбежно сопровождается бремя власти...

Об этом человеке известно многое. После отмены цензуры в России в 1905 году на широкого читателя хлынул поток ранее запрещенной литературы о Павле I, в котором перемешались правда документов, вымыслы мемуаров, исторические анекдоты и многое другое. За прошедшее столетие мутная вода отстоялась, но для людей XXI века, как и для своих современников, Павел «был и остается психологической загадкой» (Я. И. де Санглен).

В последние десятилетия представители исторической науки, находя новые и переосмысливая известные факты, смогли лучше понять Павла Петровича Романова как императора и человека. Глядя сквозь «магический кристалл» времени, они приложили большие усилия, чтобы его образ воспринимался вне контекста привычного мифотворчества.

Однако размышления над судьбой исторической личности –

удел не только историков. Не так давно в Петербурге в Русском музее был поставлен интересный эксперимент, в котором в роли исследователей прошлого выступили современные художники, точнее – фотохудожники, привлеченные к участию в юбилейном проекте, посвященном 250-летию со дня рождения последнего императора XVIII столетия.

Местом реализации проекта, названного «Император Павел I: нынешний образ минувшего», стал Михайловский замок, в историческом пространстве которого разыгралась трагедия 11 марта 1801 года. И хотя участникам проекта – фотографам разных поколений, от мэтров до дебютантов, была, разумеется, предоставлена полная свобода творчества, мы, вместе с ку-

Михайловский замок. Николаевские покои.
Выставка «Император Павел I: нынешний образ минувшего»

Михайловский замок. Столовая.
Выставка «Император Павел I: нынешний образ минувшего»

Михайловский замок. Кабинет.
Выставка «Император Павел I: нынешний образ минувшего»

ратором ежегодной выставки «Осенний фотомарафон» Валерием Вальраном, взяв на себя роль «идеологов» проекта, опасались, что «заданность» темы может эту свободу ограничить.

Доля риска была в обращении к исторической теме: наши современники не часто питают склонность к философскому осмыслению истории, которую, прежде чем осмысливать, надо хотя бы в первом приближении знать...

Предлагая людям с различным уровнем исторических знаний специфическую задачу зримо воссоздания ушедшего мира, мы ставили их перед необходимостью постижения того мира. Начало этого процесса было подобно историографическому обзору научного исследования.

Участники проекта предпочли воспользоваться не последними данными исторической науки, а традиционно обратились к расхожим анекдотам, легендам, мифам или стереотипу литературного и театрально-кинематографического образа императора Павла. В начале XX столетия известный искусствовед Н. Н. Врангель говорил о том, что «это царствование – причудливый рассказ, где каждое слово мнится выдумкой и где каждая вычурная правда кажется сочиненным театральным действием. Но именно эти черты романтических приключений, эта прятная острота неожиданного и небывалого – все вместе взятое в русской истории

оставило незабываемые следы». Теперь, много десятилетий спустя, хотелось понять, насколько в нашей исторической памяти все давно и прочно определено, и мешают ли сегодня устойчивому восприятию прошлого устойчивые стереотипы...

Каждый художник ставил перед собой задачу выражения собственного отношения к одному из самых противоречивых персонажей русской истории. Но в первую очередь внимание привлекала не личность и деятельность Павла, а мрачный эпизод цареубийства в Михайловском замке. Участников проекта интересовал и этот замок,

как самое загадочное архитектурное сооружение Петербурга, материальное воплощение и художественный образ павловского царствования. Последнее обстоятельство явилось своеобразным подтверждением того, что образы Павла и его «любимого детища» в историческом сознании прочно объединены...

Михайловский замок был представлен участниками проекта во всем многообразии возможностей современной фотографии: натурная съемка, цифровая фотография, коллаж, видео-арт. Рядом с простыми в своей классичности пейзажами Михаила Пикалова с видами памятников Мальтийского ордена соседствовали работы Александра Китаева, «остановившие» мгновенья величественного запустения старого замка после безвременья советских лет: между гранитных плит фундамента робко прорастает папоротник, а из цоколя, заслоняя колонны, хаотично лезет кустарник. Обветшавшие Геракл и Флора подобны инвалидам чудовищной битвы, сквозь их тела уже виден «скелет» ржавой металлической основы. Но даже в таком состоянии замок монументально красив, словно поверженный титан...

Нетрадиционные приемы современной фотосъемки Людмилы Таболиной нашли отражение в серии «Призрачный замок», явившейся метафорой зыбкой биогра-

Михаил Пикалов. Проект «Мальтийский Петербург»

Михаил Пикалов. Проект «Мальтийский Петербург»

Александр Китаев.
Проект «Девяносто третий год»

фии дворца, который на протяжении двух веков менял свои функции, обитателей, облик. Удивительно найденный прием создания «образов изменчивых фантазий» (Валерий Брюсов) – фиксации отражений дворца в омывающих его водах Мойки и Фонтанки и даже в дождевых лужах – сделал замок текущим вместе со своими отражениями по реке времени...

Многие участники проекта прочувствовали, что Михайловский замок – своеобразный наследник всей истории петербургской

земли в месте слияния Мойки и Фонтанки. Некогда здесь были разбиты Летние сады Петра I, затем по проекту Ф.-Б. Растрелли построен дворец для императрицы Елизаветы Петровны, где родился и провел свои счастливые детские годы Павел Петрович.

В античной мифологии известно божество, именуемое «genius loci» – гений места, которое воплощало дух места и отвечало за его судьбу. Необычный и напряженный «genius loci» Михайловского замка – порождение истории Петербурга, и автор проекта «Матрица места» Александр Никипорец попытался показать это в простран-

Александр Никипорец. Проект «Матрица места»

стве и во времени, в многообразии пересекающихся, наслаивающихся и перекрывающихся друг друга архитектурных элементов здания, словно фрагментов эпохи.

В серии фоторабот Константина Водяницкого, названной им «Птица Павла», визуализируется предание о летящих птицах, сопровождающих своими криками дорогу заговорщиков к замку, словно дорогу через жизнь императора...

Особое внимание авторов уделено реальным событиям ночи цареубийства. Игорь Лебедев в серии «Переворот» решил проблему как отражение морального выбора заговорщиков – «быть или не быть»,

Константин Водяницкий.
Проект «Птица Павла»

участвовать или отказаться, казнить или помиловать. Перемежая изображения тонких, нервных, изысканных рук, готовых взяться за оружие, и самого оружия XVIII столетия, автор фиксирует краткий миг перед свержением императора, момент своеобразного «голосования», где каждый жест и каждый предмет имеют огромное символическое значение.

Проект «Кровавый вторник» Станислава Чабуткина изображает недавно установленный во дворе скульптурный портрет Павла на фоне замковых стен, плывущих облаков и дождевых луж, окрашенных в тревожно-красный цвет, подобно пятнам крови. Еще дальше идет Валерий Потапов в своем мрачном эсхатологическом символизме: его Михайловский замок стоит на трех проросших землях человеческих черепах – трагических основах мироздания...

Историческая перспектива реальных интерьеров старого замка используется Вадимом Егоровским в созданном им видеоряде трагического маршрута, по которому продвигался к цели мрачный отряд. И на печальнознаменитой винтовой лестнице оживает в свете колеблющегося пламени свечи тонкая женская тень немой свидетельницы...

Станислав Чабуткин.
Проект «Вокруг Павла Петровича»

С именем Павла I связаны Каменноостровский, Гатчинский, Павловский и Приоратский дворцы, Мальтийская капелла, и их изображения складываются в своеобразную галерею павловских видов старого Петербурга. Эти дворцы превращаются в фантомы-призраки (Марианна Мельникова), их облик «конструируется» фотоколлажами, которые передают бутафорность, театральность и

Валерий Потапов.
Проект «Прогулки»

манерность эпохи (Дмитрий Горячев). Как не вспомнить, что на «границе веков», за годы правления Павла I, абсолютно все – государственное устройство, придворный этикет, мундиры, моды, манера поведения и многое другое – подчинилось жесткой регламентации.

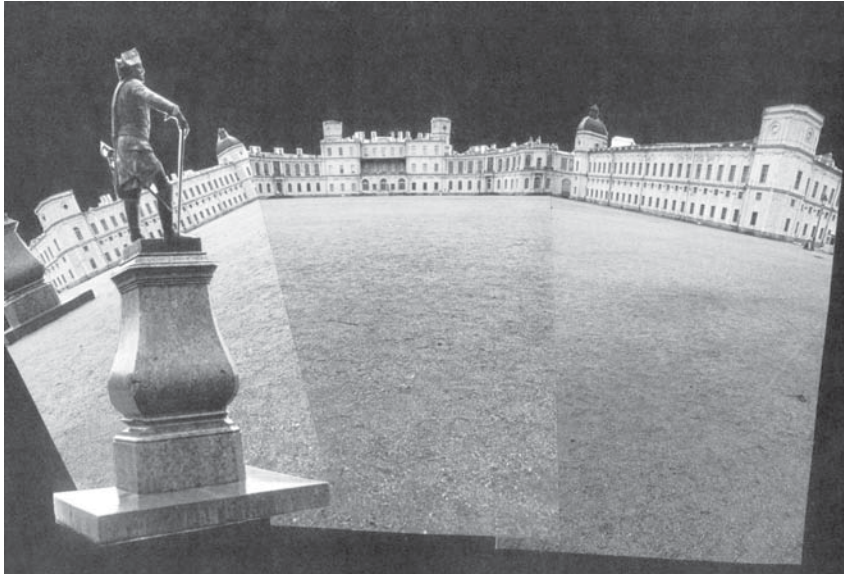
Но если внешне Павел I был склонен к театрализации, внутренне он был замкнут и сосредоточен, предаваясь духовным исканиям. В серии «Кресты Павла I» Андрей Чежин из архитектурных элементов Михайловского замка, Гатчинского и Павловского дворцов создает композиции, каждая из которых включает двадцать четыре креста различной формы и неожиданной конфигурации, а все вместе выглядит реминисценцией мыс-

Марианна Мельникова. Проект «Замки-призраки»

Марианна Мельникова. Проект «Ступени»

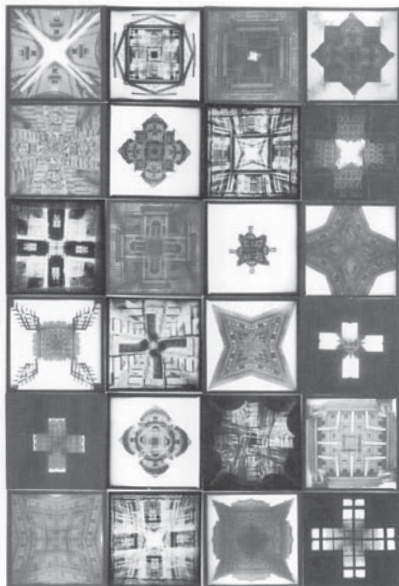

Дмитрий Горячев. Проект «Играющий Павел»

с его вензелем в трех состояниях: вот она звонко-новая, только что отчеканенная, затем чуть поблекшая и, наконец, полностью истертая, символизирующая бренность всего на свете.

Многим авторам оказалась близкой тема «связи времен». В проекте «Прадеду правнук, прапрадед праправнуку» один из лучших петербургских мастеров Андрей Чежин соединил на многочисленных фотоэтюдах образы трех русских императоров – Петра I, Павла I и Николая II, их портреты в живописи, скульптуре и фотографии, словно повторяя мысль Иосифа Бродского: «...живем прошедшим, словно настоящим, на будущее время непохожим...».

Совсем иначе увидел эту же проблему Игорь Лебедев: просто,

Андрей Чежин.
Проект «Кресты Павла I»

Андрей Чежин.
Проект «Прадеду правнук. Прапрадед праправнуку»

ли императора о возможности слияния мировых религий.

Несколько проектов затронули различные стороны символики павловского времени, страсть к которой император питал с молодости. Другие использовали предметный мир его эпохи: Сергей Щербаков и Андрей Смирнов представили фотограммы одежды, подобной той, которая была на Павле в роковую ночь убийства: раскинув руки, как живая фигура, распростерлась на полу спальни белоснежная рубаша императора. Алексей Зеленский в проекте «От и До» показал павловскую монету

Алексей Зеленский.
Проект «От и До»

по-домашнему он ввел образ Павла I в бытовой контекст современной жизни, где кадры из фильма «Бедный Павел» застыли на экранах телевизоров в различных семейных интерьерах. Исторический персонаж, внедренный автором в повседневную и очень разную жизнь, словно становится ее наблюдателем и участником.

Но еще более оригинален в своей идее Азамат Чеслав. Он изобразил сегодняшнюю городскую среду, стены домов в старых дворах, грязные лестничные клетки, исписанные, как водится, разнообразными надписями. Однако ря-

Сергей Щербаков.
Проект «Чувство времени»

дом с привычными глазу словами и лозунгами типа «Зенит – чемпион» мы с удивлением обнаруживаем монограммы Павла I и слоганы типа «Павел I – всегда первый». И искусственные надписи, сделанные, понятно, самим автором, создают иллюзию неподдельного интереса к историческому герою и его эпохе в современном урбанистическом мире...

Николай Тихомиров.
Проект «Мартовский снег»

Более тридцати созданных фотопроектов и видеoinсталляций дали повод к размышлению о значении личности в истории, о традиционном и нетрадиционном отношении к известным фактам, о правде и вымысле в биографии давно ушедших людей и о многом другом.

Судьба Павла I сопровождается созданием мифов. Рожденные временем предания оказались гораздо жизнеспособней исторической правды, которая впоследствии корректировалась каждой эпохой. Мифы со временем почти вытеснили реальность, и нынешнее восприятие истории рубежа XVIII и XIX столетий в основном все так же основывается на легендах о «бедном Павле».

Сегодняшний император Павел – тот же несчастный и больной

ны». Однако этот вывод нельзя отнести к созданию портрета императора в изобразительном искусстве: художники продвинулись гораздо дальше, а император Павел I явился идеальным объектом для художественной интерпретации. Созданные же произведения можно отнести к необычному жанру, который, возможно, может быть назван «исторической фотоживописью».

И хотя участников проекта интересовала не столько достоверность событий, сколько метафоричность и мифологичность, усилиями петербургских фотографов, едва ли не самой мобильной составляющей современного художественного процесса, были созданы новые интерпретации художественного образа императора

Азамат Чеслав. «Император Павел I.
Попытка адаптированной символики»

человек, одержимый возвышенными идеями справедливости и благородного рыцарства, и эти представления бытуют не только на уровне школьного образования и всеведущего массмедиа, но и в некоторых научных трудах.

В свое время В. О. Ключевский заметил, что «более анекдота мы ничего не знаем об этом царствовании». Время, как выясняется, изменило немного, и поколения представителей исторической науки так и не создали целостного исследования павловской эпохи и психологического портрета «сына великой Екатери-

Павла I. Это было не просто воспоминание об ушедшем человеке, к тому же человеку, жившем в «дофотографическую» эпоху, а психологический анализ его биографии и той эпохи. Сама же фотография, столь многолика сегодня, во многих случаях поднялась до уровня художественного произведения.

Привлекая к нашему герою пастернаковскую «любовь пространства», художники оперировали в рамках далекой и трудной для современного понимания эпохи императора Павла I не фактами, а образами.

По залам Центрального музея железнодорожного транспорта России

Г. П. Закревская

Музей основан в 1813 году при Петербургском институте корпуса инженеров путей сообщения. В положении об институте 1809 года записано: «В особой зале хранимы будут модели всех важных в России и других землях сооружений, существующие или только предназначенные...»

Первоначально музей состоял из шести кабинетов: модельного и механического, строительно-рабочих инструментов, образцов строительных материалов, физического, геодезического, минералогического. В них проводились практические учебные занятия для воспитанников института. Коллекция

пополнялась моделями, макетами, чертежами, выполненными при строительстве дорог, мостов, каналов и т. п., кроме того, студенты и мастера изготовляли модели в учебных мастерских. В 1862 году музей, оставаясь в стенах института и являясь учебной базой, открыл свои двери для широкой публики.

По предложению министра путей сообщения Михаила Ивановича Хилкова в Санкт-Петербурге 22 июня 1896 года был основан Музей Министерства путей сообщения с присвоением ему имени императора Николая I. Экспонаты музея расположили в манеже при здании Министерства путей сообщения, ныне – спортивный зал кафедры физического воспитания и

спорта Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения.

В 1902 году построено по проекту архитектора П. С. Купинского здание специально для Музея имени императора Николая I, в котором музей находится и в настоящее время (Садовая ул., д. 50). Экспонаты институтского и министерского музеев были объединены и разместились в новом здании в 1910 году. В год 150-летия отечественных железных дорог (1987) музей преобразован в Центральный музей железнодорожного транспорта (ЦМЖТ) СССР с подчинением МПС. В настоящее время музей является государственным учреждением культуры, в ведении Феде-

Здание музея. 1902 г.

Здание музея. 2002 г.

рального агентства железнодорожного транспорта. Сегодня Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации хранит около 60 000 разнообразных предметов, отражающих развитие отечественной железнодорожной науки и техники. Коллекции моделей подвижного состава, работавшего на железных дорогах России и СССР, моделей мостов (более 100 единиц), предметов СЦБ (автоматика на железнодорожном транспорте), не имеют себе равных в стране по научной значимости. Более 1000 альбомов содержат акварели, рисунки и фотографии по строительству железных дорог: Царскосельской, Московской, Транссибирской, Среднеазиатской и многих других.

Уникальные материалы по истории мостостроения в России – модели XIX–XX веков, чертежи, рисунки и т. п. – позволили открыть в 1992 году филиал музея «Отечественное мостостроение» в Красном Селе под Санкт-Петербургом. Экспозиция филиала (общей площадью около 500 кв. м), размещенная в шести залах здания ОАО «Мостоотряд № 19», рассказывает о мостах Санкт-Петербурга, первых деревянных и металлических шоссейных и железнодорожных мостах, о становлении школы мостостроения в России, основоположниками которой явились инженеры-путейцы.

Основные посетители ЦМЖТ – это студенты, школьники, учащиеся лицеев. Для них проводятся специализированные экскурсии с демонстрацией действующих моделей: «Физика на транспорте», «Транспорт – составная часть экономики», по профориентации и др.

Постоянная экспозиция музея, расположенная в 11 залах на площади около 1600 квадратных метров, построена тематически, в хронологическом порядке: посетитель знакомится с развитием железнодорожной индустрии от зарождения железных дорог до сегодняшнего дня.

В разделе экспозиции «Зарождение железных дорог» привлекает внимание модель (в масштабе 1 : 2) первого русского паровоза, построенного замечательными русскими механиками, отцом – Ефимом Алексеевичем и сыном – Мироном Ефимовичем Черепановыми. Паро-

Экспозиция зала «Зарождение железных дорог в России»

воз, созданный ими в 1833–1834 годах в Нижнем Тагиле, воевал по заводской дороге составы с рудой весом до 3,3 тонны со скоростью 13–16 километров в час.

Здесь же в зале представлены модели ранних английских локомотивов. Как известно, в Англии в 1825 году между городами Стоктон и Дарлингтон начала действовать первая в мире железная дорога. Интересна модель паровоза Брэнтона 1813 года. Этот локомотив, кроме колес, имел «ноги», которые были соединены с поршнем паровой машины; они толкали локомотив со скоростью 5 километров в час. Паровоз Стефенсона «Ракета», модель которого пред-

ставлена в экспозиции, развил скорость 47 километров в час на соревнованиях 1829 года в Ренхилле (Англия).

В 1837 году была открыта для общего пользования первая в России железная дорога Петербург – Царское Село – Павловск с шириной колеи 6 футов (1829 миллиметров). Строительство ее было осуществлено под руководством профессора Ф. А. Герстнера. Записка Герстнера «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск» 1836 года хранится в фондах музея. В экспозиции представлен скульптурный портрет Ф. А. Герстнера – гипсовый бюст работы скульптора В. П. Пе-

Экспозиция зала «Отечественное мостостроение»

тина и архитектора В. И. Черепанова, выполненный в 1997 году к 160-летию железных дорог России. Модель поезда, курсировавшего по Царскосельской дороге, выполненная в 1937 году, дает представление о подвижном составе: желто-голубые вагоны – кареты, линейка, платформа. Здесь же находится модель (масштаб 1:4) паровоза «Проворный», выполненная воспитанниками Петербургского технологического института в 1839 году. Именно с этой модели к 150-летию отечественных железных дорог изготовлен в Балтийском депо Октябрьской железной дороги паровоз-памятник, установленный вместе с четырьмя вагонами в 1987 году на Витебском вокзале.

Значительным событием в развитии русского железнодорожного транспорта явилось сооружение двухпутной магистрали Санкт-Петербург – Москва (1842–1851), положившей начало развитию сети железных дорог нашей страны. В числе свидетелей истории этой 650-километровой магистрали – сувенирные скатерть и платок. На них изображена «Карта направлений железной дороги, шоссе и водных сообщений между С.-Петербургом и Москвою». На карте обозначены схема железной дороги, шоссе, реки, озера, населенные пункты, расположенные вдоль трассы. По углам скатерти и платка помещены изображения вокзалов и подвижного состава. Такие скатерти и платки были выпущены как памятные сувениры к открытию движения по Петербурго-Московской железной дороге, т. е. к 1 (13) ноября 1851 года.

Один из экспонатов зала – найденный в 1947 году при производстве земляных работ фрагмент кабеля подземного телеграфа конструкции русского физика, члена Российской академии наук Б. С. Якоби, предложенного им для применения на Петербурго-Московской железной дороге. Кабель вмонтирован в стеклянную трубку и уложен в распиленный ствол дерева.

Представлен в зале и скульптурный портрет автора проекта и строителя магистрали Петербург – Москва, профессора Института инженеров путей сообщения Павла Петровича Мельникова.

Наиболее видными сторонниками строительства железных дорог были выпускники ИИПСа П. П. Мельников, Н. О. Крафт, Н. И. Липин и другие, чьи портреты можно увидеть в залах музея. Экспозиция и фондовые материалы музея отражают большой труд этих передовых инженеров, заложивших теоретические и практические основы отечественной железнодорожной науки и техники.

Экспозиция, посвященная строительству железных дорог во второй половине XIX и начале XX веков – Московско-Нижегородской, Уральской Горнозаводской, Мурманской железных дорог, Транссибирской магистрали и других, дополнена обширной коллекцией моделей мостов.

Интересны модели железнодорожного моста через овраг и реку Веребье длиной 489 метров и высотой 50 метров, считавшегося в то время выдающимся сооружением в Европе, и девятипролетного моста через реку Мсту. Модели выполнены в мастерской строителя этих мостов – Д. И. Журавского, видного ученого, строителя первых решетчатых деревянных мостов на дороге Петербург – Москва, создателя теории расчета раскосных мостовых ферм. В 1855 году он был удостоен премии Российской академии наук.

Привлекают внимание модели ферм моста через реку Волхов: двухпутная с ездой понизу и разводная с подъемным механизмом.

После замены деревянных ферм этого моста железными вместо подъемного механизма был установлен откатной: при разводке откатная тележка по поперечным рельсам откатывалась параллельно оси главного пути, а катучая ферма, перекатываясь по продольным рельсам, занимала освободившееся место.

В экспозиции также отражено строительство крупнейшей железной дороги России – Великого Сибирского пути (1891–1901). Рельсовый путь, проложенный сквозь лесные чащобы, перешагнувший широкие реки, вызвал к жизни и бурному развитию промышленности, Сибирский край. Экспонаты, рассказывающие об этой стройке, были представлены на Всемирной выставке в Париже в 1900 году и отмечены там медалями, около 100 этих предметов хранятся в нашем музее.

Уникальны модели паровозов и вагонов, рассказывающие о развитии отечественного подвижного состава.

Русское паровозостроение, возникшее в 1833–1834 годах на Урале, было продолжено в Петербурге Александровским чугунолитейным механическим заводом. В 1845 году завод начал строить паровозы и вагоны для железной дороги Петербург – Москва. В первых паровозах типа 0-3-0 цилиндры были расположены наклонно, а топка размещалась между средними и задними колесными парами.

Действующая модель сортировочной горки

Продувательные цилиндрические краны открывались снаружи. Не было будки машиниста – машинист и помощник стояли на открытой площадке между котлом и тендером. На четырехколесном тендере с деревянной рамой возвышалась гора дров, которые забрасывались в топку паровоза. Модель такого паровоза серии «Д», выполненная в середине XIX века, представлена в зале. Именно с этой музейной модели в 1960-е годы были сделаны чертежи, по которым изготовлен паровоз-памятник, установленный во дворе Пролетарского завода в Ленинграде.

В зале экспонируются фотографии и модели паровозов, по которым можно проследить эволюцию развития этих машин. Широко известность на дорогах России получили пассажирские паровозы серий «Н» и «С», грузовые паровозы серий «О», «Щ», «Э» – модели этих паровозов можно увидеть в экспозиции. Здесь же широко представлено вагоностроение дореволюционной России. Первые пассажирские вагоны, курсировавшие на линии Петербург – Москва, делились на три класса. В вагонах первого класса стояли кресла, второго класса – диваны, спинки которых переворачивались, давая возможность пассажирам сидеть лицом по ходу поезда, в вагонах третьего класса были установлены деревянные скамьи для сидения. Интересна модель пассажирского вагона четвертого класса, для «простого» люда: небольшой двухосный вагон на жестких рессорах с сиденьями-скамейками отапливался чугунной печкой и освещался сальной свечкой в фанаре. Привлекает внимание состав вагонов «Сибирского экспресса», модель выполнена в 1903 году: два вагона 2-го класса, вагон-салон, вагон 1-го класса и «вспомогательный» – технический вагон.

Широко в музее представлена работа железнодорожного транспорта в XX веке. Действующие модели и аппаратура рассказывают посетителям о развитии научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте с 1920-х годов до наших дней. Экспозиция одного из залов посвящена строительству железных дорог в предвоенные пятилетки (1926–

Галина Петровна Закревская – директор Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации, заслуженный работник культуры РФ, Почетный железнодорожник

1940) и работе транспорта в годы Великой Отечественной войны. Привлекает внимание диорама разрушенной станции, выполненная художником С. П. Светлицким, витрины с макетами бронепоездов времен Гражданской и Великой Отечественной войн. Коллекция макетов бронепоездов приобретена музеем в 1986 году у вдовы автора макетов А. И. Дикого, участника военных событий. Дополняют экспозицию работы художников на тему «Железнодорожный транспорт в годы войны».

Посетители музея видят в работе модели строительных и дорожных машин: многоковшовый канавокопатель, экскаватор, уплотняющую машину УМ и путеукладчик УК-25. Теме «Дефектоскопия рельсов» посвящен раздел, где представлены методы и приборы, применяемые на транспорте для обнаружения старения, трещин, изломов в рельсах.

В экспозиции, посвященной строительству Байкало-Амурской магистрали, наряду с фотодокументами, находятся подлинные предметы: выючное седло для лошади, плащ изыскателя, мерная лента, пикетная книжка и теодолит – подарок инженера путей сообщения Н. Н. Струве. Все это вещи изыскателей 1930-х годов – именно в те годы первые партии изыскателей проходили по трассе будущего БАМа и вбивали

первые пикетные столбики (дальнейшим работам помешала Великая Отечественная война); а когда в 1970-е годы здесь начались вновь работы, то некоторые просеки совпали с прежними пометками трассы.

Действующий макет сортировочной станции с параллельно расположенными парками прибытия, сортировки и отправления выполнен в 1937 году. Маневровый локомотив вытягивает из парка прибывшие вагоны, затем надвигает их на вершину сортировочной горки и... посетитель видит, как каждый вагон-отцеп спускается с вершины горки и занимает приготовленный диспетчером-экскурсоводом путь. В этом же зале по теме «Развитие устройств СЦБ в 1920–1930 годах» в экспозиции представлены действующие железные аппараты Д. С. Трегера, аппараты перегонной электромеханической полуавтоматической блокировки, однокрылый семафор и семафорный повортитель. Огромный интерес у посетителей вызывает действующий макет двухпутной железной дороги с четырьмя станциями. Длина макета – 43 метра, управление движением электропоездов осуществляется с настоящих пультов ДЦ (диспетчерская централизация), МРЦ (маршрутно-релейная централизация) и т. д. Здесь же в экспозиции представлены технические рисунки – схемы систем управления.

Заканчивается осмотр экспозиции представленными в двух залах моделями подвижного состава (в основном масштаб 1 : 10): паровозов, тепловозов, электровазов; вагонов для перевозки различных грузов; проектов нетрадиционного подвижного состава для скоростных железных дорог – шаропоезда, аэропоезда на эстакаде, разработанных в 1930-х годах советскими инженерами.

Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации является одним из ведущих технических музеев по истории железнодорожного транспорта, мы оказываем методическую и практическую помощь музеям железных дорог страны, имеем тесные связи с зарубежными профильными музеями, постоянные посетители наших фондов – историки транспорта, деятели кино и телевидения.

Петербург в 1816 году.

Отрывок из путевого дневника

Дж.-П. Вьёссё

Джован-Пьетро Вьёссё (1779–1863) – фигура в Италии хорошо известная¹. Его имя здесь постоянно на слуху, ибо дело жизни Вьёссё, флорентийский «Научно-литературный кабинет» [Gabinetto Scientifico Letterario G. P. Vieusseux], со смертью основателя не увяло, а напротив, осталось одним из важнейших явлений местной культуры.

«Кабинет» был основан Вьёссё спустя год после его путешествия по России и по другим европейским странам. С обстоятельствами этого долгого – четырехлетнего – вояжа теперь можно ознакомиться благодаря недавно опубликованному дневнику «Journal-Itineraire de mon voyage en Europe»².

В 1814 году, в возрасте 35 лет, итальянский коммерсант швейцарского происхождения отправился в «командировку» от компании «Сепп», пожелавшей получить достоверные и свежие сведения экономического характера о малоизвестных зонах Европы. Путь Джован-Пьетро лежал из Скандинавии в Россию; затем через Константинополь он вернулся обратно в Италию. С исключительной аккуратностью путешественник фиксировал всевозможные статистические данные, уровень цен и налогов, особенности быта и торговли.

Россия заняла главное место в его дневнике по нескольким причинам. Во-первых, в ту эпоху наша страна, сразу после победы над Наполеоном, как никогда прежде интересовала европейцев, впервые так близко – у себя дома – увидевших обитателей загадочной Московии. Во-вторых, предприимчивую западную буржуазию влекли ее гигантские природные и людские ресурсы. В-третьих, Россия возобладала в дневнике Вьёссё просто благодаря своим огромным размерам и соответствующей продолжительности путешествия – с севера страны, Петербурга, на самый юг, в Таганрог, Одессу, Крым.

Комментарии Джован-Пьетро традиционны для той эпохи: он был впечатлен величием новой столицы империи, бедностью и грязью в провинции, отсутствием местной буржуазии. В его суждениях нетрудно заметить влияние пуританского воспитания. От других иностранных путешественников Вьёссё отличало, пожалуй, восхищение перед темпами развития России, особенно в ее южных краях, и пророчество о ее великом будущем. Вот как пишет о его визите в Петербург видный современный флорентийский политолог Дж. Спадолини: «В декабре [1815 г.] Вьессе в Швеции, которую покидает следующей весной, оттуда морем отправляется в Финляндию, а 12 июня, наконец, в Петербург, в великую Россию, где остается три месяца, покоренный величием города»³.

Любопытно, что путешественник не бичевал, как это было принято в просвещенной Европе, «деспотизм русского правления». Возможно, ему можно приписать

мнение сардинского посланника в Петербурге Жозефа де Местра, писавшего в те же годы так: «Все книги сообщают о здешнем деспотизме и о рабстве русских, но могу вас уверить, что ни в одной части света нет более свободных людей – они делают все, что им захочется»⁴ (при этом политические позиции либерала Вьёссё были, конечно, весьма далеки от крайнего консерватизма де Местра).

Каким-то образом дорожные впечатления от многоголовой России, да и размышления во время долгого пути преобразовались в тот импульс, который заставил Джован-Пьетро по возвращении во Флоренцию посвятить свою жизнь просветительской деятельности – не оставляя при этом коммерции.

Длительное путешествие стало одним из главных жизненных опытов Вьёссё: молодой негодяй отчетливо осознал, что не торговля, а гуманитарные области – его истинное призвание, о чем свидетельствуют письма друзьям, в частности, его послание из Одессы, написанное в 1817 году, где он сформулировал мотивы и программу своего будущего меценатства⁵.

«Кабинет» Вьёссё, вместе с публичной библиотекой и тремя периодическими изданиями, из которых самым известным стала «Антология», был призван пробудить столицу Тосканы от летаргического сна, преодолеть затхлый провинциализм, доставшийся Великому герцогству в наследство от средневековой раздробленности, и ввести Флоренцию в русло интеллектуальной жизни Европы.⁶

Задача эта с блеском удалась. Вокруг начинания Вьёссё сплотились лучшие интеллектуальные силы города, а «Кабинет» превратился в некую творческую лабораторию, где готовилось возникновение новой страны – объединенной Италии. Широте взглядов, разнообразию инициатив мецената и их успехам, вне сомнения, способствовала его формация: он происходил из франкоязычной семьи швейцарцев, покинувших в конце XVII века родную Францию, где их ущемляли за протестантизм (во Флоренции Вьёссё стал одной из главных фигур реформатской общины), а посему он на семейном опыте познал важность принципов либерализма и веротерпимости.

Для знакомства тосканцев с современной европейской мыслью Вьёссё организовал закупку книг и подписку на ведущие зарубежные журналы. Солидную часть во вновь учрежденной библиотеке заняли русские издания: основатель «Кабинета» всегда был внимателен к жизни России и привлек ряд российских литераторов и ученых к сотрудничеству.

Любопытно, что именно наличие свежих русских газет во Флоренции подтолкнуло Ф. М. Достоевского остановиться на берегах Арно в 1868–1869 годах, о чем сообщила в своих воспоминаниях его жена, Анна Гри-

горьевна. Сразу по прибытии в этот город Ф. М. Достоевский возобновил свой читательский абонемент. Вдова писателя впоследствии писала так: «Во Флоренции, к нашей большой радости, нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами, и мой муж ежедневно заходил туда почитать после обеда. Из книг же взял себе на дом и читал всю зиму сочинения Вольтера и Дидро<...>»⁷. Писатель посещал библиотеку в Палаццо Буондельмонти, в то время как в настоящее время «Кабинет» Вьёссё размещается в Палаццо Строцци на одноименной площади.

В 1982 году в Италии был опубликован, под редакцией русистики Лючии Тонини, каталог русских книг

«Кабинета», закупленных в течение первого века его существования, то есть в 1819–1919 годах⁸. Каталог ввел этот редкий фонд в научный оборот, дав хорошее представление о широте кругозора Вьёссё и его преемников. В нем же опубликована подпись Ф. М. Достоевского-читателя.

Предлагаем полный текст части дневника Вьёссё, относящейся к его путешествию в Петербург⁹. Путешественник записывал события и впечатления по разработанной им схеме, выделяя в отдельные главки маршруты с подробным указанием расстояний в милях (которые нами опущены) и собственно описания городов и местностей.

Из Або в Петербург

5 июня 1816 года. Я остановился на два дня в Або* – столица Финляндии – ныне оккупирована русскими – посредственный город – порт – замок и церковь, готические памятники. Музей, красивое современное строение с великолепными колоннами из красного гранита, добытого из огромных пригородных карьеров – нанял скверную бричку.

7 июня. Из Або в Гельсингфорс – город – откладываю все дела, намеченные на 7 июня, дабы осмотреть знаменитую крепость Свеаборг: представлен ее коменданту, адмиралу графу де Гейдену¹⁰, который выделил мне своего адъютанта, всё подробно мне показавшего. Паровая баня по-фински.

8 июня. В Борго¹¹: весьма красивый город – провел тут несколько часов – нигде почтовые кареты не перевозили меня так быстро, как в Финляндии – дороги проложены по граниту и весьма хороши. Ловиса: город, довольно красивый – остановился на целый день.

9 июня. В Фридрихсгаме¹², русская крепость – 2 часа пребывания. Выборг, морской порт и крепость, первый русский город. Въехал на территорию русской Финляндии; в Выборге провел один день.

С 10 по 12 июня. День и ночь – в Петербург.

1816 год. Финляндия

Мне было приятно проехать эту часть финских берегов весной. Хотя она не является самой живописной, я, тем не менее, был весь-

ма удовлетворен своим путешествием к Выборгу – новые законы, данные Россией – план сделать Гельсингфорс столицей – убогость финнов и контраст по сравнению со Стокгольмом – мягкость их языка и церковных песнопений – значительность этого приобретения для русских. За Выборгом – край бесплодный, песчаный, с еловыми лесами, край дикий: падают только неприглядные деревни – местные финны, давно ставшие русскими¹³, напоминают последних одеждами и особенно бородами – гранитный характер финской почвы – обычаи народа менее испорчены, нежели в Швеции, я имею в виду горожан – окрестности Петербурга, куда я прибыл 12 июня в полдень: грустные, дикие, пустынные и болотистые – вот впечатления, что я испытываю, въезжая в эту столицу.

1816 год. Петербург

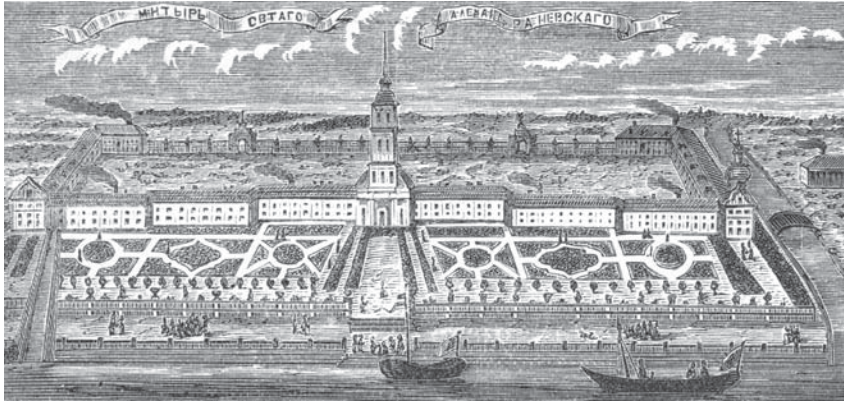
Вселился в огромную гостиницу «Европа», теряющую по накоплению то, что она сперва выигрывает благодаря размерам: очень дорого, чувствую себя тут

плохо. Остановился в ней всего на два дня. Ищу меблированную квартирку и нахожу такую, из двух комнат, на Адмиралтейской улице¹⁴, угол Малой Морской, № 103, дом Строгольщикова, на третьем этаже, у господина Gомонт¹⁵, бывшего метрдотеля императора, женатого на очаровательной англичанке – 150 рублей в месяц – слуга за 3 рубля в день – русский язык и отсутствие каких-либо адресных книг ставят иностранцев в полную зависимость от этих людей, которые почти поголовно – мошенники и агенты полиции. Здесь все ужасно дорого – экипаж, или дрожки [Drosky] стоят 350 рублей в месяц – 450 рублей за дрожки с четырьмя лошадьми; для поездок за город эту сумму надо увеличивать. Петербург поначалу впечатляет своими размерами, грандиозностью, красочной набережных, шириной улиц, регулярностью и превосходной полицией, здесь царящей. Однако при пристальном осмотре город порядком теряет. Многие дворцы и дома перегружены колоннами дурного вкуса; исполненные из кирпича и гипса, они к тому же

Дом Шила. Малая Морская ул. Худ. Ф. Ф. Баганц. Акварель, 1851–1852 гг.

* Шведское название г. Турку. – Ред.

Александро-Невский монастырь (с 1797 г. – лавра). Гравюра А. Ф. Зубова

подвержены быстрому разрушению. В Петербурге все плоско, нет ничего в высоту, нет и великих монументов, что уже издали должны предвещать столицу. Во всех больших городах Европы церкви выше домов, здесь наоборот. Собор Казанской Божией Матери и монастырь Св. Александра Невского – единственные значительные постройки этого типа, но архитектура собора с его многочисленными гранитными колоннами, достойными восхищения, всё же грешит против правил искусства. Можно бесконечно долго наслаждаться прекрасными видами берегов Невы, но регулярные и пустынные улицы в конце концов начинают казаться монотонными – дом Livio¹⁶ – один из наиболее удачно распо-

Петербургская биржа

У входа на кладбище Александро-Невской лавры. Худ. Котарбинский

ложенных – очень много экипажей с двумя и четырьмя лошадьми – мало пешеходов – чего не хватает этой столице, как и в других городах России, так это третьего сословия. Встречаются красивые женщины, однако публичные девки в этих краях непривлекательны.

Ко всему прочему Петербург, должно быть, более оживлен и блестящ зимой, а не летом – вся сельская местность, находящаяся на Каменном острове [Kaminiostroff], на Невских островах, на Петергофской дороге, великом тракте по на-

правлению к Риге, очень красива и благоуукрашена, блестит самыми яркими красками. Можно подумать, что находясь на берегах Ганга, а не Невы; но эта радость длится не более трех месяцев, а малые габариты сельских домов, поставленных слишком тесно, а также пыль во многом портят удовольствие – пыль в городе – русский и немецкий театры – русская музыка – балет – русские танцы. Национальный русский костюм – бородатые мужчины – мужики [Mugiks] – кучера и лакеи – пади [raggi]! пади! – национальная повозка, дрожки – кибитка [Kibika] – выходя из биржи, я рассердился¹⁷ – русское богослужение – русское пение в церкви – императорская капелла – праздник в Петергофе¹⁸ – толпа, неприятные происшествия – конная статуя Петра I.

Вот список достопримечательностей, которые надлежит осмот-

реть в Петербурге и окрестностях; я отметил те из них, познакомиться с которыми мне позволило время и желание: таким образом, предоставляю лишь перечень увиденного – в мои намерения не входило более подробное описание¹⁹.

Петербург

Помеченные названия²⁰ обозначают достопримечательности, мною осмотренные.

*Набережные; Адмиралтейство; *Михайловский дворец, смотреть нечего; *конная статуя Петра I; *Таврический дворец; Зимний дворец: Зал аудиенций, он же Георгиевский, хранилище короны и скипетра и т. д.; *Эрмитаж, сад; *дом Экономического общества, смотреть нечего; *статуя Суворова; *Румянцевский обелиск; Галерный двор и верфь; *почтамт; пеньковый завод; *Исаакиевская церковь; Медицинское училище; *сгоревший Большой театр; *большой рынок; *Биржа; *Арсенал; *Шпалерная фабрика; *бронзовая статуя Петра I; *католическая церковь; *Казанская церковь; *монастырь и церковь св. Александра Невского; *Академия наук и Глобус; *Академия изящных искусств; Воспитательный дом св. Екатерины; Императорская картинная галерея; коллекция моделей; *Императорская библиотека; публичная библиотека графа Szechen²¹; Анатомический кабинет; *Строгановский парк; *аллеи и сады островов; *Екатериненгоф, деревня; *Александровка, там же; Красный кабак; *Русский театр; Немецкий театр; Шлиссельбургская дорога – Пелла; *Дворец и сад Каменного острова; *Чесма; *Царское Село; *Петергоф; капелла Ланских; *Павловск; Гатчина, *Стрельна; *монастырь св. Сергия; *Ораниенбаум; *Кронштадт; *Пергола, Шуваловский парк; домик Петра Великого; Строгановский дворец и картины; дворец Безбородко; Шереметевский дворец; дворец Белосельских; Юсуповский дворец; Императорский кабинет, или бюро; *фабрика льда; военные и гражданские госпитали; сумасшедший дом; родильный дом; дом найденышей; венерическая больница; *дом инвалидов, смотреть нечего; Хирургическое училище; Ботанический сад; Ка-

детский инженерный корпус; Главное военное училище; Греческая коллегия; дом благородных девиц; воспитательный дом; вдовый дом; немецкая школа; *литейный завод Берта; *Мальтийская церковь; *армянская церковь; *браеке, т. е. еврейский магазин; *конопляный и льняной магазин; *магазин конопляного и льняного масла; *лавки; фруктовый и птичий рынок; *прекрасная вокальная музыка в церквях; *крепость, могилы императоров; *Монетный двор и паровые машины.

Петербург

Русское гостеприимство славится совершенно справедливо – я испытал его на себе: в течение всего моего пребывания в Петербурге не прекращались застолья в городе и в сельской местности. Несмотря на это, жизнь негоцианта в столице скучна, так как среди торговцев совсем немного предприимчивых мужчин и женщин, и здесь, как и на всем Севере, только еда и игра являются предметом беседы – человек, который не играет, считается пропащим – слишком много роскоши – слишком много вынужденных расходов – мало красивых женщин – нет вкуса в музыке и живописи – не хватает духовной культуры – основу этого общества составляют немцы и англичане – но нет правил без исключений – дома, принадлежащие Rall²², Livio, Colombi, Severin²³ составляют это исключение, ибо посещаются дипломатами и местными аристократами. Разделяющая линия между аристократами и коммерсантами очень явственна.

Я прилагаю здесь список всех жителей Петербурга, воспоминания о которых мне приятны или которые были любезны ко мне во время моего трехмесячного пребывания; я уехал в Ригу 29 сентября, и путешествие туда заняло месяц. Для того чтобы увидеть столько людей и вещей, мне пришлось вести необыкновенно активную жизнь.

Мои

коммерческие знакомства

Графиня Colombi; баронесса Rall; мадам Livio и ее две дочери-

Граф Николай Семенович Мордвинов. Худ. К. Я. Рейхель

красавицы; Mayer, датский консул и его семейство; государственный советник de Storch; профессор литературы Adelung²⁴; James, брат английского консула в Одессе; библиотечкарь Академии Meyer²⁵; поляк Peder, красавец-сын Severin; голландский посланник Verstock van Zuulen²⁶; шведский поверенный в делах Brandel; камергер Зиновьев; министр-адмирал Мордвинов²⁷; архитектор Mauduit²⁸; российский консул в Амстердаме Brunet; мой генуэзский знакомец Hesse; Cesar из Бордо с супругой; путешественники de la Marniere и Wickmann; Flessiere; мадам Viollier с сестрой; пастор из Генуи Laussausai; моя хозяйка мадам Gomont; ее тетя мадам-муазель Jackson; Delbos из Бордо; Brandenburg²⁹, тоже оттуда; Le Camus, секретарь господина de Noailles³⁰.

Коммерческие знакомства, принесшие мне пользу

Stiegliz³¹ и К° – его сестра; Samada Baume³² и К°; Sterkey³³ и К° – шведское консульство; Aug. Scheer и К° – очаровательная женщина; Loder из дома Simond и К°; Severin с сыновьями; мадам P. Severin на Каменном острове, A. Severin из Петергофа; Severin-мать; Allan Stewart и К°; Schmidt из любекского дома Schmidt Plessing; F. W. Amburger³⁴ и К° – их дамы; Louis Boissonet – его жена; Blessig³⁵ и К°; Bach Dailey и К°; Byhtlingh; J. Colombi и К°; Ch. Dahler³⁶ с сыном; Ch. Grammam; Jean Krause; братья Livio; Mollwo³⁷ с сыном; Montreal; Meyer и Brunner³⁸;

Platzmann и Goplaer; барон Rall; посредник Ziehlau.

Как видно из нижеследующего, я совершил поездку в Ригу, а затем еще раз остановился в Петербурге – до 29 сентября, вынужден-

ный, к сожалению, выехать для пересечения Российской империи так поздно и увидеть ее только под снегом. Нанимаю за 850 рублей бричку на рессорах, изготовленную на большой русской фабрике,

выиграв добрый приз на лотерее: со мной в Одессу едет господин Blessig-племянник.

Уезжаю с сожалением: расставаться всегда тяжело.

Публикация М. Г. Талалая

¹ Биографию Вьёссё см.: Ciampini R. Gian Pietro Vieusseux, i suoi viaggi, i suoi giornali, i suoi amici. Torino, 1953; Спадолини Дж. Европейская идея в период между просвещением и романтизмом. СПб., 1993 (глава «Вьёссё – европеец», С. 59–73); Талалай М. Г. Жан-Пьер Вьёссё: швейцарский меценат между Петербургом и Флоренцией // Швейцарцы в Петербурге. СПб., 2002. С. 448–452. Его личное двойное имя иногда пишется как Джан-Пьетро, или Джампьетро, или же, т. к. Вьёссё был по происхождению франкоязычным, Жан-Пьер.

² Vieusseux G. P. Journal-Itineraire de mon voyage en Europe (1814–1817). A cura di L. Tonini. Firenze, 1998 (см. рец.: Талалай М. Путешествие из Петербурга во Флоренцию // Русская мысль. 2000. 13 апр. № 4313. С. 17).

³ Спадолини Дж. Указ. соч. Р. 62.

⁴ Цит. по: Mascilli Migliorini L. Le frontiere della liberta e dispotismo // Vieusseux G. P. Journal-Itineraire... Р. XXIV.

⁵ Используя современное выражение, вояж Вьёссё можно назвать экзистенциальным: в том же письме он жаловался на свое состояние «несчастливого негодяя», которому хотелось бы изучать филологию, но вместо этого ему пришлось осваивать лишь «искусство тарифов», см. Bossi M. Vieusseux e il viaggio // Vieusseux G. P. Journal-Itineraire... Р. X.

⁶ См. Дезидери Л., Талалай М. Флорентийская библиотека Вьёссё и ее русские читатели // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. СПб., 2002. Т. 154. С. 248–253.

⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 184.

⁸ Catalogo delle opere in lingua russa acquisite dal Gabinetto G.P. Vieusseux nel primo secolo della sua attivita (1819–1919). A cura di L. Tonini. Firenze, 1982.

⁹ Перевод осуществлен с франц. яз. В. И. Тарсенковой под ред. М. Г. Талалая по: Vieusseux G.P. Journal-Itineraire... Р. 73–82.

¹⁰ Адмирал Л. Гейден (1772–1850) прославился в победоносном Наваринском сражении 1827 г.

¹¹ Финское название – Порво; один из старейших городов Финляндии, известен Боргоским сеймом 1809 г., на котором делегаты обсуждали новый статус Финляндии в составе Российской империи.

¹² Финское название – Хамина.

¹³ Т. е. российскими подданными.

¹⁴ Совр. Гороховая улица.

¹⁵ Фамилии иностранцев оставлены в авторском написании.

¹⁶ Торговый дом братьев Ливлио обосновался в России со второй половины XVIII века; см. Шаркова И. С. Россия и Италия. Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 176; резиденция Ливлио находилась на Невском проспекте.

¹⁷ Почему он «рассердился», Вьёссё не сообщает.

¹⁸ Вероятно, престольный праздник кафедрального собора Петергофа, день святых апостолов Петра и Павла.

¹⁹ По наблюдению Лючии Тонини, редактора итальянского издания дневников Вьёссё, путешественник при составлении программы осмотра петербургских достопримечательностей пользовался путеводителем Рейхара (Reichard H. A. O. Guide des voyageurs dans le Nord), первое издание которого вышло в 1793 г.

²⁰ В нашей публикации пометы сделаны звездочками; в оригинале – наклонными чертами.

²¹ Вероятно, библиотека графа П. К. Сухтелена, известного собирателя книг.

²² Барон Александр Александрович Раль (1756–1833), придворный банкир в царствование Александра I и устроитель музыкального салона; проживал на Английской наб., совр. д. 72; см.: Соловьева Т. По Английской набережной [СПб., 1995]. С. 42; Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 479.

²³ Торговый дом Северина находился на Исаакиевской площади; см.: Санктпетербургская адресная книга. СПб., 1808.

²⁴ Федор Павлович Аделунг (1768–1843), уроженец Штеттина, историк, филолог, директор Немецкого театра в Петербурге, директор Института восточных языков при МВД, наставник великих князей Николая и Михаила Павловичей; см. о нем: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1. С. 46; Русский биографический словарь, СПб., 1896. Т. 1. С. 71–73.

²⁵ Л. Тонини полагает, что речь идет о М. В. Майере, библиотекаре Российской академии наук.

²⁶ Ян Гийсберт Верстольк ван Зоелен (1776–1857), посланник Нидерландского королевства в России.

²⁷ Граф Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), крупный государственный деятель либерального направления, первый морской министр при Александре I, см. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1908. Т. 2. Вып. 3. С. 619.

²⁸ Антуан-Франсуа Модуи (1775–1854), работал над строительством Большого театра и Исаакиевского собора; покинул Россию в 1827 г.; см. о нем: Dezobry L. C., Brachelet J. L. T. Dictionnaire general de biographie et d'histoire. Paris, 1869. Vol. II. P. 377.

²⁹ Член семейства Георга Брандербурга, баварца по происхождению, основавшего в Бордо винный торговый дом.

³⁰ Граф А. де Ноайе (1777–1840), французский посланник при Александре I.

³¹ Барон Людвиг (Любим) Иванович Штиглиц (1778–1843), придворный банкир и меценат; см.: Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23. С. 427–428.

³² Самада Бауме, купец 2-й гильдии; см.: Санктпетербургская адресная книга. СПб., 1808.

³³ Густав Стерки (1782–1863), коммерсант, в течение почти полувека служивший шведским консулом в Петербурге.

³⁴ Ф. Амбургер, почетный гражданин Петербурга; см.: Санктпетербургская адресная книга. СПб., 1808 г.

³⁵ По Санктпетербургской адресной книге (1808 г.) Торговый дом Блессиг находился на Английской набережной.

³⁶ По Санктпетербургской адресной книге (1808 г.) Торговый дом Далер находился на Невском проспекте.

³⁷ По Санктпетербургской адресной книге (1808 г.) Мольво – купец 1-й гильдии, коммерческий советник; на его дочери Елизавете был женат барон А. А. Раль.

³⁸ По Санктпетербургской адресной книге (1808 г.) – немецкая компания.

Многоуважаемые члены редакции!

Проживая вот уже 5 лет в Германии, я тем не менее по-прежнему состою членом общественной организации «Институт Петербурга», работаю для нее и с неослабевающим интересом читаю и использую в работе ваш журнал.

В архиве моего отца, Владимира Яковлевича Ионаса (22.VIII. 1900 – 07.XI. 1988), который находится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки и рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома), среди других материалов хранятся воспоминания «Немецкая школа», которые я и хочу предложить вашему вниманию.

Пользуясь правами дочери, а также будучи редактором по профессии, я немного сократила рукопись, а также минимально отредактировала.

Мой отец, Владимир Яковлевич Ионас, всю свою долгую жизнь был, что называется, человеком письменного стола. Работая много лет на скромной должности юриконсультанта ленинградских предприятий, он был занят в основном духовной – философской и литературной – внутренней работой. В составе его архива: драматическая поэма «Фауст против Мефистофеля», над которой Владимир Яковлевич работал более 30 лет (1943–1975); сборник стихов «В поисках истины»; биографические работы «Философия одной жизни. Исповедь», «1941 год. Военная хроника»; мемуарные очерки «Немецкая школа», «Коммунальная квартира», «Три встречи с Андреем Белым», «А. И. Цветаева. Встречи. Переписка. Оценка личности» (1980. Опубликовано в журнале «Грани». 2001. № 198–199) и др.

Папа родился в семье петербургского провизора. С 1909 по 1917 год учился в немецкой школе St. Katharinen Schule, получил среднее образование в гимназии К. Мая. Учился на историко-филологическом и философском факультетах (в семинаре проф. Н. О. Лосского) Петроградского университета, закончил правовое отделение факультета общественных наук в 1924 году. Участник Великой Отечественной войны. Всю жизнь писал стихи – в основном философского содержания. В 1954 году защитил кандидатскую, а в 1966 году – докторскую диссертацию, посвященную вопросам авторского права. С 1958 года преподавал право. Автор многочисленных правовых статей и книги «Критерий творчества в авторском праве и судебной практике» (М.: Юрид. лит., 1963).

Воспоминания о St. Katharinen Schule были закончены в 1984 году, а через 4 года отца не стало. Он был одновременно человеком и старой культуры, и советского времени – следы такой двойственности можно найти во всех его работах.

Н. В. Скворцова

Немецкая школа

Очерк

В. Я. Ионас

Мне было пять лет, когда родители начали готовить меня к поступлению в немецкую школу. В то время в Петербурге было четыре немецкие школы, принадлежащие лютеранской церковной общине: St. Katharinen Schule, St. Petrischule, Annenschule и Reformierte Schule. В этих школах преподавание всех предметов (исключая, конечно, русский язык) велось на немецком языке. Я должен был поступить в первую – Екатерининскую школу, помещавшуюся в д. № 55 по Большому проспекту Васильевского острова, где в данное время находится Василеостровский районный комитет КПСС¹.

Была приглашена учительница немецкого языка – Ядвига Николаевна Дааль. Она приходила к нам на полдня, вела с нами – со мной и моими сестрами – разговоры и игры на немецком языке, водила

нас на прогулку в Румянцевский сквер, что на Университетской набережной. В то время его чаще называли Соловьевским садом по названию выходявшего к нему Соловьевского переулка, ныне переулка Репина.

Фройлейн Дааль распевала с нами немецкие песни, которые и ныне поются в Германии: «Schlaf, Püppchen, schlaft, ihr habt dazu noch Zeit» и другие. В особенности запомнилась мне мелодичная рождественская песня «O, Tannenbaum, o Tannenbaum, wie grün sind deine Zweige», которая и ныне поется в Германии, как она пелась в середине прошлого века* на рождественских праздниках в доме Будденброков (Томаса Манна) и еще задолго до этого в других немецких домах.

Года через два Ядвигу Николаевну сменила ревельская немка из евреек Fräulein Wolff – Фанни Александровна Вольф. Она поселилась у нас в доме в качестве гувернантки и стала членом нашей семьи до 1913 года включительно. Фройлейн Вольф подготовила меня к экзаменам по русскому, немецкому языкам и арифметике в старший подготовительный класс. В училище было два подготовительных класса – младший (A-Klasse) и старший (B-Klasse). В младший принимали детей с нулевой подготовкой, а в старший приходилось сдавать экзамены по трем предметам.

По действовавшему тогда закону число евреев, поступавших в средние и высшие учебные заведе-

* Имеется в виду XIX в. – *Ред.*

ния, не могло превышать трех процентов от общего числа принимаемых, поэтому практиковался конкурс. Как правило, немецкая школа набирала детей из состоятельных слоев населения, из семей фабрикантов, владельцев магазинов, интеллигенции. Стоимость обучения составляла 136 руб. 40 к. в год. За первую четверть года взнос был равен 36 руб. 20 к., за вторую – 35 руб. за третью – 35 руб. 20 к. и за четвертую – 30 рублям. Одновременно со мной был допущен к экзаменам сын синагогального служки – «шамеса» по-еврейски. Это была крайне бедная многодетная семья, где высоко чтили имя Л. Н. Толстого и плакали при получении известия о его смерти. Звали мальчика Данскер Соломон Моисеевич, или просто Сёма. Ему предоставили вакансию стипендиата, т. к. родители не имели средств для оплаты обучения сына. Сёма был гоним в классе за его бедность, и ему было суждено стать моим любимым товарищем и другом на всю жизнь. Его уже нет в живых, этого благородного человека, а в книжном шкафу у меня все еще хранится книга «Reineke Fuchs», которую он подарил мне бог знает на какие средства. На титульном листе детским почерком написано: «На память дорогому товарищу от С. Данскера. Вековечный товарищ». Это было в 1912 году.

Весной 1908 года Сёма и я благополучно выдержали экзамены, и осенью того же года оба мы, самые маленькие в классе, уже сидели за одной партой в первом ряду. Помню чувство гордости, с которым я надел на спину ранец. А в Соловьевском саду, куда фройлейн Вольф продолжала водить меня и сестер, меня спрашивали: «Ты екатерининец?». В свою очередь я спрашивал: «Откуда ты знаешь?». Дело в том, что учеников Екатерининского училища выдавала одежда: мы не носили формы гимназии или реального училища, кроме того, одеты были лучше других. Однако озорники дразнили нас распространенной в то время дразнилкой: «приготовишки – мокрые штанишки». Это было недалеко от истины, т. к. за три года до поступления в подготовительный класс я вернулся из Соловьевского сада домой с мокрыми

7-я линия Васильевского острова, 36, – здание, построенное на месте, где прежде находился дом семьи Ионасов

штанишками. А так как авария случилась на нижнем этаже лестницы, которая вела к нашей квартире в третьем этаже, то фройлейн Дааль дала мне дома тряпку и велела вытереть лужицы на всех пострадавших ступенях лестницы.

Школа начинается с вестибюля

Когда вы, придя утром в школу, отворяли тяжелую сводчатую дубовую входную дверь и оказывались в вестибюле, вы сначала спускались в подвал, где находился гардероб, а затем подымались на один лестничный марш, от которого влево и вправо вели коридоры: левый в подготовительные классы, а правый к кабинету директора, в канцелярию, в зал для уроков пения (Gesangsaal) и к лестнице в другие классы, расположенные на верхних этажах. На перилах лестницы были набиты металлические шишки, чтобы школьники не съезжали с них.

Так вот, когда вы утром входили в вестибюль, то наверху лестничного марша стоял наподобие запомнившегося мне памятника круглый школьный инспектор, он же преподаватель географии в 1-м и 2-м классах. Звали его Коппэ (Herr Koppe). В левой руке он держал записную книжку, в правой – карандаш и записывал фамилии учеников, опоздавших явиться к началу занятий – 9 часам. Число

опоздавших по неуважительной причине, так же как и число уроков, пропущенных по болезни, отмечалось в четверти (Zensur).

На площадке лестничного марша был вывешен на стене небольшой шкафчик, где за стеклом под замком хранились потерянные школьниками мелкие предметы: перочинные ножи (до которых я был большой охотник), стиральные резинки, точилки для карандашей и т. п.

Приготовительный класс

Учитель занимал место в классе не за столиком, как теперь, а на кафедре. В начале урока первый ученик – так называемый Primus («примус») подносил учителю вставку с пером (теперь говорят «ручку») и список учеников, не явившихся на урок. Примусом назывался ученик самого примерного поведения, успевающий в учении. В нашем подготовительном классе эти обязанности исполнял сын пастора Sickard (Сиккар). Я запомнил его на всю жизнь, тогда как внешность других учеников (кроме Данскера) изгладилась из моей памяти. Сиккар представлял собой хрестоматийный образец с врезавшимся в мою память елейным выражением лица. Когда он, чуть склонив голову на бок, направлялся со своими атрибутами к ка-

федре учителя, казалось, с его лица потечет сахарный сироп. В классе он держался особняком. Как-то я попросил его помочь мне в каком-то уроке, но он тоном проповедника сказал мне, что я должен уметь учиться сам. Этот тон я до сих пор не могу забыть. Из темноты далекого прошлого образ этого немецкого мальчика, этого пастора и пастьера *in futuro*², стоит в моем воспоминании как печальный символ немца, недостойного своей великой нации.

Преподавание в классе вели три учителя: два немца и один русский. Herr Ohre (Орэ), добродушный, немного грузный немец, преподавал арифметику. Не помню случая, чтобы он повысил на ученика голос или пригрозил ему чем-нибудь. Когда мальчики становились на утреннюю молитву в большом рекреационном зале (т. н. Aula), выстаиваясь по рядам и держа в руках молитвенники (Kernlieder), Орэ садился за фисгармонию и по окончании проповеди пастора (Rheintal, Busch) сопровождал хор мальчиков церковной мелодией.

Немецкий язык преподавал желчный злой старик Krogsen (Крогсен). Я ни разу не видел улыбки на его лице. Строгость его пугала учеников и особенно меня. Преподавание немецкого языка велось методом *Ausschauungsunterricht*, т. е. с помощью наглядных пособий: разворачивался и вешался на классную доску рулон коленкора с нарисованным на нем пейзажем и людьми за разными занятиями, ученик по-немецки рассказывал, что он видит.

Учителем русского языка, который мы изучали по учебнику «Русская речь», был Новоуспенский. В то время он мне казался строгим. Теперь же, вспоминая его, я отношу это впечатление за счет его зычного голоса и чуть грубоватой манеры разговора, которые очень меня смущали, когда я заслужил какое-то замечание с его стороны. Воспроизводя в памяти его интонации, я понимаю, что это замечание не было угрожающим, а дело заключалось в моей застенчивости. Однажды Новоуспенский спросил меня в классе: «У твоего отца в аптекарском магазине продаются градусники?» Я поведал об

этом отцу, который на следующий день дал мне с собой корзинку, наполненную градусниками, запретив мне брать от учителя деньги. Когда я, подобно коробейнику, раскрыл на парте свой товар, то Новоуспенский в присущей ему грубоватой манере громко отчитал меня перед классом: «Ну вот, ты бы еще весь магазин сюда притащил», однако градусник себе выбрал к удовольствию моего отца.

В приготовительном, как и в других классах, назначался дежурный (Ordner), в обязанности которого вменялось, между прочим, ежедневно заполнять на имя отсутствующих по болезни учеников т. н. *Aufgabenzettel*, т. е. рапортички, отпечатанные в типографии, куда дежурный вписывал фамилию отсутствующего ученика и перечень заданных на завтра уроков. Эти рапортички хранились в специальном висячем шкафчике на стене вестибюля. Гувернантки, бонны, горничные или родственники больного приходили за ними по окончании уроков.

Выше я упомянул о зале для пения. В младших классах мы учились пению и рисованию. Пению нас учил добрый старик Gesselbard. Он носил большую седую бороду. Гессельбард учил нас сольфеджио и был доволен моим слухом, я был у него в первых учениках. Иначе дело обстояло с рисованием, которое нам преподавал русский человек с немецкой фамилией Шульц.

Здание бывшей Екатерининской немецкой школы

Рисовали мы в особом зале (он же служил для химических и физических опытов). Мы срисовывали орнаменты, вазы, гипсовые фигуры. Я удивлялся, как это другим ученикам удается так верно передавать оригинал, чего мне никак не удавалось сделать. Шульц был деликатный, добрый человек, этим ученики злоупотребляли, мешая ему на уроках. Когда Шульц заболел (1913 г.) и слег в больницу, Сёма и я оказались единственными учениками, навестившими его.

Дисциплина. Меры поощрения

Обращение к учителям и даже к служителю школы, небольшого роста человеку, потерявшему руку на Русско-японской войне, имело определенную форму: господин учитель, господин служитель (Herr Lehrer, Herr Schuldiener). Допускалось обращение по фамилии учителя: господин такой-то. Как правило, между учителями и учениками существовало холодное расстояние, это относилось преимущественно к учителям немецкого происхождения. Учителя носили вицмундиры в виде темно-синих сюртуков с медными пуговицами. Эта форма, как мне казалось, своей официальностью создавала расстояние между учеником и учителем, она же как-то влияла и на поддержание дисциплины, символизируя власть. А власть была. Ведь в то время, о котором я пишу, скомпрометировавший себя неисправимый ученик подвергался остракизму – исключению из школы. Мера эта была устрашающей и эффективной, т. к. социальная психология тогда была иной, чем теперь, и отсутствие образования резко сказывалось на общественном положении человека и возможности добиться успеха в жизни.

Какова же была в классе дисциплина? Я не помню ни одного эксцесса на уроке за исключением поведения мальчика Вейса. Он был не вполне нормальным ребенком. Будучи во время урока удален из класса за ненадлежащее поведение, он бегал по коридору и трубил, подражая паровозу. За его отклонения от нормы в классе его не любили и издевались над ним: «Вейс вор, украл топор, полез в окно, упал в...». Антисемитизма в классе не

было, учителя в школе были тоже безупречны на этот счет. Я не говорю о единичных антисемитских выходках по отношению ко мне со стороны учеников других классов.

Наказания учеников сводились к наложению взысканий, которые записывались в дневнике ученика, обязанного представить учителю подпись родителей в дневнике. За проступки были предусмотрены три вида взысканий, которые записывались в дневник и в классный журнал. Это, во-первых, Rüge, во-вторых – Tadel, а в-третьих – Nachsitzen. Слова Rüge и Tadel переводятся в словаре одинаково: порицание и выговор; в действительности «тадель» был много строже, чем «рюге» и назначался за наиболее тяжелые провинности. Достаточно сказать, что ученику, получившему в году три «таделя», угрожало исключение из школы. Однажды я провинился в чем-то, не бог весть как, и Кроссен со свирепым видом, которого я до сих пор не забыл, пригрозил мне «таделем» за повторный случай. Не могу забыть и того ужаса, который я испытывал перед этим грозным словом. Nachsitzen – это была отсидка после уроков в классе. В то время мне казалось, что если после отсидки очень быстро бежать домой, то можно наверстать несчастное время и никто не заметит случившегося.

Авторитет учителя в школе был очень высок, и одной из причин этого была власть. На уроках сидели тихо, проказы совершались под партой. Я не знаю ни одного случая за все время моего пребывания в школе, чтобы ученик осмелился не только сказать грубое слово учителю, но просто ослушаться его. Хулиганские выходки случались во дворе без надзора учителя, но они бывали редко. Возможность быть исключенным из школы висела дамокловым мечом над каждым озорником, дисциплина в семье дополняла школьную.

Строгая дисциплина и расстояние между учеником и учителем иногда воспринимались мною как казенный дух, господствовавший в школе. Насколько это было верно, мы увидим ниже. Во всяком случае, взрыв протеста я пережил, когда в 1916 году принял участие в школьном празднике моей сестры,

учившейся в частной гимназии М. Д. Могилянской на 4-й линии Васильевского острова³. Директором школы тогда был Николай Васильевич Балаев, своей внешностью напоминавший А. И. Герцена. М. Д. Школа Могилянской отличалась, как принято тогда было говорить, «свободным духом», теплыми человеческими отношениями между учащимися и преподавателями. На празднике я был до такой степени поражен атмосферой дружбы и товарищества между школьницами и администрацией, что, вернувшись домой, тут же сочинил стихотворение и отправил его Н. В. Балаеву. Я благословлял образ жизни его школы, атмосферу света и добра. Из всего стихотворения мне запомнились только четыре строчки:

*Я ученик немецкой школы,
Питомец строгих дисциплин,
Где нет друзей, где стены голы,
Где я лишь пасынок, не сын.*

Оставим эту филиппику на совести ее юного автора, мы вернемся к ней ниже, а сейчас продолжим наше повествование.

Говоря о соблюдении строгой дисциплины в классе, я должен сделать исключение для тех редких случаев, когда учителем оказывался слабонервный человек, терявшийся перед лицом ученического стада, травящего того, кто слабее его. Был у нас такой несчастный преподаватель истории средних веков, некто Аун. Ученики сразу поняли, что имеют дело с хлюпиком, и вели себя с ним нагло. Лицо его заливалось краской бессильного возмущения, что подливало масла в огонь. Я помню возмутительный случай в 6-м или 7-м классе на уроке этого учителя. Когда Аун по ходу урока назвал, если не ошибаюсь, вершину какого-то горного хребта «Пик д'Аннету», кто-то из наших верзил-монтаньяров, сидевших на последних, самых высоких партах, выкрикнул это название, придав ему путем замены одной буквы в первом слове грязное непристойное звучание для немецкого уха. Лицо Ауна налилось кровью, глаза бегали по партам последнего ряда, ища виновника. «Кто сказал?» – выдохнул из себя Аун. Молчание. Молчание длилось около полуминуты, прежде чем Аун смог продолжить урок. Виновник не нашлся.

Жестокость мальчишек причиняла Ауну неприятности по службе. Вот пример.

Во время перемены ученики тех классов, двери которых выходили в большой рекреационный зал, совершали круговое движение по залу. Внутри круга стоял дежурный педагог. Когда дежурным оказывался Аун, все ученики голосом чревовещателя гудели: «Ау-у-у-ун, Ау-у-у-ун». Аун стоял с красными пятнами на лице, беспомощно озирая своих преследователей. На него было жутко смотреть. Однажды во время такой экзекуции, когда мне казалось, что Аун сейчас сойдет с ума, в зале неожиданно воцарилась полная тишина. Я невольно посмотрел в ту сторону, где находился вход с лестницы в зал. Там, заложив руки за спину, замерла высокая фигура директора Пантениуса. Его появление всегда действовало на нас магически. Инцидент причинил Ауну неприятность, которая состояла в том, что ему угрожали увольнением, если он не овладеет ученической стихией.

В русских гимназиях дисциплина была ниже, чем в немецких школах. Особенно славились распущенностью гимназисты т. н. Ларинской гимназии, что была на 6-й линии Васильевского острова, почти против нашего дома⁴. Не забуду их драк с помощью поясных гимназических ремней на медных пряжках, происходивших на бульваре, отделяющем 6-ю линию от 7-й.

Успехам обучения у нас содействовала не только система наказаний (вспомним педагогическую формулу Гёте «Wer nicht gezüchtigt wird, wird nicht erzogen», т. е. «Без наказания невозможно воспитание»⁵), но и отметки. Их ставили без каких-либо дипломатических соображений и уж во всяком случае без ложной оглядки на престиж школы. Отметка ставилась та, которую ученик заслужил, вплоть до единицы и нуля. Помню, как во время перемены в школе на резвом бегу в зале при встрече со мной замер мой младший брат, который в это время тоже учился в Екатерининской школе, и, переведя дух, выпалил: «А я сегодня колду получил!»

Что касается мер поощрения в нашей школе, то они практиковались в двух видах. Во-первых, непосредственно перед выдачей чет-

верти учитель вызывал к кафедре во время урока похвальных учеников и заносил в их дневники записи вроде следующей: «Jonas ist gelobt für Eifer (Fortschritte) in lateinischer Sprache», т. е. «Ионас заслужил похвалу за успехи в латинском языке». Количество занесенных в дневник похвал и порицаний отражалось в соответствующих рубриках четверти наряду с такими как «Fleiss und Aufmerksamkeit», «Betragen», «Ordnung», т. е. «Прилежание и внимание», «Поведение», «Аккуратность». Три последние рубрики аттестовались отметками, причем двойка за поведение служила предупреждением о возможном исключении из школы.

Второй вид поощрений развивал в нас благородное честолюбие. Если средний бал в четверти был ниже 4, то четверть заполнялась черными чернилами. Если средний бал был не ниже 4, но ниже 5, то четверть писалась красными чернилами. Если же четверть состояла из одних пятерок, то на нее шли золотые чернила (были и такие). Отсюда названия «schwarze Zenzur», «rote Zenzur», «goldene Zenzur» (черная, красная, золотая четверть).

За время обучения в школе я имел две черные четверти, что очень уязвляло меня. Не знаю, как отнестись к такой мере поощрения с педагогической точки зрения, но меня она очень тянула вверх. Остальные четверти у меня были красные. Золотые четверти в нашем классе получал ученик Николай Изаков, о котором дальше будет речь.

Не следует, однако, думать, что по части дисциплины у нас не бывало ЧП. Об одном из них, которому я до сих пор не перестаю удивляться, я расскажу.

Было это в четвертом классе. Перед первым апреля кто-то из наших озорников внес предложение сыграть шутку «с первым апреля» и не явиться всем классом в школу. Предложение было принято. От его выполнения отказались только два мальчика: англичанин Дикс и Миша Салье. Салье был инвалидом: его ноги не сгибались в коленях, вернее, они были согнуты наполовину и не только не сгибались, но и не разгибались, так же неподвижны были и ступни. Ходил он на костылях, волоча по земле поочередно

каждую ногу. Лицо было у него прыщавое с конвульсивными движениями мышц во время разговора и судорожного смеха. Глаза смотрели в разные стороны, уходили под лоб, когда он начинал говорить или смеяться. Приходил он в школу в сопровождении какой-то женщины, которая несла его портфель. Был он способный ученик, знал несколько языков и обладал незаурядной памятью и фантазией и сверх того независимой сильной волей. Он и я сидели в классе на соседних партах в первом ряду. Салье, пользуясь моей слабохарактерностью, поработил меня, заставляя носить за ним портфель, провожать его домой (он жил, как и я, на 7-й линии Васильевского острова, в доме на углу Академического переулка, жил в квартире своего деда, врача, профессора Штанге), заставляя выслушивать его рассказы. <...> Рассказывал он о том, что у него нежный роман с девушкой Натой, которая его очень любит; что он во внешкольное время работает жокеем на ипподроме, где его на бегу лошади забрасывают на беговую двуколку и т. п. А я верил ему и рассказывал все это родителям, которые надо мной смеялись, упрекая меня в слабости и прислужничестве. Впоследствии Салье окончил факультет восточных языков и перевел на русский язык арабские сказки «Тысяча и одна ночь».

Так вот, когда утром 1-го апреля в класс явился учитель, то никого кроме Дикса и Салье в классе не оказалось. Было наряжено следствие. На следующий день в класс явился директор Пантениус и начал допрос, вызывая по очереди каждого ученика и требуя выдачи зачинщиков. Кончилось тем, что нам было велено явиться в школу в воскресный день под угрозой отчисления из школы в случае неявки. Мы явились. В класс вошел учитель русского языка Синюхаев и задал нам писать сочинение на

тему: «Какую роль в жизни человека играет стадное чувство».

Еще один выходящий за рамки обычного случай, который в наше время не обратил бы на себя внимания администрации школы.

В доме по соседству с нашей школой размещалось и женское отделение. В один из весенних дней в открытое окно одного из классов влетело со двора яблоко, обернутое в бумажку с надписью «Der Schönsten», т. е. «Прекраснейшей». Как и следовало ожидать, реакция девочек вполне соответствовала греческому мифу: в классе девочек начался раздор – кому из них должна принадлежать честь Афродиты. Сегодня этому инциденту вряд ли было бы придано значение, однако немцы педантичны, началось дознание среди мальчиков. Проканником оказался мой одноклассник Вайшенкер. Директор велел ему явиться на следующий день в школу в наилучшем парадном костюме. В этом виде его ввели в класс девочек и предложили исполнить роль Париса.

Заканчивая тему дисциплины, хочу отдельно сказать о сквернословии. Этим сейчас грешат у нас и большие, и малые, какой-то век сквернословия. Но в начале нашего века сквернословие было достойным, главным образом, определенных категорий людей. Не знаю, как их квалифицировать, но язык отметил это поговорками: ругается, как лямовой извозчик. Точно так же в начале века можно было услышать: пьян как сапожник. <...> Сквернословие в немецкой школе не процветало, хотя нашло себе эрзац в языке. У нас на этот случай был условный лексикон. Трудно объяснить его происхождение. Хотя нейтральное звучание изобретенного нами жаргона не может оскорбить непосвященного, я, тем не менее, не решаюсь его здесь воспроизвести.

*Продолжение
в следующем номере*

¹ Сейчас здесь находится Администрация Василеостровского района Санкт-Петербурга.

² в будущем (лат.).

³ Частная гимназия М. Д. Могиланской помещалась в д. 43 по 4-й линии В. О.

⁴ Автор жил в дворцовом флигеле д. 36 по 7-й линии. Флигель снесен в конце 1990-х гг. Ларинская гимназия располагалась в д. 15 по 6-й линии В.О.

⁵ Высказывание принадлежит греческому комедиографу Менандру и в немецком переводе было поставлено И. Гёте в качестве эпиграфа к его автобиографии «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» (Tübingen; Stuttgart, 1811–1822).

Ленинград 1925—1932 годов.

Воспоминания

А. И. Каргус

1925 год

В нехолодный день 5 декабря 1925 года я вышел с матерью из трамвая, в котором приехали от Варшавского вокзала, на площади Восстания, оглушенный звонками трамваев, сновавших вдоль и поперек вокруг круглого сквера с бронзовым всадником в центре, и направились на угол Советского проспекта (ныне Суворовского).

Там мать ранее присмотрела на четвертом этаже невзрачного углового дома две неказистые комнаты по 14 кв. м, с большими венецианскими окнами во всю стену, выходящими на длинный двор, заставленный поленницами дров и подводами. Квартира была большая, на восемь комнат, из которых пять выходили на Старо-Невский (который официально считался уже продолжением Невского, или, как он тогда назывался: пр. 25 Октября). Были две большие темные прихожие, не работавшая ванная и кухня с большой плитой.

Кроме хозяина – официально-го квартиросъемщика, в квартире проживала одна семья, а одну большую комнату занимали коечные жильцы, – студенты и другие одиночки. Квартиру, в которой в военное время размещалась мастерская, хозяин восстановил за свой счет, получив право ее сдачи внаем. Этим правом он пользовался до начала тридцатых, когда уже были организованы ЖАКТы и жильцы вместо хозяина стали платить туда. Квартирная плата вносилась по тарифу, утвержденному горсоветом в зависимости от размера доходов: ставки были примерно от 50 коп до 1 руб. 30 коп. за кв. м. Последняя ставка (позже 13 коп.) сохранялась как единая. Причем сюда же входили стоимость воды и канализации. Следует сказать, что денежная система с февраля 1924 года была принята в золотом

А. И. Каргус. 1920-е гг.

исчислении. Об этом напоминали надписи на почтовых марках: 3 коп. золотом и т. д.

В первый же день я пошел разносить несколько писем на ближайшие улицы – Пушкинскую и другие и благополучно вернулся к дому. Мама, удовлетворенная моим первым выходом в незнакомый город, поручила мне отправиться на вокзал справиться о нашем багаже. Надо было пойти на Детскосельский (нынешний Витебский) вокзал.

Меня вызвался сопроводить квартирант, мой земляк и старый знакомый, бывший инструктор физкультуры в пионерской организации г. Полоцка, где я был принят в пионеры и откуда уехал уже комсомольцем и вожатым. Мой провожатый – Свердиол, красивый брюнет со средним образованием, работал сторожем на Путиловском заводе, куда он ходил пешком от Суворовского проспекта, одетый в доху до пят, и я до сих пор удивляюсь, как не было ему жарко: морозец был всего градусов пять.

Забегая вперед, скажу, что контакт с ним я потерял с момента, как

он съехал с этой квартиры. Но перед войной я из газет узнал, что начальником отдела кадров Путиловского завода был Свердиол.

На вокзале мне сказали, что наш багаж надо искать на товарной станции, которая находится в конце Лиговки. Свердиол повел меня по Забалканскому (Международному) проспекту до Обводного канала. Там он показал мне, как пройти на Лиговку по Обводному, а сам повернул направо к Варшавскому вокзалу. Прошел я до Лиговки (теперь поражаюсь, какой круг я сделал), нашел товарную станцию, багаж наш пришел.

На товарной станции толкались несколько возчиков с розвальнями, я подрядил одного, который погрузил наш скарб: кушетку, несколько тюков, ящиков, несколько гнутых стульев, и мы вскоре привезли это во двор, через 2-ю Советскую. Возчик поднял все, кроме стульев, на четвертый этаж. Никак не вспомню, сколько мы заплатили возчику, что-то рубля два, кажется.

Так успешно закончился наш трудный путь из древнего Полоцка в Белоруссии (бывшей Витебской губернии) в Ленинград.

Мать перебралась сюда из-за болезни старшей дочери, учившейся на старших курсах Педагогического института. Мама, не имея никаких денег, как-то добилась приема у академика Бехтерева, который не взял с нее ни рубля. Она с такой теплотой и благодарностью вспоминала о нем. Через много лет, живя на Каменноостровском проспекте, я не раз ходил на Каменный остров мимо одноэтажного дома с большой мраморной мемориальной доской, где жил академик В. М. Бехтерев – выдающийся ученый. В девяностых годах я как-то заметил отсутствие мемориальной доски. И вот недавно, проезжая мимо, решил проверить, восстановлена ли доска, свернул на Каменный в парк и... ра-

стерялся: я не нашел даже дома, хотя обошел всю местность вокруг. Зато построены две-три виллы, большая, огороженная капитальной стеной усадьба, с трехэтажным особняком внутри. А дом В. М. Бехтерева снесен! Так у нас власти блюдут славу отечественной науки, памятники культуры, вошедшие в историю города.

В первый же вечер в Ленинграде не усидел дома и в сопровождении одного из жильцов пошел смотреть Невский. Мы прошли до Адмиралтейства. Прежде всего меня поразило обилие огней. Помимо фонарей и иллюминированной рекламы горели надписи у кинотеатров «Паризиана» и «Пикадилли», а также у Музкомедии. Но фасады великолепных зданий плохо были видны. По хорошо накатанному снегу по мостовой взад и вперед проносились кибитки извозчиков с седоками, изредка мелькали легковые автомобили. Поразили кони, вздыбленные на Аничковом мосту. Памятник Екатерине тогда, видно, не был освещен, и я его не заметил. Мой восторг вызвал Казанский собор, а Адмиралтейство издали, в полумраке сада, не произвело впечатления, но чувство восхищения переполняло.

На второй день я отправился один знакомиться с городом. На трамвайной остановке у вокзала я заметил трамвай № 19 с указателем: «Нарвские ворота» и захотел увидеть их, поскольку много слышал о них (там происходил первый расстрел рабочих 9 января 1905 года), и пошел вслед за трамваем. То, что он идет в обратную сторону, я понял позже, когда дошел до Невы, увидев ее ширь с Литейного моста. Потом рельсы расхотелись, но я попал к Финляндскому вокзалу, который удивил меня приземистостью. Далее я оказался на рабочей окраине, судя по корпусам заводов. Это было время окончания рабочего дня, и толпы рабочих выходили из ворот завода. Я прочитал вывеску: «Медеообрабатывающий завод Красный выборжец». Столько рабочих я видел только в кино! Забегая вперед, хочу сказать: какое-то предчувствие вело меня! Именно на этот первый увиденный мной завод я через 9 месяцев получил направление от биржи труда в ФЗУ, где (там и в цехах) провел шесть лет –

трудных и интересных, получил вторую квалификацию, практически почти среднее техническое образование, рабочую и общественную закалку и даже был принят в партию. Но об этом потом. А Нарвские ворота я так и не увидел, до случая, когда освоился с городом и его трамвайным царством.

На третий день я по Невскому пошел к Неве. Увидел огромное полукружие площади Урицкого. Был разочарован мрачным видом Зимнего дворца, окрашенного в темно-бордовый цвет. Выйдя на Неву, я узнал на противоположном берегу силуэт Петропавловской крепости, с которым был уже знаком: я еще был под впечатлением кинофильма «Дворец и крепость». Через несколько дней я пришел сюда с бумагой и карандашом и зарисовал силуэт крепости, который дома закрепил тушью и послал в письмо в свою пионерскую газету в Полоцке.

О памятниках. Памятник Александру III Трубецкого хорошо послужил советской пропаганде. В 1917 году во время демонстраций на Знаменской площади демонстранты пели частушку: «На площади комод, на комод бегемот, на бегемоте – идиот». Более основательно написал Демьян Бедный в стихах, которые были высечены на «комоде»:

*Мой сын и мой отец
при жизни казнены,
А я пожал удел
посмертного бесславия:
Торчу здесь пугалом
чуждым для страны,
Навеки сбросившей ярмо
самодержавия.*

С этой надписью памятник простоял в круглом сквере, после реконструкции площади – в уменьшенном, ромбическом сквере и был снят примерно в середине тридцатых. Последний раз я видел его из окна Русского музея, лежащим на боку в Михайловском саду.

На Невском, в парадном окружении зданий Карла Росси, стоял хорошо известный памятник Екатерине II с ее фаворитами, поныне не изменившийся, несмотря на две революции, Гражданскую войну, террор белый и красный, бомбежки и обстрелы.

Ни один памятник царям в Петрограде – Ленинграде не был снесен. Говорили, что в этом была заслуга

наркома просвещения советского правительства, драматурга, любителя и знатока искусства – Анатолия Васильевича Луначарского.

На углу Перинной линии, прямо под башней бывшей Городской думы был поставлен бюст на высоком постаменте Фердинанду Лассалю, немецкому социалисту XIX века. Памятник убрали, вероятно, в войну. Видимо, в связи с ним бывшую Михайловскую улицу и площадь называли именем Лассалья. Улица была переименована опять после смерти известного художника И. И. Бродского и стала носить его имя. Теперь и это имя талантливого ученика И. Репина позабыто, а улицу опять называли Михайловской.

Но надо было заняться оформлением своего существования в Ленинграде. Прописался без всяких затруднений, несмотря на отсутствие метрики, встал на учет в райкоме комсомола Центрального района (Невский – угол Фонтанки), который находился, как и райком партии, в шикарном дворце владельцев, имен которых я тогда не знал. Меня прикрепили к ячейке типографии имени Володарского, поскольку я 1,5 года проработал в типографии. Правда, числясь учеником печатника и накладчиком, умел уже поставить набор в плоскую машину, здесь в типографии было ФЗУ, единственное в городе (два других были сокращены из-за режима экономии).

Закрывались также газеты. Помню, что кроме «Вечерней Красной газеты» (редакция ее размещалась на четной стороне Фонтанки, рядом с Госбанком в большом п-образном здании) выходила еще «Новая вечерняя газета», которая закрылась.

Затем я как член профсоюза печатников встал на учет во Дворце труда и, наконец, встал на учет в юнсекции Биржи труда, которая размещалась в бывшем банке на Кронверкском проспекте у Ситного рынка (ныне – Институт механики и оптики).

Вспоминаю, как вежливо, предупредительно обращались ко мне, пацану, в учреждениях. «Что вам, товарищ», – говорили мне.

В комсомольской ячейке мне дали нагрузку – я стал помощником пионервожатого отряда (дру-

жины). Интересно это тем, что вожатый там был Володарский – младший брат М. М. Володарского, члена президиума ЦИКа и, как говорили, пламенного оратора, убитого в 1918 году эсером. Брату было лет 18. Красивый, похожий на старшего, он выделялся скромностью и элегантным костюмом и был на содержании у государства. Имя его не помню, но через много лет оно появилось в газетах, т. к. он долго возглавлял ЦСУ СССР и входил в состав правительства.

Теперь о Бирже труда. Я ходил туда пешком не реже раза в неделю, сначала по Невскому и ул. 6-го июля (Садовая), через поле «Жертв революции» («Марсово поле»). Ознакомился с могилами, заучил и какое-то время помнил надписи на граните – стихи в прозе Луначарского. Далее по красавцу Троицкому мосту и через парк Ленина – к Бирже. Но однажды мне довелось проехать трамваем № 31. От вокзала он тогда ходил по Невскому и поворачивал на пр. Володарского (Литейный), тогда был здесь поворотный путь, а по ул. Жуковской трамвайные пути уложены уже при мне, позже. Далее он ходил (не в последние годы) мимо Цирка, по Кленовой ул. мимо Инженерного замка.

Но о трамваях нужно рассказать подробнее. Они ходили часто, иной раз по Невскому плелись гуськом, особенно перед пересечениями. Маленькие двухосные вагоны с открытыми площадками. Но садиться можно было только с задней, а выходить с передней. Это было очень удобно, исключало встречные потоки, которые ныне создают излишнюю давку. Порядок соблюдался неукоснительно. При попытке посадки с передней площадки вожатый не трогался с места, пока дерзкий пассажир не сошел. Правда, в «часы пик», особенно на заводских окраинах, площадки облепляли «висуны», иной раз даже передние. Кондукторы, как правило женщины, были хозяевами вагона. Продвигаясь спереди назад, они пропускали пассажиров, успевая их «обилетить», следить и объявлять об остановках и отправлять вагон, дергая за шнур механического звонка у вожатого. Тарифы для проезда были по участкам, длина которых составляла 2,5–3 километра. Например:

площадь Восстания – Главный штаб, оттуда же до Сенной площади – один тарифный участок. Цена участка – 7 коп. За два участка – 14 коп., весь маршрут до кольца – 15 коп. Кроме того, для проезда из центра до кольца на окраине тариф был льготный – 10 коп., что было удобно рабочим, живущим в центре.

По Невскому ходили трамваи пяти-шести маршрутов: 4, 12 и 24 до Адмиралтейства; 7 и 13 – до Садовой к Сенной площади. Крайний номер был 32 (площадь Восстания – Мурзинка за Невской заставой), но были номера и пропущенные. Существовала шутка: приехать на одиннадцатом номере, что значило: «пришел пешком» (такого номера не было). Все трамваи имели отличительные сигнальные огни спереди и сзади, причем они были из линз и ярко светились издали, что было очень удобно пассажирам, ожидавшим на остановках. Так, «четверка» имела оранжевые огни, 12 – белый с синим, «семерка» – зеленоглазая, а «пятерка» – два красных. С годами появлялись новые маршруты и заполнялись «прогары» номеров.

Итак, я стал ходить на Биржу по маршруту трамвая № 31, мимо Цирка по Кленовой улице. Здесь я открыл для себя другой памятник Петру, изваянный отцом знаменитого Растрелли – Карлом и установленный императором Павлом, о чем гласит надпись: «Прадеду – правнук». Любовался фасадами Инженерного замка.

В конце декабря 1925 года в Москве прошел 14 съезд ВКП(б), отклики которого шумно сказались в Ленинграде. Дело в том, что после отчетного доклада Сталина с содокладом выступил от Ленинградской организации Зиновьев, в котором по-другому оценивался ряд положений доклада ЦК и предлагались некоторые иные решения. Зашумели о Ленинградской оппозиции.

Вечерами студенты спорили вокруг газет. На заводах проходили собрания и диспуты, где поддерживали Зиновьева, который пользовался в городе, особенно среди рабочих и коммунистов, большой популярностью. Обсуждения и споры продолжались в 1926 году.

Год закончился трагическим событием в Ленинграде. Стало известно о смерти поэта Сергея Есе-

нина, который покончил с собой в гостинице «Англетер». Жильцы, квартиры, особенно студенты, взволнованно передавали это печальное известие. В городе возбуждение; мальчишки – газетчики громко выкрикивают скорбную новость, передавая подробности. Я же об этом поэте ничего не знал, кроме нескольких куплетов, которые молодёжь напевала под гитару:

*Скольким ты садилась на колени,
А теперь сидишь, вот, у меня...*

В газетах и журналах, которые я почитывал, я встречал поэтов А. Жарова, Демьяна Бедного, Михаила Голодного, но Есенина не встречал, а влюблен был в Лермонтова. Есенина я оценил через год-полтора, когда однажды на концерте в Домпросвете услышал запавшую мне в душу песню «Письмо матери». С тех пор он стал одним из любимых поэтов.

1926 год

В январе 1926 года продолжались события вокруг XIV съезда РКП(б). В Ленинград приехали члены Политбюро и ЦК Андреев, Ворошилов, Калинин, Молотов, Киров, Петровский. Проводились собрания на крупнейших заводах. Собрания проходили бурно, масса рабочих-коммунистов вначале поддерживали Зиновьева. Особенно бурно, как рассказывали, собрание проходило на заводе «Красный треугольник». После отъезда руководителей партии в печати пестрели материалы о съезде и «зиновьевской оппозиции». В феврале приехал в Ленинград Киров в сопровождении И. В. Сталина, который от имени ЦК рекомендовал Кирова на пост секретаря Ленинградского губкома партии. Сергей Миронович Киров, большевик с 1905 года, участник Гражданской войны. С. М. Киров был избран первым секретарем Ленинградского губкома (затем обкома), на посту которого пробыл около 9 лет до своей трагической гибели, оставив глубокий след в сердцах ленинградцев и шквал переименований его именем, не всегда разумных, но понятных: его любили и в Ленинграде, и в партии.

В эти годы, примерно до начала 1932 года, в Ленинграде было 6 административных районов.

Население города, судя по газетам, тогда составляло 1,5 миллиона, к тридцатому году достигло примерно 2 миллионов человек. По данным газет, в городе было зарегистрировано 1500 автомобилей разного назначения.

Немного о материальной стороне жизни.

Мне было назначено пособие по безработице в размере 15 руб. в месяц, в Соцстрахе, которое получал 6 месяцев. А дальше – получал по 9 рублей от обкома Профсоюза печатников. Это было подспорьем матери и сестре – единственному работнику. Зарплата заведующей детской комнатой в клубе фабрики «Рабочий» составляла 70 руб., да пенсия матери за убитого в советско-польской войне отца – рублей 15 – вот доход семьи.

Помню некоторые цены на продукты. Ходил часто в булочную: хлеб ржаной стоил 10 коп. килограмм, французская булка (200 г.) – 3 коп.; яйцо в частном магазинчике стоило: первый сорт – 48 коп., второй сорт – 36 коп. за десяток. Кроме государственных магазинов и частных, были районные кооперативы. В Центральном районе – «Пролетарий», в Володарском районе – «Красный Октябрь»; там были какие-то скидки для членов кооператива. Летом я ходил с матерью на овощной Щукин рынок, которым находился на задах Апраксиного двора, вход был со стороны площади Ломоносова. Там продавали огурцы на сотни штук. Цена, как будто, была 3 руб.

Но вернемся в Биржу труда. Юнсекция Биржи при появлении вакансии помещала объявление в комсомольской газете «Смена», с вызовом примерно человек 10 по фамилиям. Меня однажды вызвали и предложили пойти в кулинарное училище, я отказался, хотел в печатники – дело, которое я полюбил и в котором кое-что умел. Если не будет такой возможности, то хотя бы в токари или фрезеровщики.

Явка на Биржу награждалась экскурсией. Биржа труда проводила тогда большую культурно-массовую работу, и для являвшихся на регистрацию ежедневно организовывались экскурсии по городу и в музеи. У них был штат квалифицированных экскурсоводов, и проводились они, разумеется, бесплат-

но. Были экскурсии по площади Урицкого (Дворцовой), площадям Декабристов и Исаакиевской, площади Лассаля (Искусств). Подробно рассказывали об истории, архитектуре и значении всех зданий и событий на площадях.

В Зимнем дворце был развернут большой Музей революции. В нем мне особенно запомнился отдел «Каторга и ссылка». Кроме того, во дворце нас водили по личным комнатам царей. В кабинет Николая Первого в цокольном этаже, личные комнаты Николая Второго. Водили в парадные залы дворца: Тронный, Малахитовый и др. Везде сохранились мебелировка и убранство.

Большое впечатление оставили экскурсии в Петропавловскую крепость, Алексеевский рavelин, Петропавловский собор и усыпальницу Романовых.

Кроме Зимнего дворца, музеями тогда были дворцы Строгановых на Невском, Шувалова на Фонтанке, угол Итальянской ул., которые мы также осматривали. В них полностью сохранилась обстановка и убранство, большие картинные галереи.

Таким образом, Биржа труда оказалась моим «первым университетом» по истории Петербурга, который возбудил мой дальнейший интерес к ней.

Вечерний досуг в коммунальной квартире проходил по-разному, кто-то брэнчал на гитаре, а кто-то ловил сигнал на детекторном приемнике. Радиовещания тогда еще не было, а такие приемники были. Его иногда ставили на стол, тыкали провололочкой в кристаллик, но редко получался треск или какой либо звук в ответ. Когда же вдруг раздавался членораздельный звук, все сбегались к столу, чтобы достался наушник. Так по очереди сидели и тыкали провололочкой в кристаллик, пока не надоест.

Часто проводились громкие читки. В просторной комнате хозяина за большим столом собирались все свободные от дел и читали вслух по желанию. Особенно запомнил книгу Аркадия Аверченко: «Рассказы для выздоравливающих», чтение которой вызывало то улыбку, то громкий хохот. Брошюр Аверченко тогда издавалась масса в издательстве «Земля и фабрика».

Иногда за этим же столом затевались карты, любителями которых были некоторые постояльцы... Играть без денег в безвинные «66», и «1000» и особенно популярное тогда «501» – увлекательная игра с прикупом – маленький преферанс, в которой я натаскался.

Немного о театральной жизни, которая кипела в городе. Хотя билеты были не дороги, для студентов продавались они с большой скидкой. Сын хозяина квартиры, студент Электротехнического института, распространял такие билеты и вовлек меня в компанию театралов.

В кинотеатры я ходил дешевые. Первоэкранные кинотеатры на Невском были для меня дороги. Были еще «Арс» (последние годы – «Нева»), кино «Маленький», где шли импортные фильмы с Гарри Пилем и пр. Иногда ходил в кино «Баба-Яга» на Троицкой – 15 коп. все места – ненулевые. Поэтому у двери зрительного зала создавалась толчея.

Первый театр, куда я попал, был самый дешевый – Большой драматический театр им. Горького на Фонтанке. Ставили «Заговор императрицы» Щеглова. В главной роли Распутина был Н. К. Монахов – заслуженный артист Республики. Позже он играл в пьесах «Человек с портфелем» (кажется Файко), матроса Годуна в пьесе Бориса Лавренева «Разлом». Там же капитана крейсера «Заря» играл артист Лавров, видимо, отец Кирилла Лаврова. Тогда же появилась молодая артистка Казико. Вероятно, уже перед войной смотрели мы Монахова в роли Егора Булычева (в одноименной пьесе Горького), это был выдающийся актер.

1 мая я впервые оказался в рядах демонстрантов, которые несколькими колоннами двигались к площади Урицкого. Многочисленные оркестры, игравшие марши и революционные песни, заглушали музыку, исполнявшуюся рядом. Глаза разбегались от обилия красных полотнищ и флагов, от множества людей.

Когда завернули на площадь, я увидел огромную массу, заполнявшую ее. И вот трибуна, на которой я впервые увидел Зиновьева, узнав по многочисленным портретам, которые видел в журналах и газе-

тах. Живой вождь! Был ли там Киров – не знаю.

Я не упускал ни одного заметного события в городе, доступного мне.

На окраине построили новую трамвайную линию в Озерки, начиналась она, как писали в газетах, там, где начиналась Ириновская железная дорога. Это в районе завода «Светлана», там, где трамвай поворачивал к Политехническому институту, на нынешней Светлановской площади отходила новая линия, здесь же и состоялся митинг.

В Ленинград прилетел на дирижабле «Норвегия» известный путешественник Руаль Амундсен. Его дирижабль был пришвартован в Гатчине к мачте, заранее приспособленной. Побыв там пару дней, он прилетел на дирижабле в Ленинград и сел ненадолго на Комендантский аэродром в Старой Деревне, откуда стартовал на Северный полюс. Это было историческим событием, но никаких следов его в городе не осталось. И сегодня мне стыдно, что ленинградцы так ничем и не почтили память великого мореплавателя и покорителя обоих полюсов, стартовавшего отсюда.

Спустя много лет, побывав в Одессе, я встретил там улицу Амундсена. Есть, оказывается, улица Амундсена и в Москве, лет 15 тому назад, в связи с началом застройки Комендантского аэродрома, я обратился с письмом в газету с предложением назвать одну из новых улиц именем великого путешественника, стартовавшего отсюда к полюсу. Редакция переслала ее в Комиссию по наименованиям, откуда я получил отписку: дескать, улицы наименованы согласно решению Ленсовета.

А ведь современные петербуржцы и понятия не имеют, что ходят по земле, куда садился дирижабль Амундсена, погибшего при попытке помочь пропавшей экспедиции Нобиля. Может быть, не поздно исправить несправедливость.

В садике у Зимнего дворца, напротив Адмиралтейства, проходила закладка памятника Степану Халтурину. Говорили речи, играл оркестр. Памятник так и не был поставлен.

На острове Голодай, за рекой Смоленкой, на предполагавшемся захоронении тел повешенных декабристов, собралось много народа.

В июле, к столетию казни пяти декабристов: Пестеля, Рыльева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского производилась закладка им памятника. Много было интересных выступлений. Играл симфонический оркестр. Прошло несколько лет, я забыл об этом событии и позже никогда не слышал об открытии этого памятника. Думал, что он, как и другие заложенные, не установлен. И вот лет пять тому назад подошел к ст. метро «Приморская» и вспомнил, как в двадцатых годах где-то поблизости закладывали памятник. Я побродил неподалеку и, к своему удивлению, в тесном промежутке между многоэтажными жилыми домами наткнулся на этот самый памятник – скромный обелиск с именами казненных – незаметный и как бы затерявшийся. И мысленно стал упрекать наших архитекторов-планировщиков, бесцеремонных по отношению к историческим реликвиям: разве не было места на пустыре разбить здесь небольшой скверик, чуть сдвинув застройку, дать возможность людям присесть, подумать...

В то же лето я опять попал на остров Голодай, поехав с компанией на 4-м номере трамвая до конца у Смоленского кладбища, а оттуда пешком до стадиона «Ким». Он находился в конце нынешнего проспекта «Кима» (не знаю, сохранился он, или застроен домами). Там ряд лет проходили Музыкальные олимпиады, которыми руководил профессор Немцов. На огромном поле стадиона, заросшем травой, видимо давно проводились спортивные встречи, на траве разместились тысячи человек, а на деревянных трибунах, находившихся с одной стороны поля, разместился хор, численностью 5000 участников, собранных из самодельных коллективов предприятий. С высокой вышки перед трибуной хором управлял Немцов. Что исполнял хор – не помню. Думаю, что, главным образом, народные песни, может быть и революционные, ведь советских песен тогда еще почти не было. Но мы, как и вся публика, получили, большее удовольствие. Олимпиады проводились ряд лет, были бесплатными и прекратились где-то в тридцатых, вероятно, с появлением песен звукового кино.

Встретился с земляком, работавшим в Доме просвещения молодежи «Старая и молодая гвардия» Центрального района на Фонтанке, 48. Такие дома просвещения молодежи, как я потом узнал, были и в других районах. Так, в Московско-Нарвском районе – имени Глерона был на Звенигородской улице; в Выборгском районе – им. Плеханова находился в особняке на Лесном проспекте (около пожарного депо).

Надо вспомнить, что тогда не было еще обязательного образования, даже пятиклассного. Обучение в школах в годы НЭПа было платным, и освобождались лишь остро нуждающиеся. И не было еще вечерних школ для рабочей молодежи. Поэтому дома просвещения молодежи имели тогда большое значение, способствуя самообразованию молодежи, одновременно занимая ее досуг.

На Фонтанке, 48, я стал проводить большую часть свободного времени. Это было здание бывшего монастыря. Большой зал размещался в бывшей церкви, вначале под куполом. Несколько дней в неделю в нем работал дешевый кинотеатр (билет – 15–20 коп.) Демонстрировались немые фильмы в сопровождении фисгармонии. В остальные дни бывали лекции, затем бесплатные кинофильмы, концерты, вечера отдыха, встречи с писателями, учеными и т. п. За несколько лет я прослушал там много интересного и полезного, расширил свой кругозор и образовательный уровень. Встречался, вероятно, с большинством ленинградских писателей, многими артистами, учеными и общественными деятелями. Там была большая библиотека с читальней, где я перечитал чуть ли не всего Джека Лондона и др. Было там много кружков. Я, в числе десятка молодых людей, занимался в естественнонаучном кружке под руководством студента биологического факультета Университета Синдерикина (к сожалению, не запомнил инициалы). Мы серьезно изучали химию, ботанику, общую биологию. На лето мы выезжали в Озерки на Биологическую станцию, где жили две недели. Научились грести веслами, глазомерной топографической съемке, на лодках шли до Шуваловского парка, который ис-

ходили, были на разработке торфа за парком. Синдерихин добился шефства Академии наук над кружком. Он водил нас в музей Академии. С нами проводили занятия: профессор КУЛИК – о тунгусском метеорите; академик Кржижановский – директор Геологического музея АН, академик Ферман рассказывал о своих путешествиях по пустыне Гоби и демонстрировал найденные там уникамы и др.

Второй кружок в Домпросвете, в котором занималось 10–12 парней, был военно-морской, им руководил курсант Училища подводного плавания, а последний год – курсант из Училища им. Дзержинского – Бауман. Мы изучали классы кораблей, их силуэты, мощности военных и торговых флотов ведущих морских государств. Изучали начала штурманского дела с решением задач. Разучивали сигнализацию «Семафор» (флагами), азбуку Морзе.

Нужно добавить, что все кружки и экскурсии были бесплатными.

В августе 1926 года в Ленинграде проводился Международный конгресс эсперантистов. В каком здании он проходил, не помню. В память о конгрессе Наркомсвязи выпустил две красочные почтовые марки достоинством 7 и 14 коп. Я поехал на почтамт, купил эти марки, их погасили памятным штампом, и я обогатил ими свою детскую коллекцию марок.

Кстати о марках. За время безработицы я удвоил свою коллекцию. Обнаружил филателистический магазин на Невском, 14 или 16, и стал его посещать. Денег на покупку марок не было, но я стал там подрабатывать на сортировке марок, промывке советских стандартных марок, которые магазин собирал и отправлял за рубеж в обмен на иностранные. За работу я получал марки по своему выбору, и коллекция выросла. Благодаря ей я заметно пополнил свои познания в географии, истории и др.

Для меня этот год стал переломным. В сентябре я по направлению Юнсекции Биржи труда поступил в ФЗУ завода «Красный выборжец». На этот раз отказываться было уже неразумно, но ни токарем, ни даже слесарем я там не стал. Завод был металлургический, и для этих специальностей имелся

только один ремонтно-механический цех человек на сто, из четырех с половиной тысяч рабочих завода. А в прокатном цехе работало 800 человек, в литейном – тоже сотни. Туда и готовили молодежь.

ФЗУ считалось одним из лучших в городе, в нем давали обязательное образование по профилирующим предметам: технологии металлов – черной и цветной металлургии, материаловедению (практической химии), металлографии, практической математике, были и общеобразовательные дисциплины: русский язык, экономическая география, обществоведение. Большинство предметов изучали лабораторным методом, приходилось самостоятельно работать с книгой, учеба продолжалась 4 часа после обеда. А с утра четыре часа работали в учебных мастерских, где стояли компактные прокатные станки Шмидта – вальцы, на которых мы прокатывали медные, латунные, алюминиевые ленты и прутки для посуды-давилочного цеха, снабжавшего алюминиевой посудой всю Россию. После работы был бесплатный обед, состоявший из второго и чая с выпечкой.

Большинство ребят были из рабочих семей, часть из пригородов, довольно спокойные, хотя были и озорники. Редко случались небольшие драки, но проходили они за воротами завода. В старших классах были и девчата, их готовили для механического цеха, лабораторий и др. Не помню, чтобы кто-нибудь из ребят курил, хулиганил или применял нецензурные слова.

В ФЗУ была небольшая, но великолепная библиотека, где были полные собрания сочинений русских и иностранных классиков. Большинство преподавателей были хорошими специалистами. Заведующий Антоневиц – гроза нерадивых и прогульщиков – носил форменную темно-синюю фуражку. Такую же, но потрепанную, носил технический директор завода и начальник прокатного цеха Павлов (через много лет слышал по радио передачу о нем как о профессоре Металлургического института, работавшем на «Красном выборжеце»). А вот «красный директор» Вальшев носил рабочую кепку. Это был старый большевик, член бюро обкома партии, он

пользовался авторитетом в рабочей среде, откуда выдвинулся.

ФЗУ находилось на территории завода, где дисциплина была очень строгая. После третьего гудка ворота закрывались, и 10 минут проход был через контролера. При этом отнимался рабочий номер, и следовало взыскание... А после третьего взыскания – увольнение. После 10 минут проход закрывался, и опоздание уже считалось прогулом и следовало увольнение.

Но «фабзайчат» все же не увольняли, по крайней мере, я не слышал о таких случаях. Мне самому пришлось опоздать однажды на работу в ФЗУ. Я жил тогда один, мать уехала, будильника не было. Меня проработали на комсомольском собрании, получил строгий выговор в комсомоле и от администрации, это я запомнил на всю жизнь. Когда стал работать в цехе, научился вставать и выходить пораньше и приходил, как старые рабочие, за полчаса, чтобы переодеться, получить наряд.

ФЗУ было четырехгодичным. Два с половиной года работа выполнялась в учебных мастерских, при этом выплачивалась не стипендия, а зарплата от 18 до 25–30 руб. Полгода третьего курса работали по 4 часа в цехе и зарплату получали сдельную, по работе. Четвертый год работали все восемь часов в цехах на стажировке до выпуска в июне. Получали удостоверение с указанием образования и разряда, обычно четвертого и пятого.

Главный вход на завод находится на Полюстровской набережной. Перед входом, в скверике, уже тогда был установлен памятник Ленину, отлитый рабочими завода – первый бронзовый памятник в городе. Слева деревянный обшаренный дом – особняк бывшего хозяина или управляющего, ставший клубом. Там был зал на 250–300 мест, библиотека, кружки и духовой оркестр, сопровождавший вечера и демонстрации.

7 ноября 1926 года я впервые на законных правах участвовал в демонстрации. Большой колонной шли через Литейный мост до Невского, а затем на площадь Урицкого. Тогда я впервые увидел на трибуне Кирова.

*Продолжение
в следующем номере*

Временные — в Смольном

Н. А. Синдаловский

В 1980 году один из ведущих или, как стали говорить потом, культовых режиссеров советского времени Сергей Бондарчук снимал в Ленинграде, на Дворцовой площади эпизоды штурма Зимнего дворца для своего фильма «Красные колокола».

Известно, что одной из побудительных причин сфабрикованного Сталиным в 1949 году так называемого «Ленинградского дела» стало якобы вынашиваемое после окончания войны ленинградскими руководителями преступное желание превратить Ленинград в столицу Российской Федерации. Дело было, что называется, шито белыми нитками. Однако всем стало понятно, что любая попытка возрождения утраченного статуса бывшей столицы Российской империи Москвой будет беспощадно подавляться. В этой связи практика делегирования на руководство в Ленинграде московских членов ЦК, какими были и Зиновьев*, и Киров, и Жданов, оказалась ошибочной. Слишком велики и опасны были их властные политические амбиции. Ленинградом должны руководить простые и скромные, ничем особенным не выдающиеся, но исключительно преданные и исполнительные рядовые солдаты партии, способные послушно произносить чеканное «Есть!» еще до того, как прозвучит команда сверху.

В таком контексте становится понятным, почему не многие партийные руководители Ленинграда той поры привлекали внимание городского фольклора, особенно того, что навсегда сохранился в его арсеналах. Фольклор избирателен. Ему неинтересны люди заурядные, неяркие и невыразительные. В этом смысле ничего не осталось от Фрола Романовича Козло-

ва, руководившего Ленинградом с 1953 по 1957 год. Не удостоился такой чести и первый секретарь Ленинградского обкома КПСС с 1957 по 1962 год Иван Васильевич Спиридонов. Его имя, кажется, вообще выпало из совокупной памяти современных петербуржцев. Как и имя Юрия Филипповича Соловьева, в 1970–1980-е годы занимавшего в Ленинграде посты первых секретарей то горкома, то обкома КПСС.

Больше повезло Василию Сергеевичу Толстикovu. Может быть потому, что занимал он должность первого секретаря Ленинградского обкома КПСС довольно значительное время, более восьми лет, с 1962 по 1970 год. Биография Толстикова была типичной для партийного выдвиженца. Он окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал в строительных организациях. С 1952 года подвизался на партийной работе. По воспоминаниям ленинградцев, это был обыкновенный партийный чиновник, простодушие которого граничило с обыкновенной глуповатостью. По сохранившимся от того времени легендам, скорее похожим на анекдоты, можно легко судить об умственных достоинствах первого секретаря. Рассказывают, что однажды во время приема американских конгрессменов на вопрос о показателях смертности в Ленинграде Толстикov ответил: «У нас в Ленинграде смертности нет». По другой, не менее анекдотичной легенде, после просмотра нового кинофильма «Проводы белых ночей», в которой есть выразительная сцена развода Дворцового моста, Толстикov пришел в ярость, топал ногами и брызгал слюной от злости: «Я вас сотру в порошок! — кричал он. — Вот тут у вас молодые

люди гуляют, а перед ними поднимается бетонный мост, что это за символ?»

В 1970 году карьера Толстикова в Ленинграде неожиданно оборвалась. Он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Китайскую Народную Республику. Говорят, в чем-то провинился перед Москвой.

Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов

После Толстикова пост первого секретаря Ленинградского обкома КПСС занял Григорий Васильевич Романов — личность наиболее характерная для того времени. Деятельный и инициативный комсомольский работник, сделавший блестящую партийную карьеру, Г. В. Романов в глазах большинства ленинградцев стал олицетворением партийно-бюрократического ханжества и чванства эпохи застоя и загнивания социализма. Он являл собой вполне убедительный образ самодовольного чиновника, излучавшего рекламное благополучие. В том было столько фаль-

* Зиновьев стал членом ЦК еще в Петрограде. Этот ЦК в 1918 г. переехал в Москву. — Ред.

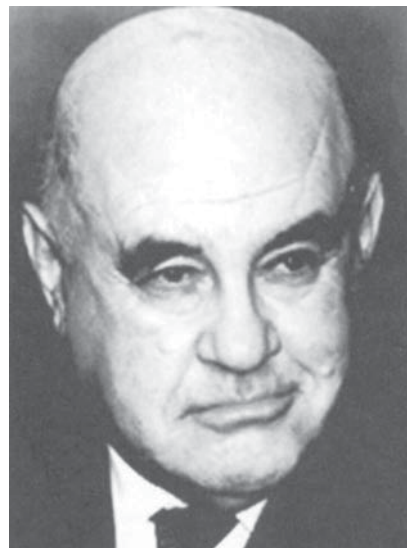
ши и лицемерия, что реакция городского фольклора оказалась молниеносной. Очень скоро имя Г. В. Романова вошло в пословицы и поговорки. «Зимний стоит, Елисеев торгует, Романов правит» – стало чуть ли не визитной карточкой того времени. Имя первого секретаря вошло составной частью в неофициальную ленинградскую топонимику. Одна из самых известных кабинетных выдумок Романова – комплекс защитных сооружений Ленинграда от наводнений, или попросту «Дамба», была всенародно признана его детищем и в народе получила соответствующее имя-отчество: «Дамба Романовна». Правда, не питая на этот счет особенных иллюзий, осмотрительные горожане заранее сформулировали свое отношение к знаменитому проекту века: «Петр Романов пробил окно в Европу, а Григорий Романов закрыл его дамбой».

О Г. В. Романове слагали легенды и рассказывали анекдоты: «Вы не знаете, почему Невский перекопали?» – «Романов потерял свою любимую заколку». Романову были посвящены детские дворовые игры и забавные школьные страшилки. Далеко не все представители царской фамилии могли похвастать таким количеством фольклора о себе, как Г. В. Романов. Даже инициалы Григория Васильевича стали объектом фольклора и, в конце концов, заслонили собой фамилию первого секретаря. За глаза его стали называть «ГэВэ».

Надо сказать, что фамилия Григория Васильевича вообще стала исключительно удобной мишенью для острот. Разве что очень ленивые не использовали ее для остроумных сопоставлений и ядовитых противопоставлений. Общая с русскими монархами фамилия счастливого однофамильца породила множество косвенных ассоциаций и прямых аналогий. Расхожей поговоркой того времени стала фраза: «Живет Романов по-романовски». Вариации на тему «династической» фамилии продолжались в прозвищах. Даже в коридорах Смольного его иронически называли «Последним Романовым». Ядовитой иронией пронизаны бесчисленные анекдоты о телефонных разговорах между некогда покинувшими свою родину

бывшими петербуржцами и оставшимися в Ленинграде их родственниками и друзьями: «А в сквере, где раньше стоял памятник Екатерине, что сейчас?» – «Памятник Екатерине». – «А напротив, где был магазин Елисеева?» – «Магазин Елисеева». – «А там, где был Зимний?» – «Зимний». – «А кто правит?» – «Романов». – «Господи, тогда я срочно возвращаюсь».

Жил Романов на Петроградской стороне, в современном доме, построенном в 1964 году рядом с Домиком Петра I, вблизи улицы Куйбышева, бывшей Большой Дворянской. Дом был заселен известными общественными деятелями и представителями высшей партийной номенклатуры. В фольклоре его до сих пор называют «Дворянским гнездом». Популярный ленинградский режиссер Александр Белинский сохранил в памяти театральную байку об актере Николае Симонове, который, стоя на Петровской набережной, будто бы говорил ему, указывая на Домик Петра I: «Шура, посмотрите, в этом маленьком домике жил Романов высокого роста, которого история назвала Петром Великим, а в этом большом доме живет Романов маленького роста. Интересно, как его потом будут называть?» Между прочим, в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» этот дом известен под названием «Дом Гришки Романова», в отличие от хорошо знакомого петербуржцам

Художественный руководитель
Театра музкомедии
А. А. Белинский

Народный артист СССР
Н. К. Симонов

«Дома Гришки Распутина» на Горюховой улице, 64.

Очевидцы рассказывают об ежедневном обязательном ритуале, который, не смущаясь окружающих, совершали охранники, сопровождавшие Романова домой после работы в Смольном. Как только машина останавливалась, следовало сообщение по рации: «Первый прибыл на объект». Среди малолетних жителей этого «объекта» родилась уникальная игра, которая так и называлась: «Первый прибыл на объект». Участниками этой детской игры были: Первый, Охранник, Телхранитель и Шофер. К сожалению, мы не знаем интонационной окраски этой диковинной дворовой забавы. Зависть? Ирония? Равнодушие?.. Но в нашем собрании городского фольклора есть школьная страшилка – образец одного из популярнейших жанров ребячьего мифотворчества, зарождавшегося как раз в те годы:

*Дети играли
В Сашу Ульянова,
Бросили бомбу
В машину Романова.*

Загородная дача Романова находилась в живописном ближнем пригороде Ленинграда – в Осиновой Роше. Поселок с таким названием расположен в 20 километрах от Петербурга на развилке Выборгского и Приморского шоссе. История его названия – это яркий пример того, как народная, неофици-

циальная топонимика, в какой-то момент оказавшись более сильной и жизнеспособной, начинает подавлять официальную и в конце концов вытесняет ее как с географических карт, так и из сознания самих жителей. Никаких осин, как это должно следовать из современного названия поселка, в этих местах никогда не было, а название произошло от самых обыкновенных ос, которые здесь водились в исключительном изобилии. В прошлом поселок назывался не Осиновой, а Осинной Рощей. Во всяком случае, в широко известном «Описании российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» И. Георги, впервые изданном в 1794 году, можно прочитать о деревне Осиная Роща, «которая находится при Черной речке, впадающей в Сестру».

В первой половине XIX века в Осиновой Роще находилась старинная родовая усадьба князей Вяземских, слывших в светских кругах Петербурга богатыми и гостеприимными хозяевами. В старом Петербурге топоним Осиновая Роща вообще употреблялся редко. Чаще всего вместо него говорили: «Усадьба Вяземских», или вообще: «Маленькая Швейцария», куда любили съезжаться любители загородных прогулок и дружеских пикников.

Владелец усадьбы увлекался карточной игрой, впадая в азарт всякий раз, когда проигрывал. Однажды, как гласит давнее предание, играя в карты со своим ближним соседом Левашевым, князь Вяземский так проигрался, что дело дошло до усадьбы, которая в азарте также была брошена на кон. Но везение окончательно покинуло князя. Он проиграл и господский дом, и служебные корпуса, и хозяйственные постройки, и сад, и все, что было вокруг. Князь с ужасом огляделся кругом и не увидел ничего, что могло бы принадлежать ему... кроме трех взрослых дочерей, давно уже ожидавших своего девичьего счастья. «Левашев, а не хотите ли одну из них... в жены... вместо усадьбы», – с робкой надеждой воскликнул Вяземский. Предложение неожиданно понравилось. Сделка состоялась. Злополучная усадьба вновь перешла к Вязем-

кому. Таковы были люди и нравы XIX века, включает легенда.

О судьбе Осиновой Рощи во времена Романова рассказывает еще одна легенда, весьма близкая по смыслу к рассказанной выше. Как при «проклятом царизме», так и при советской власти, как утверждает фольклор, судьбы людей во многом зависели от случайного каприза хозяев или владельцев богатых усадеб. Рядом с великолепным домом первого секретаря стояли три деревянных домика местных жителей. Случилось так, что в одном из них, без согласования с «высоким соседом», однажды справляли свадьбу. По традиции, свадебное застолье сопровождалось веселой громкой музыкой и нестройным шумным пением. В разгар праздника в доме неожиданно появился милиционер и достаточно вежливо попросил прекратить шум. Просьба вызвала недоумение и, конечно, осталась без ответа. Через какое-то время в дом ворвались уже три человека в форме и категорически потребовали тишины. Когда и это не помогло, во всем поселке отключили электричество. Свадьба осталась без света. Но продолжалась... при свечах и с песнями. Больше представителей власти никто не видел. Но через три дня конфликт, о котором начали было забывать, приобрел неожиданное продолжение. Жителям всех близлежащих домов предложили новое жилье в Ленинграде, а их дома в Осиновой Роще снесли. Как говорится, нет домов – нет проблем.

Таким же авторитарным был весь стиль деятельности первого секретаря. Подтверждение этому мы находим в городском фольклоре. С именем Г. В. Романова связано появление в Петербурге концертного зала «Октябрьский», построенного к 50-летию Октябрьской революции. Идея будто бы принадлежала самому первому секретарю обкома КПСС, и он лично курировал проектирование здания. Но когда проект был уже готов и времени для его реализации оставалось мало, выяснилось, что место для строительства вообще не определено. Исполнители нервничали,

постоянно напоминая об этом Григорию Васильевичу. Однажды, как рассказывает легенда, такой разговор зашел в машине первого секретаря по пути от Московского вокзала в Смольный. Романов не выдержал и махнул рукой: «Вот здесь и стройте!» Машина в тот момент проезжала мимо Греческой церкви, построенной в 1861–1865 годах усилиями греческой общины Санкт-Петербурга вблизи греческого посольства.

Так, если верить легенде, была решена судьба этой церкви*. Она была снесена, и на ее месте действительно в 1967 году был открыт новый концертный зал, построенный по проекту архитекторов В. А. Каменского, Ж. М. Вержбицкого и А. В. Жука и названный громко и символично – «Октябрьский». Во всяком случае, именно этим поспешным и, по всей видимости, случайным решением первого секретаря обкома можно объяснить поразительную недостаточность пространства, в которое буквально втиснут архитектурный объем здания, окрещенного в народе «Коробкой».

В 1970-х годах в Ленинграде появилась новая форма ресторанного обслуживания населения. Это были плавучие рестораны, представлявшие собой списанные пассажирские или учебные суда, пришвартованные к невским набережным. Их было несколько. В народе их называли «Плавучками» и «Поплавками», хотя все они имели официальные названия. Ресторан «Корюшка» стоял у причальной стенки набережной Лейтенанта Шмидта. «Парус» – у стадиона имени В. И. Ленина. Еще один плавучий ресторан был причален к стенке у Дворцового моста. Затем этот ресторан исчез. Причем исчез как-то незаметно. Вскоре появились легенды. Сразу две. По одной, ресторан затонул во время какого-то большого праздника, разумеется, со всеми переппившимися посетителями, поварами, матросами и официантами. Водолазы во время подъемных работ якобы, к немалому восхищению праздной публики, возвращались на поверхность с авоськами коньяка и шампанского.

* Г. В. Романов тут ни при чем. Греческая церковь была разрушена в 1962 г. – первым секретарем Ленинградского обкома КПСС он стал только через 8 лет. – *Ред.*

Греческая церковь Св. великомученика Димитрия Солунского.
Фото 1900-х гг.

Другая, сентиментальная, в полном соответствии с традициями соцреализма, легенда рассказывает о простом советском человеке, который, гуляя однажды по набережной Невы, захотел зайти в ресторан. В ресторан его не пустили и даже довольно грубо обошлись с ним, и он, оскорбленный в лучших своих чувствах, бросился в ближайший райком партии. Справедливость восторжествовала. К плавучке «подошли милицейские катера и буксиры, ресторан вместе с посетителями и администрацией вывели в залив, оттащили к Лахте, вышвырнули на мелководье, заставив несчастных по пояс в воде брести к топкому берегу». Наутро явился ОБХСС и устроил грандиозную проверку. Вся администрация была арестована.

Простым советским человеком оказался первый секретарь ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов, имевший, оказывается, в то время привычку прогуливаться по городу без личной охраны и бронированного автомобиля.

Между тем на фоне крикливой идеологической трескотни о впечатляющих успехах советской экономики катастрофически пустели прилавки магазинов. Людей буквально парализовывало щемящее чувство безвыходности, тупика, в котором оказалась страна. Беспросветное положение дел на продовольственном фронте время от

времени фиксировал бесстрастный городской фольклор.

Возвращается купец Елисеев из мира иного в наше время. И сразу – в свой магазин на Невском. Смотрит – интерьеры вроде в порядке, иллюминация – тоже. «Все будто бы по-прежнему, – в недоумении замечает он, – магазин мой торгует. Романовы у власти... Только вот у входа стояло у меня по бочке икры – красной и черной, – кому они мешали?»

А ведь Гастроном № 1, как тогда назывался знаменитый Елисеевский магазин, снабжался, по сравнению с другими магазинами, неплохо. Не зря в уста Екатерины II, что памятником стоит на противоположной стороне Невского проспекта в Екатерининском сквере, остроумные ленинградцы вложили всего две убийственные строчки:

Памятник Екатерине II. Скульптор М. О. Микешин,
архитекторы Д. И. Grimm и В. А. Шретер

*Смотрите, детки,
Как ели ваши предки.*

Конечно, икра, по советским меркам, вовсе не предмет первой необходимости. Ее могло и не быть. Но постепенно начали исчезать и другие товары. И без того небогатый набор продуктов первой необходимости сводился к десятку наименований, за которыми устраивались бесконечные многочасовые очереди. К миллионам ленинградцев прибавились тысячи иногородних покупателей, для которых Ленинград при всей скудости своего продовольственного ассортимента выглядел настоящим зеленым оазисом в безбрежной пустыне голых прилавков сельскохозяйственной провинции. Свидетельствует городской фольклор того времени:

Приехал в Ленинград И. И. Сенькин, первый секретарь Карельского обкома КПСС. Гуляют они по Невскому с первым секретарем Ленинградского обкома Г. В. Романовым. Все проходящие здороваются с Сенькиным: «Здравствуйте, Иван Ильич!» – «Здравствуйте, Иван Ильич!» Романов обиделся. «Что это вы так популярны в Ленинграде?» – «А это не ленинградцы. Это наши карелы за мясом приехали».

Идут по Садовой улице русский и американец. Видят: на углу огромная толпа. «Что это?» – спрашивает американец. Русский подходит к толпе и вскоре возвращается. «А-а, это яблоки выбросили», – успокаивает он американца. Американец извиняется, подходит к толпе, заглядывает внутрь. Возвращается. «Да, у нас такие тоже выбрасывают», – соглашается он.

Стоит человек перед пустым прилавком мясного магазина и материт Романова. Его тут же забирают в КГБ, где вежливо интересуются, чем же так не угодил гражданину товарищ Романов. «А тем, что триста лет Романовы правили, а продуктов не смогли заготовить и на семьдесят».

Тогда же появился анекдот про постановление Ленсовета о переименовании знаменитого в городе кондитерского магазина «Мечта», что с незапамятных времен находился на Невском проспекте, в магазин «Утраченные иллюзии».

В тех условиях стали еще более напряженными и непредсказуемыми взаимоотношения власть предержащих и простого народа, особенно той его части, которую принято называть творческой интеллигенцией. Участились случаи невозвращения из-за границы артистов оперы и балета. Рассказывают, что перед одной из зарубежных поездок труппы Кировского театра Романов вызвал к себе его директора. «Почему после каждой заграничной поездки вы недосчитываетесь несколько человек? – сурово спросил первый секретарь, – Почему от вас уходят артисты?» – «Это не от нас, а от вас уходят», – будто бы ответил директор.

И тут же после очередных гастролей не вернулся Михаил Барышников. Ленинград облетел короткий, как выстрел, анекдот: «Вы слышали, в Кировском театре в антрактах торгуют конфетами «Мишка на западе?» Напомним, что в то время самыми популярными и, понятное дело, дефицитными в Ленинграде были конфеты «Мишка на севере».

Впрочем, «любовь» первого секретаря и ленинградской интеллигенции была взаимной. Рассказывают, что Г. В. Романов долго противился открытию Музея-квартиры Александра Блока. Он хорошо понимал, что это будет еще один центр формирования общественного мнения. Но в конце концов с трудом согласился. Скрепя сердце и скрипя зубами. Будто бы при подписании окончательного решения промолвил: «Пусть это будет последний литературный музей в Ленинграде».

В скандальной мифологии эпохи застоя особое место занимает шумевшая легенда о необыкновенно роскошной свадьбе дочери Григория Васильевича, устроенной им будто бы в Таврическом дворце, среди великолепных интерьеров блестящего екатерининского вельможи. Мало того, для свадебного стола хозяин Ленинграда будто бы приказал взять из Эрмитажа царский парадный сервиз на сто сорок четыре персоны.

Легенда эта неоднократно и публично оспаривалась на самых разных уровнях – от самого Григория Васильевича до директора Эрмитажа Бориса Борисовича

Академик АН СССР
Б. Б. Пиотровский

Пиотровского, который на многочисленные вопросы журналистов неустанно отвечал категорическим «Нет!» Оставим этот спор на совести оппонентов. Мы же находимся на территории фольклора и оперируем только легендами и мифами. Вот и среди работников Эрмитажа до сих пор бытует легенда о том, как началась экспроприация этого музейного экспоната. На неожиданный звонок из Смольного Борис Борисович, как утверждает фольклор, решительно заявил: «Только через мой труп». Но когда в трубке с холодной партийной твердостью ответили, что это не является серьезным препятствием, сказался больным и уехал домой. Через некоторое время к парадному подъезду Эрмитажа подъехала черная лакированная машина, из которой вышли решительные молодые люди в одинаковых черных костюмах. В сопровождении заместителя Пиотровского они направились за сервизом.

Говорят, тот злополучный эрмитажный сервиз сыграл драматическую роль в судьбе Григория Васильевича. Когда отгремели свадебные марши и восхищенные гости разъехались по городам и весям великой страны, в Москве зарождалась одна из последних легенд советского государства. Согласно той легенде, с эрмитажным сервизом связаны неожиданная отставка и последующая опала первого секретаря Ленинградского обкома

КПСС. Романов будто бы оказался первой жертвой Ю. В. Андропова, возглавлявшего в то время КГБ и рвавшегося к вершинам политической власти. Именно тогда Ю. В. Андропов начал методично и последовательно расчищать ступени, ведущие к заветной должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Пострадал Г. В. Романов, утверждает легенда, из-за того, что на свадьбе его дочери подвыпившие гости, среди которых, впрочем, было немало сотрудников КГБ, разбили тот пресловутый сервиз.

Остается только гадать: правда ли это, искусно использованная многоопытным Ю. В. Андроповым для устранения молодого, пышущего здоровьем «ГэВэ», или виртуозная легенда, выношенная в утробе КГБ и специально рожденная для удаления Г. В. Романова – одного из главных претендентов на высший партийный пост. Во всяком случае, более фамилия Романова на политических страницах истории никогда не появлялась.

Но мы забежали вперед. В декабре 1981 года в Ленинграде случилась легендарная история, связанная с именем писателя Виктора Голявкина. В городском фольклоре она получили название: «Второй залп “Авроры”». Скандальную славу как самому писателю, так и герою нашего очерка принес сатирический монолог-юмореска Голявкина «Юбилейная речь», которую он принес в журнал «Аврора». Монолог начинался словами: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг!» Монолог продолжался печальными и одновременно восторженными словами лирического героя: «Но он, безусловно, умрет, как пить дать. Ему поставят огромный памятник, а его именем назовут ипподром – он так любил лошадей».

Монолог был принят в печать и уже сверстан, когда в редакцию пришла срочная тассовка, напоминавшая, что советская общественность должна достойным образом отметить 75-летие генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. К подобным указаниям сверху в редакции при-

выкли, отнеслись к этому спокойно, нашли подходящий портрет юбиляра и цитату из его недавней речи. Понятно, что портрет «верного ленинца» поместили на первой странице.

Едва декабрьский номер журнала появился в продаже, как разразился невиданный скандал. По городу разнеслась весть, что это политическая провокация, подготовленная чуть ли не самим первым секретарем ленинградского обкома партии Г. В. Романовым, который таким образом якобы стремится сместить Л. И. Брежнева со своего поста и занять его место. Иначе как можно расценить появление портрета по случаю 75-летия генсека на первой странице журнала, а издательской «Юбилейной речи» какого-то Голявкина – на 75-й странице того же номера? Кто может оправдать эту чудовищную связь случайным совпадением? Тем более что этих совпадений подозрительно много. Чего стоит одна писательская профессия «юбиляра»? Еще у всех в памяти было недавнее вручение Брежневу писательского билета № 1 по случаю выхода из печати его мемуаров. Он стал первым писателем страны. Не говоря уже об откровенном намеке на любовь к «лошадям». Всем было известно увлечение Леонида Ильича – коллекционирование автомобилей. Заговорили даже о прописках КГБ, который будто бы готовит акцию по свержению Л. И. Брежнева. А инструментом свержения якобы был выбран опять же Г. В. Романов.

С большим трудом, не без вмешательства первого секретаря ленинградского обкома партии, скандал удалось замять. А ироничный ленинградский писатель Виктор Голявкин, который вряд ли пользовался эзоповым языком, а писал свой знаменитый монолог, скорее, с оглядкой на самого себя, чем на первое лицо государства, приобрел невиданную по тем временам всеобщую популярность и поистине всенародную славу.

Эпоха, верным и преданным сыном которой был Григорий Васильевич Романов, безвозвратно уходила в прошлое. Как и предсказывал, став невольным пророком, Виктор Голявкин, менее чем через год после «Второго залпа “Авро-

ры”», умер-таки Леонид Ильич Брежнев, один вид которого в последние годы удивительным образом соответствовал состоянию тления и распада всей социалистической системы. Его место последовательно занимали смертельно больные Ю. В. Андропов и К. У. Черненко.

Но еще задолго до того петербургский городской фольклор, остро почувствовав доносящийся издали запах кладбищенского разложения, создал удивительную легенду о том, как затянулась петля на тонкой шее социализма.

В том же 1981 году, когда вышел злосчастный номер журнала «Аврора», по инициативе Г. В. Романова в Ленинграде, на ул. Воинова*, был открыт монументальный памятник «рыцарю революции» Ф. Э. Дзержинскому. Авторы композиции скульпторы В. Э. Горевой, С. А. Кубасов и архитектор В. Б. Бухаев. Как обычно, при открытии памятника состоялся хорошо организованный многолюдный митинг с оркестром, лозунгами, речами, прессой и другими атрибутами того времени. Когда отговорились дежурные слова и отыграли привычные праздничные марши, наступил наконец момент рождения нового монумента. И тут, как рассказывает городское предание, произошло нечто ужасное. Когда упало белоснежное покрывало, онемевшие от изумления участники торжества увидели на бронзовой шее «Железного Феликса», как называли Дзержинского в народе, затянутый петлей кусок металлического троса, видимо случайно забытого монтажниками при установке памятника. Над площадью нависла зловещая тишина. И только через некоторое время, продолжает предание, среди растерянной толпы суетливо забегали молчаливые и деловитые юноши в штатском, высматривая и тут же конфискуя фотоаппараты, теле- и кинокамеры. Советская власть делала отчаянные и бесполезные попытки спасти свое лицо. Но время было уже другое.

О том, что времена изменились, говорит и фольклор. В то время коммунистическая партия, как никогда, испытывала почти непреодолимые кадровые трудности. После ряда смещений и назначений

первых лиц Ленинграда, имена которых навсегда канули в Лету, и след которых, как мы уже говорили, в городском фольклоре обнаружить не удалось, на пост первого секретаря обкома был выдвинут генеральный директор НПО «Государственный институт прикладной химии» Б. В. Гидаспов. О своем назначении он узнал, находясь в Москве. Тут же вылетел в Ленинград. В Пулково, у трапа самолета его окружили журналисты. «Почему выбор пал на вас, Борис Вениаминович?» – если верить фольклору, наивно спросил кто-то из них. «Но если не я, то кто же?» – будто бы бодро ответил Гидаспов.

Думал ли он о своей незаменимости, или в его ответе прозвучали едва скрываемые нотки отчаянья и безысходности, которую он каким-то образом предчувствовал, сказать трудно, но в истории Ленинграда он так и остался последним первым секретарем.

Так закончился последний пятидесятилетний период истории Петербурга. Его окончание по времени совпало с распадом Советского Союза и с появлением на политической карте мира нового государства – России.

О петербургском городском фольклоре будущего пятидесятилетия нашей истории, надо надеяться, расскажут на страницах этого журнала уже другие.

Памятник Ф. Э. Дзержинскому, открытый в 1981 г.

* Ныне – Шпалерная ул., 62. – *Ред.*

Источники фольклора

- Бахтин В. С. Есть такой анекдот // Нева. 1990. № 2.
 Веллер М. И. Легенды Невского проспекта. СПб., 1994.
 Волков С. История культуры Санкт-Петербурга от основания до наших дней. М., 2001.
 Георги И. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.
 Горышин Г. На 75-й странице // Санкт-Петерб. панорама. 1992. № 7.
 Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич. Л., 1990.
 Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992.
 Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910 годов. Л., 1991.
 Караван историй. 2003. Февр.
 Карчик М. Сказка ложь, да в ней намек... // Смена. 1992. № 278.
 Петриченко О. Дамба против демократии // Огонек. 1989. № 7.
 Питерbook. 1998. № 2.
 Питерский Б. Играли свадьбу // Правда. 1989. № 209.
 Санкт-Петерб. ведомости. 1993. № 193.
 Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
 Собчак А. А. Хождение во власть. М., 1991.
 Файн А., Лурье В. Все в кайф. Л., 1991.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Виктор Федорович
ЕРМАКОВ**

*Род. 9 сентября 1935, Днепрпетровск, Украина
Советский военачальник.*

Русский. Генерал армии (6 февраля 1991). В Вооруженных Силах с 1953 г. Член компартии с 1961 г. Окончил Киевское объединенное училище самоходной артиллерии (1956), Военную академию им. М. В. Фрунзе (с золотой медалью) (август 1967 – июнь 1970), Военную академию Генштаба ВС им. К. Е. Ворошилова (с золотой медалью) (июль 1976), Высшие академические курсы при ней (1982).

Командир учебного танкового взвода (1956–1963), роты (1963–1966), заместитель командира учебного танкового батальона по политической части (декабрь 1966 – август 1967), заместитель командира мотострелкового полка (июнь–октябрь 1970), начальник штаба (октябрь 1970 – февраль 1973), командир (февраль–август 1973) танкового полка. Воинские звания подполковника и полковника присвоены досрочно.

Начальник штаба (август 1973 – июль 1974), командир (июль 1976 – декабрь 1978) 15-й гв. танковой дивизии, командир 28-го армейского корпуса (декабрь 1978 – июль 1980) Центральной группы войск. Командующий 14-й гвардейской общевойсковой армией в Кишиневе Одесского военного округа (июль 1980 – май 1982). Командующий 40-й армией в Афганистане (май 1982 – ноябрь 1983).

В. Ф. Ермаков осуществлял непосредственное управление боевой и повседневной деятельностью ограниченного контингента советских войск, имея статус

уполномоченного правительства СССР по делам советских войск в Афганистане. Он был третьим командующим 40-й армией. В те годы об Ермакове газеты не писали. Пресса замалчивала ту войну. Даже в газете ТуркВО боевые действия описывались как плановая учеба.

Виктор Федорович планировал рейды и операции. Таких разработок было много. Чего стоит только одна, в районе Газни. В ходе ее потери душманов составили 800 человек убитыми и ранеными, а с нашей стороны потерь практически не было. Такие операции входят в учебники по военному искусству, ибо нет успеха весомее, чем разгромить противника и сохранить своих солдат.

Мало кто знает о том, что в те годы командарм издал приказ расследовать каждый случай гибели солдата или офицера в бою. И если оказывалось, что убит человек по вине командира, который потерял управление войсками, не проявил инициативы или, хуже того, струсил в бою, таких офицеров Ермаков отдавал под суд Военного трибунала.

Командарм лично контролировал каждый рейд, каждый бой и делал все, чтобы избежать потерь личного состава. Часто это ему удавалось. Ермакову приходилось участвовать не только в боевых делах. Строительство военных городков, госпиталей, создание нормальных бытовых условий для жизни солдат и офицеров – это тоже входило в его функции.

1-й заместитель командующего войсками Туркестанского воен-

ного округа (ноябрь 1983 – октябрь 1984), командующий Центральной группой войск (октябрь 1984 – ноябрь 1987).

Командующий войсками Ленинградского военного округа (9 декабря 1987 – 16 июля 1990).

Ленинградский военный округ – это весь Северо-Запад страны. В короткий срок предстояло во всем разобратся, осмыслить, понять, как лучше организовать процесс боевой и политической подготовки, а в конечном итоге обеспечить безопасность границ государства.

Начало службы в округе как раз и совпало с началом учебного года, а через несколько месяцев – 70-летие Советской Армии и округа. В первом своем выступлении в печати 25 декабря 1987 командующий поставил новые задачи и цели для военнослужащих округа: «Одной из важнейших задач нового учебного года считать осуществление конкретных мер, направленных на всестороннюю демократизацию жизни армейских коллективов. Новый учебный год начинается в обстановке, когда весь советский народ борется за претворение в жизнь стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны. Мы – защитники северо-западных рубежей нашей Родины осознаем

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–6 за 2003 г., № 1–6 за 2004 г., № 1–6 за 2005 г.

всю ответственность за безопасность Отчизны, за мирный, созидательный труд наших людей. Следует искоренить неуставные взаимоотношения, повисить авторитет честной воинской службы...»

Надо отдать должное публичности нового командующего. 30 января 1988 года на партактиве округа его выступление, основной мыслью которого было внедрение перестройки во все сферы жизни общества, в том числе и Вооруженные Силы, запомнилось многим; в феврале – на научно-практической конференции офицеров штаба и управлений округа Виктор Федорович выступил с докладом «Защита социалистического Отечества, укрепление обороны страны и обеспечение военной безопасности – важнейшая функция Советского государства». Сильным и эмоциональным было его выступление на слете женского актива, где он говорил о достойной встрече 70-летия Вооруженных Сил, отмечал необходимость активизации работы женсоветов и повышение их значимости; вручил переходящее Красное Знамя Военного Совета округа гвардейскому учебному мотострелковому Ленинградскому Краснознаменному ордену Кутузова полку имени Ленинского комсомола.

«Афганец» – командующий войсками округа, Виктор Федорович Ермаков, многократно встречался со своими бывшими подчиненными, в том числе и в мае 1988 года после подписания Женевских соглашений о выводе советских войск из Афганистана. На следующий день после начала вывода ОКСВ генерал-полковник Ермаков вручил группе советских военнослужащих афганские медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа». «...Использование в войсках округа вашего богатого опыта в обучении и воспитании личного состава – важнейшая задача командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций...».

Уместно отметить, что командующий округом уделял много внимания рациону солдат, с пристальным вниманием относился к единственному в округе военному совхозу, требовал от командиров отдельных частей внимания к приусадебным участкам.

Большим событием в округе стало 70-летие Вооруженных Сил и основание округа. В праздничном докладе командующий отмечал передовые части округа – гвардейский танковый дважды орденоносный полк имени 70-летия Великой Октябрьской Социалистической революции, гвардейский учебный мотострелковый полк, Ленинградский Краснознаменный батальон Славы, Роту героев, 6-ю героическую комсомольскую батарею. В торжественной обстановке В. Ф. Ермаков вручал первым кавалерам медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР».

Командующий придавал важное значение подготовке молодежи к службе в Советской Армии. Так, в апреле 1988 года состоялось расширенное заседание Военного Совета округа с приглашением секретарей обкомов партии, чьи области территориально входили в состав ЛенВО. Доклад Ермакова «О подготовке молодежи добровольного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР» был очень актуален. Красной нитью в нем прошло: главная профессия – Родину защищать.

В 1989 году вышли в свет Уставы внутренней, гарнизонной и караульной служб ВС СССР. Руководство округа во главе с командующим выезжали в войска, где проводили занятия, разъясняли основные положения основных воинских законов.

Командующий войсками округа Виктор Федорович Ермаков пользовался очень большим авторитетом в войсках. Многими коллективами он был выдвинут в на-

родные депутаты СССР по Ленинградскому сельскому национально-территориальному округу. В его программе были четко обозначены пути решения тех социальных и экономических проблем, которые волновали жителей местностей, включенных в округ, и в первую очередь жителей Всеволожского района.

Успехи округа разделили с ним его ближайшие помощники: первый заместитель командующего Ф. М. Кузьмин, член Военного совета Ю. М. Павлов, начальник штаба В. А. Ачалов, заместитель командующего по строительству и расквартированию войск Н. А. Ветелкин, начальник инженерных войск округа В. И. Цветков и другие генералы.

Заместитель министра обороны СССР по кадрам – начальник Главного управления кадров МО СССР (июль 1990 – сентябрь 1991).

С сентября 1991 г. в запасе.

Генерал-майор танковых войск (1978), генерал-лейтенант танковых войск (1981), генерал-полковник (1984).

Депутат Верховного Совета УССР, депутат Верховного Совета РСФСР.

Награды СССР: орден Красного Знамени (1982), Красной Звезды (1980), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени (1988), медали.

Награды РФ: орден Почета (2005), медали. Орден Демократической Республики Афганистан «За храбрость» (1983), Чехословакии – орден Красной Звезды (1987).

Сочинения

- Боевая вахта верности // На страже Родины. 1989. 18 марта.
 Качественные параметры обучения – основа боевой готовности войск // На страже Родины. 1989. 31 дек.
 Качество боевой подготовки – основа нашей боеготовности // На страже Родины. 1989. 31 нояб.
 Нужны объединенные усилия // На страже Родины. 1989. 25 нояб.
 Российская газета. 1992. 25 марта.
 От правовой неопределенности страдают все. Но армия – особенно. (Интервью) // Красная звезда. 1992. 18 марта.
 Из истории советско-чехословацкого боевого сотрудничества // Воен.-ист. журн. 1988. № 3. С. 11–16.

Литература

- Военная энциклопедия. М., 1995. Т. 3. С. 167.
 Поляков С. П. Уроки Афганистана. Хроника бесславия // ВИА. 2005. № 10 (70). С. 118–138.

Большая Морская улица

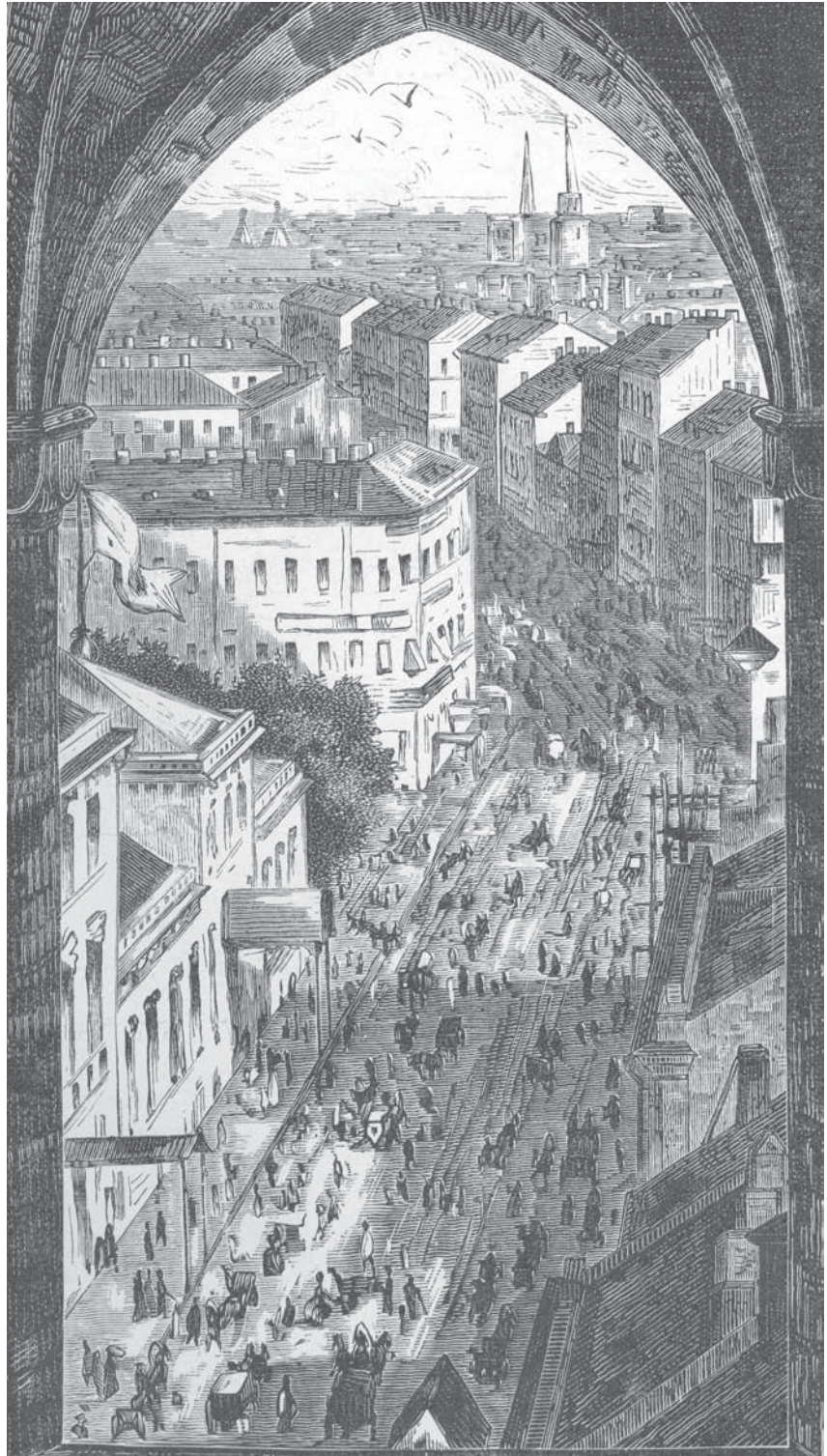
В. Е. Павлов

Недавно на прилавках книжных магазинов Санкт-Петербурга появилось в продаже второе издание книги Л. И. Бройтман и Е. И. Красновой «Большая Морская улица» (издательства: ООО М и М-Дельта и ЗАО «Центрполиграф»). Это издание существенно отличается от первого издания книги, вышедшей в свет в 1996 году в издательстве «Папирус». Оно содержит 462 страницы, включает 268 иллюстраций, из них 96 портретов, причем в книге приведена 61 современная фотография фасадов зданий по всей улице от арки Главного штаба до Крюкова канала.

В книге за коротким введением следуют 6 отдельных частей («От Арки Главного Штаба до Невского», «За Невским до Кирпичного», «Между Кирпичным и Гороховой», «От Гороховой до Исаакиевской площади», «Исаакиевская площадь и за ней», «От Почтамтского переулка вдоль Мойки»), в которых приводится информация по всем домам от № 1 до № 69 (сведения о каждом доме приводятся с новой страницы). В каждой части рассматривается вначале четная сторона улицы, затем нечетная (по современной нумерации). В число зданий попадает 16 угловых домов, что потребовало особого подхода к сообщениям об обитателях этих домов (например, о доме Котомина и со стороны Большой Морской улицы, и со стороны Невского проспекта).

В книге приведен именной указатель, содержащий 1482 фамилии; он разбит на 2 части: «Архитекторы, художники, скульпторы» (147 фамилий) и «Домовладельцы и жители» (1335 фамилий).

Сведения о каждом доме представляют собой результат многолетних поисков о начальном этапе строительства дома, о последующих перестройках, об авторах проектов и исполнителях, о владельцах и жителях, о современном облике дома. Читатель получит ма-

Большая Морская в 3 часа пополудни. Худ. Брелинг

лоизвестные (а иногда и неизвестные) сведений о жителях Санкт-Петербурга, о культурной жизни прошедшего времени, об исторических фактах, подтвержденных материалами архивов и литературных источников. Большая Морская улица предстает как объемная панорама старинной части города и становится близкой читателю, интересующемуся историей Санкт-Петербурга.

Кропотливая работа авторов свидетельствует об их широкой исследовательской натуре, об их неподдельном интересе к каждому событию, связанному с избранной ими улицей. Авторам удалось наглядно показать, что Большая Морская – неотъемлемая часть города, что она изобилует интереснейшими событиями, оказывавшими благотворное влияние на жизнедеятельность населения всего города. После прочтения книги создается впечатление, что без Большой Морской улицы Санкт-Петербург был бы не таким блистательным и величественным; не будь этой улицы, город не получил бы современного вида той исторической части, которая до сих пор восхищает жителей и гостей города.

Заслуга авторов еще и в подаче текста, лаконично, но содержательно и доходчиво отражающего столь трудным образом добытый весьма объемный материал по каждому дому.

Изучая весь материал книги, обращаешь внимание на некоторые особенности, которые снижают в определенной степени ценность авторских сведений.

Почему-то не приведены современные фотографии фасадов домов № 45 и 54, хотя фасады этих зданий представляют интерес с точки зрения сопоставления их с первоначальным видом.

Не полностью отражена в книге тема мемориальных досок (из восьми досок встречается указание только на 4 доски, посвященные А. С. Грибоедову, М. В. Ломоносову, В. В. Набокову и А. Н. Косыгину). При подаче материала о Текстильном институте (ныне Университет технологии и дизайна) не приведены фотографии установленных в 2003 году при входе в институт мемориальных досок, посвященных

министру финансов Канкрину, основателю Технологического института, где началось «текстильное» образование.

О некоторых деятелях можно было бы дополнить сведениями, неразрывно связанными с важными событиями в истории города. Например, А. И. Рибоьер, проживавший в доме № 19, посланник России в Константинополе, получив известие от А. Н. Муравьева, находившегося в 1830 году в Египте в Александрии, о возможности приобретения двух ценнейших памятников Древнего Египта – гранитных сфинксов, сделал все необходимое, чтобы купить эти изваяния и в 1832 году доставить в Санкт-Петербург (эти сфинксы установлены на спуске к Неве у Академии художеств).

Рассказывая об учителе музыки и пения в Лицее Теппере де Фергюссоне, проживавшем в доме № 43, надо было бы указать, что он был штатным учителем музыки в Лицейском пансионе (существовал с 1814 по 1829 год), а не в Лицее, но у себя в доме в Царском Селе на углу Средней и Церковной улиц давал уроки музыки и пения лицеистам по просьбе директора Лицея. На доме Теппера де Фергюссона в Царском Селе установлена мемориальная доска. Теппер де Фергюссон – автор музыки «Прощальной песни» на слова А. Дельвига, исполнявшейся хором лицеистов на выпускном акте 9 июня 1817 года.

О С. Есенине дана лишь одна фраза об участии его на квартире Ярошинского (дом № 52) в поэтическом вечере, хотя творческая жизнь поэта была связана и с нашим городом, о чем можно было бы дать краткую информацию.

В тексте не упомянут Краснофлотский пешеходный мост через Мойку, расположенный за Поцелуевым мостом ниже по течению.

Можно отметить и еще одно замечание: в именном списке, приведенном в новом издании книги, каждая фамилия связана не со страницей книги, а с номером дома (оригинально, конечно), но приходится пользоваться вначале именным списком, а потом обращаться к оглавлению – на какой странице находится начало текста, посвященного конкретному дому. (Кста-

ти, в список имен не включена фамилия секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого – дом № 52.) Жаль, что не указаны годы жизни персонажей книги.

В книге, к сожалению, не приведены литературные источники, список которых всегда характеризует объем работы авторов и позволяет читателю выбрать интересующий его источник для проведения своего исследовательского поиска или для более широкого ознакомления с историческими событиями и героями истории.

Можно сожалеть, что сведения по ряду домов ограничиваются 1910-ми годами, 1930-ми, 1950–1960 годами. Не отражена жизнь в период блокады, когда люди беззвучно умирали у своих домов, замерзая в снежных сугробах, у себя дома – в комнатах, стены которых были покрыты изморозью. Мало сведений о современном периоде (1990-е годы), об организациях и учреждениях, занимающих помещения в домах сегодня. Эту работу, видимо, авторы оставили последующим исследователям.

В заключение следует отметить, что книга «Большая Морская улица» (в новом издании) приоткрывает для читателей, для жителей города, в первую очередь, особый мир, бытовой, литературный и духовный, неповторимую атмосферу прошлых лет, необычную историю Санкт-Петербурга, второй столицы России.

Л. И. Бройтман и Е. И. Краснова уже за первое издание книги были удостоены диплома Анциферовского комитета Санкт-Петербурга в номинации «Лучшая научно-исследовательская работа» за исследования по истории Большой Морской улицы. Второе издание книги показывает, что авторы не почтили на лаврах, а продолжили поиски по той же теме и обогатили исследования новыми фактами и персоналиями из архивных источников, за что заслуживают особой благодарности. Презентация книги в Российской национальной библиотеке подтвердила высокое качество научного исследования, позволившего открыть новые страницы истории Санкт-Петербурга.

К юбилею Наталии Васильевны Юхнёвой

С. Н. Полторак

Исполнилось 75 лет со дня рождения одного из самых известных петербургских историков – Н. В. Юхнёвой.

Наталия Васильевна окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета и сразу же поступила в аспирантуру. Ее научным руководителем был выдающийся историк профессор Сигизмунд Натанович Валк.

Уже в те годы Н. В. Юхнёва поняла, что история Петербурга – это главное направление исследований ее жизни. В 1962 году ею была защищена кандидатская диссертация «Рабочее движение в Петербурге в 1901 г.».

В 1957 году Наталия Васильевна начала свою работу в Институте этнографии АН СССР (ныне – Музей антропологии и этнографии РАН). Там она работает и сейчас.

Петербургская тема была не единственной среди ее научных интересов. С 1964 года вместе с московскими коллегами она исследовала историю рабочего движения на Урале. Именно тогда Н. В. Юхнёва выбрала для своих исследований очень необычный по тем временам «срез» проблемы – «производственную жизнь» уральских рабочих. Некоторые ученые с сомнением отнеслись к правомерности выбора такой темы исследований. Но практика показала, что молодой ученый, проявив исследовательскую самобытность, пошла нужным путем. Наталия Васильевна встречалась с местными краеведами-старожилами, с про-

изводственниками, проводила анкетирование среди рабочих. Это были во многом новые и необычные подходы к исследовательской деятельности. В результате многолетней работы появилась необычная по сути и названию монография «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917–1970». Эта книга вышла в Москве, в соавторстве с В. Ю. Крупянской, О. Р. Будиной, Н. С. Полищук в 1974 году.

Полученный опыт дал возможность по-новому взглянуть на историю Санкт-Петербурга. Н. В. Юхнёва обратила внимание на то, что этническая тема в истории города не разрабатывалась. Начав ее разрабатывать, Наталия Васильевна в 1984 году подготовила и издала монографию «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начала XX вв.». Спустя три года, в 1987 году, она защитила по этой проблеме докторскую диссертацию. В основе ее труда лежали материалы переписи населения и другие статистические сведения. В процессе работы был сделан акцент на формирование этнического состава населения, его этносоциальной структуры и расселения этнических групп в столице Российской империи. Несмотря на установленные временные рамки исследования, Наталия Васильевна сумела заглянуть и в более далекое прошлое: ею были исследованы и некоторые аспекты, связанные с событиями XVIII в. Книгу заметили историки не только в Советском Союзе, но и в США, Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Японии.

Но публикация монографии и защита докторской диссертации стали лишь этапом большой работы по изучению истории Петербурга. В дальнейшем ученым мно-

го внимания уделялось изучению истории различных этнических групп, ставших жителями Петербурга. Это были финны, шведы, немцы, евреи, белорусы, украинцы, латыши, эстонцы. Хронологические рамки изучения проблемы существенно расширились и охватили всю 300-летнюю историю города. Ученым впервые был поставлен вопрос о роли Петербурга в национально-культурных движениях народов нашей страны.

Этнические аспекты петербургской истории сопоставлялись с такими же аспектами истории других городов России, а также Австро-Венгрии, что позволило выявить ряд любопытных закономерностей.

За время своей научной работы Наталия Васильевна по существу сформировала собственную школу. Ее ученики и последователи стали эффективно изучать этническую проблематику в этнографии Петербурга. Почти 20 лет Н. В. Юхнёва руководила группой ученых, исследовавших этнографию и этносоциологию Петербурга–Ленинграда. С 1983 года до настоящего времени чтения «Этнография Петербурга–Ленинграда», организованные Н. В. Юхнёвой, проводятся ежегодно. В них принимали и принимают участия ученые не только Петербурга, но и Москвы, Киева, Риги, Таллина и других городов.

Благодаря стараниям и инициативе Наталии Васильевны в разные годы из печати вышли такие сборники научных статей, как «Старый Петербург», «Петербург и губерния», «Этнография Петербурга–Ленинграда», «Этнография Петербурга–Ленинграда. 1974–2004».

Н. В. Юхнёва разработала блестящий курс лекций по теме «Этнография Петербурга», который с успехом читался в Ленинграде, в Институте усовершенствования

учителей, в Петербургском государственном университете, в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, в Петербургском институте иудаики, в общественном «Университете Петербурга». Довелось ей читать лекции-доклады в Москве, в городах Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Чехословакии, Герма-

нии, Израиля, Дании, Финляндии, Великобритании, Швеции.

Сейчас Наталия Васильевна продолжает свою активную научную деятельность. У нее немало интересных творческих замыслов. Журнал «История Петербурга» гордится тем, что она является одним из его авторов и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Редколлегия и читатели издания сердечно поздравляют Наталию Васильевну с юбилеем и желают ей оставаться юной душой, поражая окружающих удивительным даром просто писать и говорить о сложнейших и актуальнейших научных проблемах!

Счастья Вам и здоровья, дорогая Наталия Васильевна!

Рецензия на книгу

Э. А. Анненковой и Ю. П. Голикова «Принцы Ольденбургские в Петербурге»

В. П. Третьяков

Книга Э.А. Анненковой и Ю.П. Голикова «Принцы Ольденбургские в Петербурге» – это книга очерков о четырех поколениях принцев Ольденбургских в России, или, как их назвал И. Бунин – «русских Ольденбургских».

Книга написана на основе архивных и литературных материалов, о истории жизни и деятельности членов семьи принцев Ольденбургских, об истории зданий и тех основных учреждений, которые эта семья создавала и опекала.

Очерковый характер книги позволил авторам рассмотреть широкий круг вопросов, связанных с несколькими поколениями русских Ольденбургских. В очерке, открывающем книгу, представлена генеалогия владетелей дома фон Ольденбург, и, в частности, герцогов Шлезвиг-Голштейн-Готторпских. Авторы рассматривают историю брака старшей дочери Петра I Анны с герцогом Карлом Голштинским и приходят к заключению о том, что престолонаследие дома Романовых в России в наши дни возможно только по женской линии. Примером этого в истории России был Петр III.

Во втором разделе описана судьба одной из дочерей Павла I, в. кн. Екатерины Павловны, которая вышла замуж за принца Георга Ольденбургского. Привлекают внимание

материалы, связанные с деятельностью членов этой семьи во время войны с Наполеоном и с последующей благотворительностью великой княгини Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской.

В следующем разделе читатель узнает не только о первых общинах сестер милосердия, которые создавались при участии Петра Георгиевича Ольденбургского, но и о том, что он учреждал и патронировал большое число учреждений женского образования, не говоря уже об Училище правоведения и Александровском лицее. Интересен очерк о контактах принца Петра Георгиевича с литераторами, музыкантами и художниками, о его активной позиции и помощи в установке памятника А. С. Пушкину в Москве и его помощи в облегчении судьбы осужденного Ф. М. Достоевского.

Следующий раздел посвящен детям и внукам принца Петра Георгиевича, в котором при общем благожелательном отношении к их деятельности уже как бы прогнозируется неизбежный финал этой семьи.

Необычна жизнь одного из сыновей принца Петра Александра Петровича, который, продолжая традиции семьи, также занимался благотворительностью, но совершил принципиально отличное от общепринятых пожертвование. Впервые в России он на свои средства основал в 1890 году Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), который существует и ныне.

Ряд очерков посвящен выдающимся ученым и врачам, с которыми Ольденбургских многое связывало на протяжении десятилетий. Это Э. Шперк, С. М. Лукьянов, К. А. Раухфус. Если бы не поддержка со стороны принца и его супруги, то вряд ли бы И. П. Павлов получил Нобелевскую премию.

Очерки, посвященные образовательным и лечебным учреждениям, содержат массу интересных исторических фактов, рассеивают стереотипные негативные представления и мифы о прошлом.

Книга легко читается и с неослабевающим интересом, чувствуется авторская позиция. В книге приводятся исторические и биографические справки; любопытные факты, информационные материалы не только хорошо дополняют основной текст, но и способствуют лучшему восприятию содержания. Книга богато и хорошо иллюстрирована. К ее достоинствам следует отнести наличие обширного списка литературных и архивных источников и приложения.

В своем заключении авторы признают, что в маршруты путешествия по городу не вошли многие адреса прошлого. Будем надеяться, что этот пробел будет восполнен во втором издании.

В итоге хочется еще раз подчеркнуть, что в книге сочетается строгость исторического подхода и легкость в изложении бытовых фактов. Можно не сомневаться, что каждый читатель сможет сделать для себя небольшие открытия.

Заседание редколлегии Журнала «История Петербурга»

10 ноября 2005 года состоялось очередное заседание редколлегии журнала «История Петербурга».

На этот раз члены редколлегии собрались в Центральном музее железнодорожного транспорта Российской Федерации, где экскурсию по залам музея провела заслуженный работник культуры РФ директор музея Галина Петровна Закревская. Редколлегия подробно ознакомилась с экспонатами зала, посвященного истории зарождения в России железнодорожного транспорта. В этом зале установлена драгоценная реликвия – модель первого российского паровоза отца и сына Черепановых. Эта модель изготовлена М. Е. Черепановым в Нижнем Тагиле в 1839 году (сам паровоз был построен в 1834 году и возил грузы в вагонетках по рельсовой заводской дороге). Здесь же для обозрения установлена модель паровоза «Проворный» Царскосельской железной дороги, открытой в 1837 году. Модель изготовлена в 1839 году воспитанниками Санкт-Петербургского технологического института. Члены редколлегии увидели бюсты Ф. А. Герстнера, строителя Царскосельской железной дороги (скульптор В. П. Петин), и П. П. Мельникова, одного из руководителей строительства двухпутной железнодорожной магистрали «Петербург–Москва», первого министра путей сообщения (скульптор М. М. Герасимов). Вызывала интерес модель поезда Царскосельской железной дороги, изготовленная в 1937 году к 100-летию дороги.

Заметное оживление участников экскурсии вызвало посещение залов «Мостостроение» и «Подвижной состав», где собраны уникальные образцы техники XIX и начала XX века, когда строился Великий Сибирский путь. Обзор экспонатов, посвященных железным дорогам в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, знакомство с работой действующих макетов сортировочной горки и строительно-дорожных машин, электрифицированного участка железной дороги дали некоторое представление о железнодорожном транспорте, развитие которого продолжается уже

Директор музея
Галина Петровна Закревская

200 лет с момента изобретения Р. Тревитиком в Англии в 1804 году первого действующего паровоза, поставленного на чугунные рельсы.

До посещения Центрального музея железнодорожного транспорта члены редколлегии побывали в Юсуповском дворце на Фонтанке, познакомились с интерьером дворца после его ремонта в 2002–2003 годах, побывали в кабинете Августина Бетанкура, первого ректора Института корпуса инженеров путей сообщения, крупного инженера и ученого мирового уровня, автора многих инженерных проектов зданий и сооружений в 11 городах России. Из кабинета Бе-

танкура все прошли в Музей Петербургского государственного университета путей сообщения (ЛИИЖТа), расположенный на 2-м этаже дворца.

Материалы музея раскрывают почти двухсотлетнюю историю первого в России высшего транспортного учебного заведения, открытого в ноябре 1810 года. Многочисленные научные труды и учебники, чертежи, макеты, дипломы и аттестаты, зачетные книжки и грамоты, ордена и медали, фотографии и портреты, разнообразные жетоны и значки – все раскрывает деятельность каждого из 26 ректоров и многих питомцев Университета путей сообщения, получивших широкое признание в обществе, бескорыстно служивших Отечеству.

После посещения двух музеев на заседании редколлегии были рассмотрены текущие вопросы, примерный перечень публикаций последнего номера журнала в 2005 году и планы первого полугодия 2006 года. Членам редколлегии были переданы на рецензию рукописи статей, направленных в журнал для опубликования, и рассмотрены меры возможного расширения круга подписчиков на журнал.

Статья Г. П. Закревской «По залам Центрального музея железнодорожного транспорта России», которая будет опубликована в журнале, познакомит читателя с одним из старейших музеев города, основанном в 1813 году.

Члены редколлегии на экскурсии в музее

Сведения об авторах

АБАРОВА Елена Владимировна – главный хранитель музея А. А. Ахматовой Царскосельской гимназии искусств г. Пушкина.

АЛЕКСАНДРОВА Елена Львовна – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе РАН.

БЕЛЯКОВ Лев Петрович – кандидат геолого-минералогических наук, соавтор и соредатор трех изданий книги «Репрессированные геологи». Над материалами о судьбе О. Головачевой работал около 40 лет.

БОБРОВА Елена Евгеньевна – заведующая сектором документально-письменных источников Пермского областного краеведческого музея.

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

ВЬЁССЁ Джован-Пьетро (1779–1863).

ЗАКРЕВСКАЯ Галина Петровна – директор Центрального музея железнодорожного транспорта России, заслуженный работник культуры РФ, Почетный железнодорожник.

ЗЕРНОВ Владимир Борисович – музейный художник, научный сотрудник. Исследует архитектуру Санкт-Петербурга и историю коренных финноугорских народов Приневья.

ЗИМИН Игорь Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова.

ИОНАС Владимир Яковлевич – (22 августа 1900 – 7 ноября 1988).

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

КАЛЬНИЦКАЯ Елена Яковлевна – кандидат искусствоведения, директор филиала Государственного Русского музея «Инженерный замок».

КАРТУС Альберт Израилевич – инженер путей сообщения, ветеран БАМа, участник Великой Отечественной войны.

КУРЛЯНДСКИЙ Виктор Анатольевич – художник, выпускник Мухинского училища, преподаватель.

ЛИБИХ Римма Филипповна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. В настоящее время на пенсии.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МАТВЕЕВ Николай Петрович – врач-офтальмолог, краевед.

ОРЛОВ Денис Анатольевич – аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ПАВЛОВ Владимир Егорович – доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ПОМАРНАЦКИЙ Андрей Валентинович (1903–1981) – искусствовед и историк. Долгое время работал в Гатчинском дворце-музее и Государственном Эрмитаже.

ПЯТИНИН Валерий Федорович – режиссер, журналист.

РЕДАЭЛЛИ А. Марио – (Лугано, Швейцария, кантон Тессин).

САРКИСОВА Татьяна Сергеевна – руководитель Центра краеведения Дворца детского и юношеского творчества г. Пушкина, экскурсовод.

СИНДАЛОВСКИЙ Наум Александрович – писатель, исследователь истории Петербурга.

ТОДОРОВИЧ Пия – (Лугано, Швейцария, кантон Тессин).

ТРЕТЬЯКОВ Виталий Петрович – доктор психологических наук, профессор.

ФЕДОРОВ Виктор Михайлович – краевед Приморского района Санкт-Петербурга.

История Петербурга журнал

№ 1 (29) 2006

Корректор **Т. В. Королева**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 2.02.2006. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,
Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ №

Цена свободная